

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

На правах рукописи

Захаров Сергей Михайлович

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР В
ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ

Специальность 23.00.02 –
Политические институты, процессы и технологии

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Скиперских Александр Владимирович

Екатеринбург – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I	
СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	
§1. Концепт «студенческая молодёжь» в дискурсивных практиках	21
§2. Студенческая молодёжь как политический актор	44
ГЛАВА II	
СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС	
§1. О Субъектном потенциале студенческой молодёжи в зарубежном политическом дискурсе	61
§2. Особенности политического участия студенческой молодёжи в Российской империи и СССР.....	79
ГЛАВА III	
СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ В ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ: СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ	
§1. Студенческая молодёжь в легитимации и делегитимации постсоветских политических режимов.....	101
§2. Специфика политического потенциала студенческой молодёжи в современной России.....	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
ЛИТЕРАТУРА	167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Политические трансформации, происходившие на рубеже XX-XXI вв., не могли быть осуществимы без поддержки студенческой молодёжи. В моменты кардинальных общественных разломов, в условиях нарастания социальной нетерпимости и ухудшения экономической конъюнктуры студенческая молодёжь оказывается наиболее уязвимой социальной группой, равно, как и способной к политическому действию. Студенческая молодёжь изначально присутствует в политическом процессе как группа интересов, поэтому любые изменения не в её пользу могут порождать критическую, и даже радикальную рефлексию.

Мобилизационный потенциал студенческой молодёжи оказывается важным ресурсом, за который вступают в борьбу ключевые политические акторы. Перспективы политического режима оказываются зависимыми от того, кому из политических акторов удастся заручиться поддержкой студенчества. Иногда таким актором может выступать правящий класс. В другой ситуации, разочарование студенчества во власти используется оппозиционными акторами. Студенчество быстро охватывается революционным романтическим драйвом, что определённым образом катализирует распад непопулярных политических режимов.

Таким образом, демократизация политических режимов происходит при активной поддержке студенчества, приносящего заметный вклад в их политическую легитимацию/делегитимацию. В полной мере это показывают политические процессы на постсоветском пространстве. Опыт «цветных» революций напоминает, что на постсоветском пространстве вплоть до настоящего времени может существовать вероятность новой ненасильственной смены правящих элит с помощью студенческой молодёжи.

Политическая активность студенческой молодёжи заставляет власть искать способы её вовлечения в собственные проекты. Политическое участие студенческой молодёжи всегда связывается с инновацией, с креативными идеями, что заметно капитализирует её политический потенциал¹. Студенческая молодежь начинает привлекаться в «готовые» институты, что облегчает диалог власти с активной частью студенческой молодёжи. Вместе с тем, может быть затруднён диалог с другой частью активного студенчества, позиционирующего себя вне официальной политики, и тяготеющей к реализации собственного политического потенциала в рамках неофициальных институтов и в формате уличной политики.

Субъектный потенциал студенческой молодёжи в постсоветских государствах требует изучения и определения её шансов в процессах легитимации/делегитимации в перспективе новых электоральных циклов. Существует необходимость и в определении механизмов управления протестным потенциалом, а также установлении мировоззренческих доминант современной студенческой молодёжи в контексте нарождающихся вызовов, формирующих новые репертуары страхов и опасений².

Актуальность исследования связывается и с необходимостью политической идентификации студенческой молодёжи в государствах постсоветского пространства. Определение собственного положения в социально-политической структуре позволит формировать модели поведения, прибегая к наиболее эффективным формам политической активности для защиты собственных прав и интересов.

Степень научной разработки. Авторы, исследовавшие политическую активность студенческой молодёжи, пытались определить её субъектные возможности в условиях различных политических систем и процессов. Это

¹ См.: Луков В., Луков С., Погорский Э. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook. – 2014. – № 2. – С. 6-18.

² См.: Нарбут Н. П., Троцук И. В., Цзиньфэн Ци. Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия. Социология. – 2014. – № 1. – С. 149-167.

позволяет выделить *шесть групп* литературы, где исследователи обращают внимание на студенчество в политическом ракурсе.

Изучение студенческой молодёжи как политического актора вряд ли было бы возможно без обращения к теоретической литературе, представленной несколькими группами. В *первую группу* входят труды зарубежных (М. Вебер, М. Каазе [et al.], Н. Луман, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Парсонс)¹ и отечественных исследователей (М. Грачев, М. Ильин, Б. Коваль, Б. Краснов, Г. Семигин, П. Сорокин)².

Опыт легитимации/делегитимации политических режимов рассматривается в работах таких авторов, как Р. Даль, Т. Гарр, К. Мангейм, К. Мяло, А. Пшеворский³.

Работы современников политических событий Р. Ванейгема, Г.-Э. Дебора, Д. Рубина⁴ позволяют оценить теоретические предпосылки раскрытия субъектного потенциала.

¹ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост. общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / сб.: пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 509 с.; Парсонс Т. О структуре социального действия / изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.; Kaase M., Marsh A. Political Action Repertory. Changes Over Time and a New Typology // Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. – Beverly Hills, CA: Sage, 1979. – P. 137-166.

² Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.; Коваль Б. И., Ильин М. В. Власть versus политика // Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 152-163; Актер политический / Б. И. Краснов // Политическая энциклопедия: в 2 т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 1. – С. 35; Субъекты политики / Г. Ю. Семигин // Политическая энциклопедия: в 2 т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 2. – С. 477-478; Сорокин П. А. Социология революции. – М.: Территория будущего, РОССПЭН, 2005. – 702 с.; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ.; общ. ред., сост., предисл. А. Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

³ Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.; Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.; Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.; Мяло К. Г. Под знаменем бунта. Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950-1970-х годов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 287 с.; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / пер. с англ.; под ред. проф. В. А. Божанова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 320 с.

⁴ Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений. – М.: Гилея, 2005. – 288 с.; Дебор Г.-Э. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович; ред. Б. Скуратов; послесл. А. Кефал. – М.: Логос, 2000. – 184 с.; Рубин Д. Действуй! Сценарии Революции / пер. с англ. О. Озерова. – М.: Гилея, 2008. – 233 с.; О нищете студенческой жизни, рассмотренной в экономическом, политическом, психологическом и, в первую очередь, интеллектуальном аспекте, а также о некоторых способах её преодоления / сост., пер. с фр., примеч. и послесл. С. Михайленко. – М.: Гилея, 2012. – 89 с.

Интерес в рамках изучения современных форм политического участия молодёжи, позволяет обратиться к концепции персонализированной политики, раскрываемой в работах У. Бека [et al.], Л. Беннетта, А. Желниной¹.

Вторую группу составляют работы В. Агафонова, Р. Борисенко, М. Выдрина, С. Гессена, П. Гусятникова, Ф. Еленева, Г. Щетининой², раскрывающие опыт студенческих выступлений в России до 1917 г. В них акцентируется внимание на повседневной жизни, идеологических ориентациях и экономических свободах студенчества, повлиявших на протестную активность в конце XIX – начале XX века.

В современной России наблюдается высокий уровень интереса к данной теме, о чем свидетельствуют работы Р. Ганелина, Н. Завадского, А. Иванова, К. Казаковой, И. Кулаковой, Н. Логачевой, А. Маркова, Н. Олесич, Ф. Петрова, Е. Савицкой³. Данная тема исследовалась и зарубежными авторами (С. Моррисси)¹.

¹ Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization. Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. – SAGE Publications London – Thousand Oaks – New Delhi, 2002. – 221 p.; Bennett W. L. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2012. – Vol. 644. – November. – P. 20-39; Желнина А. А. Свобода от политики: «обычная» молодежь на фоне политических протестов // Социология власти. – 2013. – № 4. – С. 139-149.

² Агафонов В. К. Студенческие волнения и русское правительство. – СПб.: тип. т-ва «Общественная польза». – 1906. – 336 с.; Борисенко М. В. Студенчество Петербурга в 1907-1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Л., 1984. – 218 с.; Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России – М.: Изд-во «Студенческий голос», 1908. – 86 с.; Гессен С. Я. Студенческое движение в начале шестидесятых годов. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-переселенцев, 1932. – 143 с.; Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. – М.: Мысль, 1971. – 264 с.; Еленев Ф. П. Студенческие беспорядки. – СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1888. – 46 с.; Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. – М.: Наука, 1976. – 232 с.; Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России: последняя четверть XIX в. / отв. ред. И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 238 с.

³ Ганелин Р. Ш. Тартуское студенчество на пороге XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 80 с.; Завадский Н. Г. Студенчество и политические партии России в 1901-1914 гг. – СПб.: Нестор, 1998. – 190 с.; Завадский Н. Г. Испытание войной. Российское студенчество и политические партии в 1914 – февраль 1917 гг. – СПб.: Нестор, 1999. – 46 с.; Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М.: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991. – 392 с.; Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 414 с.; Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – 408 с.; Казакова К. С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Петрозаводск, 2010. – 256 с.; Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. – М.: Новый хронограф, 2006. – 336 с.; Логачева Н. В. Деятельность органов политического сыска среди студенчества в Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 1/2 (82). – С. 70-74; Марков А. Р. Что значит быть студентом. Работы 1995-2002 годов / предисл. А. Дмитриева – М.:

Исследования, посвященные советскому студенчеству, объединены в *третью группу*. Работы таких авторов как И. Ильинский, В. Инютин, М. Карпачёв, В. Лисовский, В. Рахманин, Б. Рубин, Л. Рубина² в большей мере обращены на изучение социологических характеристик советского студенчества.

Исследования Д. Андреева, В. Василевского, О. Герасимовой, С. Давыдова, В. Козлова, А. Мартыновой, И. Мазуса, Е. Постникова, В. Соколова, Н. Стребковой³ сосредоточены на изучении социально-политического потенциала советского студенчества.

Диссертант не мог не учитывать и тексты, посвящённые студенческой активности в Европе, США, Иране и других государствах в 1960-1970-х гг.

Новое литературное обозрение, 2005. – 264 с.; Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – 208 с.; Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. – Том 4. – Российские университеты и люди 1840-х годов. – Часть 2. – Студенчество. – М.: Издательство Московского университета, 2003. – 464 с.; Савицкая Е. А. Русское революционное студенчество 80-90-х годов XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия. Проблемы высшего образования. – 2012. – № 1. – С. 202-207.

¹ Morrissey S. K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. – New York: Oxford University Press, 1998. – 288 p.

² Ильинский И. М. ВЛКСМ в политической системе советского общества. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 239 с.; Инютин В. В. Политическое участие российской молодежи во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг.: формы, тенденции, противоречия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Воронеж, 1999. – 260 с.; Карпачёв М. Д. Воронежский университет. Вехи истории: 1918-2003. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 472 с.; Лисовский В. Т. Советское студенчество. Социологические очерки. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.; Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 183 с.; Образ жизни студентов воронежских вузов в конце 90-х годов: особенности тенденции изменения (по материалам социологических исследований) / под. руковод. В. С. Рахманина. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 90 с.; Рубин Б. Г., Колесников Ю. С. Студент глазами социолога (социологические проблемы воспроизводства рабочей силы высшей квалификации). – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1968. – 277 с.; Рубина Л. Я. Советское студенчество: социологический очерк. – М.: Мысль, 1981. – 207 с.

³ Андреев Д. А. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб, 2007. – 187 с.; Василевский В. П. Студенчество Омска как объект деятельности органов ГПУ-ОГПУ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5(43). – Ч. 1. – С. 49-53; Герасимова О. Г. Общественно-политическая жизнь студенчества МГУ в 1950-е – середине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2008. – 334 с.; Давыдов С. Г. Становление и развитие неформального молодежного движения в СССР (1945-1985 гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – М., 2002. – 439 с.; Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.) / изд. 3-е, испр. и доп. – М.: РОССПЭН, 2009. – 463 с.; Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 гг.). Справочник / сост. И. А. Мазус. – М.: Возвращение: Гос. музей ГУЛАГа, 2014. – 368 с.; Мартынова А. Ю. Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. – 2005. – № 13. – С. 166-181; Постников Е. С. Российское студенчество на Родине и за рубежом. 1917-1927 гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – Тверь, 2000. – 507 с.; Соколов В. И. Российское молодёжное движение: от многообразия к унитаризму: 1917-1925 годы: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – М., 1996. – 399 с.; Стребкова Н. В. Коммунистическое студенчество как главная опора власти в пролетаризации вузов в 1920-1930-е гг. // Вопросы науки. – 2014. – № 2 (8). – С. 55-61.

из-за необходимости сопоставления советского опыта с прогрессивной и радикальной практикой в указанных случаях. Это позволило представить в *четвёртой группе* работы советских авторов Б. Баннова, В. Большакова, А. Брычкова, К. Вощенко, А. Грачева, А. Семенова, В. Юртаева и других¹.

Внимание к политическому участию студенческой молодёжи демонстрируют также современные авторы: О. Колбасина, Д. Нечаев, Е. Пенская, А. Тарасов².

Интерес к студенческому протесту проявляют зарубежные исследователи, о чем свидетельствует большой массив описательной и аналитической литературы (М. Климке, Р. В. Конант, Л. С. Фойер, Г.-Р. Хорн³ и другие).

В *пятую группу* объединены авторы, обращающие внимание на участие студенческой молодёжи в постсоветских трансформациях. В их числе В. Барсамов, А. Воскресенский, О. Глазунов, Д. Ешпанова [и др.], С. Жильцов, В. Иванов, С. Кара-Мурза, А. Князев, Ю. Котляревский, А. Крылов, И. Максимов, С. Михеев, Е. Пономарева, Г. Почепцов, А. Скиперских, С. Станчик, О. Фефелова и другие⁴. Материалы, позволяющие составить

¹ Баннов Б. Г. Мятёж возмущенного разума. Студенчество Запада против империализма. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 112 с.; Большаков В. В. Бунт в тупике? Очерки с идеологического фронта. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 368 с.; Брычков А. Р. Молодая Америка. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 256 с.; Брычков А. Р. Молодежь США: от нигилизма к политике. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 144 с.; Вощенко К. П. Молодые борцы за мир. – М.: Просвещение, 1974. – 175 с.; Грачев А. С. Поражение или урок? Об опыте и последствиях молодежных и студенческих выступлений 60-70-х годов на Западе. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 224 с.; Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956-1968 гг.). – М.: Наука, 1975. – 232 с.; Юртаев В. И. Иран: студенты в исламской революции. – М.: Наука, 1993. – 218 с.; Левое студенческое движение в странах капитала / отв. ред. С. С. Салычев. – М.: Наука, 1976. – 311 с.

² Колбасина О. В. Молодежное протестное движение в США: вторая половина 1950-х – первая половина 1970-х годов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Краснодар, 2006. – 255 с.; Нечаев Д. Н. Молодежные организации в политической системе ФРГ (80-е – начала 90-х годов XX века). – Воронеж: ВГУ, 2002. – 174 с.; История студенческих протестов. 1968 г. в Европе. Хроника событий / материал подготовлен Е. Н. Пенской // Вопросы образования. – 2008. – № 4. – С. 256-281; Тарасов А. In memoriam anno 1968 // Забриски Rider. – 1999. – № 8. – С. 9-17.

³ Klimke M. The «other» alliance: Global protest and student unrest in West Germany and the U.S., 1962-1972. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2008; Conant R. W. The prospects for revolution. A study of riots, civil disobedience, and insurrection in contemporary America. – N. Y.: Harper's Magazine Press, 1971. – 290 p.; Feuer L. S. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movements. – N. Y.: Basic Books, 1969. – 543 p.; Horn Gerd-Rainer. The Spirit of '68: Rebellion in Western Europe and North America, 1956-1976. – Oxford: Oxford University Press, 2007.

⁴ Барсамов В. А. «Цветные революции»: теоретические и прикладные аспекты // Социологические исследования. – 2006. – № 8. – С. 57-66; Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии

представления о настроениях в студенческой и молодёжной среде, перспективах политической активности, содержатся докладах о состоянии молодёжи в постсоветских государствах¹.

Шестую группу составляют работы, изучающие роль студенчества в политических процессах в современной России. А. Ваторопин [и др.], Д. Волков, Д. Громов, Д. Зернов [и др.], К. Котова, К. Логинова, Е. Малик [и др.], Ю. Мастерова, О. Нестерчук, О. Пустошинская, Н. Пушкарева, Д. Савченко, В. Смирнов, В. Тихонов, С. Ушкин, Д. Челпанова и другие²

на Востоке. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 190 с.; Глазунов О. Н. Государственный переворот. Стратегия и технологии. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. – 448 с.; Данилин П. Новая молодёжная политика 2003-2005. – М.: Европа, 2006. – 292 с.; Ешпанова Д. Д., Айтбай К. О., Айдарбеков З. С. Молодежь Казахстана – проблемы ее социального развития // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 58-66; Жильцов С. С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий. – М.: Международные отношения, 2005. – 264 с.; Иванов В. Антиреволюционер. Почему России не нужна «оранжевая революция». – М.: Европа, 2006. – 280 с.; Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – 528 с.; Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии / изд. 3-е, испр. и доп. – Бишкек, 2007. – 272 с.; Котляревский Ю. Л. Оранжевая революция глазами консультанта. – Ростов н/Д.: Феникс. – 2005. – 123 с.; Крылов А. Режим Саакашвили: диктатура вместо демократии // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 123-138; Максимов И. В. «Цветная» революция – социальный процесс или сетевая технология? – М.: ООО «Книга по Требованию», 2010. – 116 с.; Михеев С. Жертва дурно понятой демократии // Киргизский переворот. Март-апрель 2005. Сборник. – М.: Европа, 2005. – С. 35-49; Пономарева Е. Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. – 2012. – № 1/2. – С. 87-98; Пономарева Е. Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. – 2012. – № 3/4. – С. 43-59; Пономарева Е. Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. – 2012. – № 5/6. – С. 38-48; Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – 532 с.; Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – 142 с.; Станчик С. С. Молодежные организации как ударная сила «цветных революций» // Право и политика. – 2012. – № 10. – С. 1676-1679; Фефелова О. А. Революционные трансформации на постсоветском пространстве в контексте развития политического процесса: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2010. – 24 с.; Карпович О., Манойло А. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 111 с.; Norman A-M. Mobilization of Students in Connection with the Orange Revolution in Ukraine 2004. – Stockholm: University of Stockholm, 2005. – 50 p.

¹ Отчет по мониторингу прав и возможностей студентов на получение качественного образования в педагогических вузах Армении. – Ереван, 2001. – 29 с.; Образование в Узбекистане: баланс спроса и предложения / Национальный доклад о развитии человека (НДРЧ). – Программа развития ООН (ПРООН), Ташкент, 2007/2008 – 204 с.; Молодежь – стратегический ресурс Кыргызстана / С. Сырдыбаев, З. Сыдыкова, Г. Кудабаяева. – Бишкек: Принтхаус, 2008. – 50 с.; Кыргызстан: успешная молодежь – успешная страна / Национальный доклад о развитии человека (НДРЧ). – Программа развития ООН (ПРООН), 2010. – 108 с. Молодежь и государственная политика в Кыргызстане / пер. с англ. – Бишкек, 2012. – 100 с.; Отчет по результатам мониторинга соблюдения прав студентов в вузах / А. Абдрапиев, Е. Саяпина, Б. Султанкулова. – Бишкек, 2010. – 36 с.

² Ваторопин А. С., Ваторопин С. А. Протестные интернет-практики студенчества в социальных сетях: социологический анализ // Вопросы политологии и социологии. – 2013. – № 1 (4). – С. 74-78; Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011-2012 гг.: истоки, динамика, результаты. – М.: Левада-Центр, 2012. – 55 с.; Громов Д. В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России). – М.: ИЭА РАН, 2012. – 506 с.; Зернов Д. В., Луконина Е. С. Содержание и тенденции политической активности студенчества (на примере выборов 2011-2012 гг.) // Социологические исследования. – 2013. – № 11. – С. 30-38; Казначеева Г. А. Студенческая молодежь в политическом процессе современной России: тенденции и приоритеты

занимаются проблемой политического участия современной студенческой молодёжи в России. При этом ряд авторов уделяет значительное внимание протестной составляющей.

Вопросы, касающиеся государственной молодёжной политики, а также инициатив российской власти, связанных с включением студенческой молодёжи в собственные политические проекты, стали предметом исследований О. Коряковцевой, А. Мухина, П. Тараканова, В. Тарцана¹.

Интерес авторов вызывает изучение особенностей политической активности и роли студенчества в регионах. Это работы А. Воробьева, А. Глуховой, Х. Ибрагимова [и др.], М. Калугиной, И. Масловой [и др.], С. Сущего, Э. Чекмарева, М. Яковлева².

политического участия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Орел, 2004. – 192 с.; Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Три квадрата. – 2010. – 680 с.; Котова К. А. Участие молодежи в политических организациях в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2013. – 25 с.; Логинова К. Политическое участие молодежи на парламентских выборах 2011 г. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – № 3-4 (113). – С. 123-133; Малик Е. Н., Мельников А. В. Становление политической субъектности российской молодежи в условиях современности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 2 (38). – С. 70-75; Мастерова Ю. И. Политическая активность российской молодежи в условиях распространения информационных технологий: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2009. – 32 с.; Нестерчук О. А. Формирование социально-политической активности студентов российских вузов в современных условиях // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 10 (110). – С. 21-25; Пустошинская О. С. Студенческий политический протест в Уральском федеральном округе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Пермь, 2012. – 26 с.; Пушкарева Н. Н. Протестный потенциал современной российской молодежи: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – М., 2013. – 26 с.; Ротмистров А. Н. Сравнительный анализ факторов студенческого протестного движения в России на рубеже XIX-XX веков и в начале XXI века // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 1. – С. 36-41; Савченко Д. С. Протестная гражданская активность российского студенчества: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 12; Смирнов В. А., Савченко Д. С. Формы гражданской активности студенчества в современной России // Социология образования. – 2014. – № 2. – С. 68-82; Тихонов В. Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи: методологические проблемы социологического исследования // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 7. – С. 71-74; Ушкин С. Г. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. – 2014. – № 8. – С. 138-142; Челпанова Д. Д. Протестный потенциал студенческой молодежи юга России // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1 (77). – С. 55-62.

¹ Коряковцева О. А. Государственная молодежная политика как фактор общественно-политической активизации молодежи в постсоветской России: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. – Ярославль, 2010. – 400 с.; Мухин А. А. Поколение 2008: наши и не наши. – М.: Изд-во Алгоритм, 2006. – 256 с.; Тараканов П. В. Роль и место молодежных организаций в политической системе современного российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2006. – 26 с.; Тарцан В. Н. Власть и молодежь в современной России: политические проблемы взаимодействия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2010. – 199 с.

² Воробьев А. П. Электоральный портрет студенческой молодежи г. Улан-Удэ накануне выборов: социологический анализ // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6 (121). – С. 48-53; Глухова А. В. Молодежь в пространстве политики (взгляд из Воронежской области) // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия. История, политология, социология. – 2007. – № 2. – С. 15-28; Ибрагимов Х. А., Ибрагимов Б. П. К политическому портрету современного

Такие авторы, как Е. Гуничева, Н. Проказина, И. Тимерманис¹, актуализируют вопрос особенностей студенческого самоуправления.

Обзор теоретических работ по проблемам студенческой партиципации позволяет говорить о существовании определённого интереса к ним, как в российской, так и в зарубежной политической науке. В то же время, нельзя не отметить, что есть явный дефицит работ, связанных с исследованиями мобилизованного студенчества в конкретных постсоветских государствах, не говоря уже о комплексных текстах, представляющих постсоветское студенчество как политического актора в политических трансформациях в отдельно взятом государстве, либо в сравнительной перспективе.

Источниковая база диссертационного исследования может быть представлена *четырьмя группами*.

В *первой группе* содержатся нормативно-правовые акты Российской империи, СССР и постсоветских государств, регламентирующие систему высшего образования и положение студента (университетские уставы, законы и постановления о высшем образовании).

Вторая группа представлена материалами вторичного социологического анализа, полученными социологическими центрами (ВЦИОМ; Институт социологии РАН; Институт социально-экономических и

дагестанского студенчества (на примере студенчества ДГТУ) // Политические аспекты модернизации российского общества. Материалы Всероссийской научной конференции 6-8 октября 2010 года. Махачкала / под общ. ред. М. К. Горшкова и А.-Н. З. Дибирова. – М. – Махачкала: Издательство «Лотос», 2010. – 225-227; Калугина М. А. Политическое сознание современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2010. – № 2. – С. 95-102; Маслова И. А., Максименко Е. И. Политическая активность студенческой молодежи (на примере Оренбургской области) // Наука и бизнес: пути развития. – 2014. – № 4. – С. 188-194; Суший С. Я. Политическая активность студенческой молодежи юга России (на материалах вузов Ростовской области и Ставропольского края) // Вестник Южного научного центра РАН. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 94-105; Чекмарев Э. В. Политическое участие молодежи в постсоветский период (на материалах Саратовской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2003. – 22 с.; Яковлев М. В. Студенческая молодёжь в регионах как актор современной российской демократизации (на материалах исследования в Башкортостане) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1. – С. 223-227.

¹ Гуничева Е. Л. Студенческое самоуправление как стратегический ресурс современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Серия. Социальные науки. – 2007. – № 3 – С. 173-179; Проказина Н. В. Студенчество в системе соуправления: факторы развития социальных отношений в вузе: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. – Орел, 2003. – 197 с.; Тимерманис И. Е. Студенческое самоуправление как ресурс общественного развития: автореф. ... докт. соц. наук: 22.00.08. – СПб, 2006. – 36 с.

гуманитарных исследований Южного научного центра РАН; Социологический центр мониторинга, диагностики и прогнозирования социального развития ЮФУ), исследованиями отдельных авторов (Д. Зернов, Е. Луконина, В. Слатинов, А. Соколов).

В третью группу объединены мнения экспертов (И. Святицкая, В. Хомяков), где представлен анализ процессов, связанных со студенчеством и молодёжью в профильных областях.

В четвертую группу вошли интервью непосредственных участников акций студенчества и молодёжи (Д. Кон-Бендит, Д. Корчинский, В. Якеменко).

Гипотеза исследования. В политических процессах на постсоветском пространстве студенческая молодёжь находится в фокусе пристального интереса со стороны власти. Постсоветская практика показывает, что протестный потенциал студенческой молодёжи может быть эффективно реализован, что подтверждает опыт делегитимации ряда политических режимов. В этой связи, выглядят объективными попытки власти максимально законсервировать политический дискурс и обеспечить управление студенческой активностью в собственных интересах.

Объектом исследования является студенческая молодёжь как политический актор.

Предметом исследования выступает процесс реализации субъектного потенциала студенческой молодёжи в условиях постсоветских трансформаций, позволяющий ей выступать политическим актором.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном исследовании возможностей студенческой молодёжи выступать политическим актором в условиях постсоветских трансформаций.

Реализация цели диссертационного исследования потребовала решения следующих **задач**, предполагающих:

- осуществление анализа концепта «студенческая молодёжь» и выявление его смыслов, представленных в рамках этимологического, экономического, социологического, юридического и политического дискурсов;
- определение способности студенческой молодёжи выступать в качестве политического актора в политическом процессе;
- исследование возможностей мобилизованного студенчества в мировой политической практике;
- раскрытие субъектного потенциала студенческой молодёжи в пространственно-временном континууме Российской империи и СССР;
- изучение механизмов легитимации/делегитимации постсоветских политических элит, использовавшихся студенческой молодёжью в «цветных революциях» и других формах протестной активности;
- выявление специфики реализации политического потенциала студенческой молодёжи в современной России.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена системным, сравнительным, историческим, конфликтологическим, бихевиористическим, институциональным методами, методом дискурс-анализа.

Применение *системного метода* позволило рассмотреть студенческую молодёжь в контексте её взаимоотношений с другими акторами, принимающими участие в трансформационных процессах в рамках конкретных политических систем и сформулированных «правил игры».

Сравнительный метод позволил выявить сходства и различия в реализации политического потенциала студенческой молодёжи в зависимости от пространственно-временного континуума.

Применение *исторического метода* дает возможность раскрыть логику политической активности студенческой молодёжи и определить закономерности её участия в трансформационных процессах.

Конфликтологический метод дал возможность оценить протестный потенциал студенческой молодёжи в контексте конфликтных противостояний с другими политическими акторами.

Бихевиористический метод позволил определить зависимость поведения студенческой молодёжи как политического актора от факторов и мотивов, влияющих на него.

Институциональный метод позволил оценить субъектный потенциал студенческой молодёжи во взаимоотношениях с политическими институтами различных систем. Это позволяет определить, насколько протест студенческой молодёжи может иметь различный потенциал институционализации.

Метод дискурс-анализа позволил рассмотреть наполнение концепта «студенчество» смыслами, создающимися в различных дискурсах.

Для изучения практик политической активности студенческой молодёжи в провинции использовался эмпирический *метод включенного наблюдения*.

Научная новизна исследования представляется в комплексном исследовании политического потенциала студенческой молодёжи в политических процессах на постсоветском пространстве.

Основные элементы научной новизны диссертационного исследования заключаются в том, что в нём:

- осуществлён анализ концепта «студенческая молодёжь», наполняющегося смыслами в рамках различных дискурсов. Авторский фокус сосредоточен на политических смыслах, закрепляющих за студенческой молодёжью активное субъектное начало, притязующее на значимую позицию в политическом процессе;

- рассмотрен мировой опыт политического участия студенческой молодёжи, позволяющий провести параллели с практикой политического участия студенческой молодёжи в постсоветских трансформациях;
- классифицированы формы политической активности студенческой молодёжи в период Российской империи и СССР;
- исследован потенциал студенчества как политического актора в условиях постсоветских политических режимов, изначально обладающий различной перспективой;
- выявлены репертуары политического участия студенческой молодёжи в постсоветских государствах и определены её перспективы в контексте демократизации политических режимов;
- разработаны вероятные сценарии политического участия студенчества в случае современной России.

Положения, выносимые на защиту.

1. Концепт «студенческая молодёжь» наполняется смыслами, формирующимися в рамках различных дискурсов. Вместе с тем, все дискурсы, формирующие концепт «студенческая молодёжь», определяются политической сферой. Участие студенческой молодёжи в политических процессах является важным фактором политического смыслопорождения.
2. Политический потенциал студенческой молодёжи значительно увеличивается в периоды политических трансформаций. Именно в этот момент студенческая молодёжь может оказаться политическим союзником, как для власти, так и для оппозиции. Теоретический анализ моделей политических акторов показывает, что все классифицируемые типы могут быть отнесены к студенческой молодёжи, фиксируя различные формы и механизмы политической поддержки.

3. Мировая практика сопротивления студенческой молодёжи демонстрирует, что её динамика зависит от состояния политического режима. Протестная активность студенческой молодёжи повышалась в периоды политической неопределённости – войн, экономических кризисов, углублявших социальный раскол и ощущение собственной уязвимости, приводящей к маргинализации студенчества. Несмотря на большие способности в импровизации и разработке новых механизмов влияния на власть, студенческая молодёжь не всегда может реально конкурировать с правящим режимом. Это приводит к ситуации, когда часть студенческой молодёжи выбирает конформную модель взаимодействия с властью в рамках созданных институтов, позволяющих использовать политическое участие студенческой молодёжи в общественных интересах.
4. Активизация сопротивления студенческой молодёжи в Российской империи связывалась с низкой политической свободой, и постепенным складыванием революционной ситуации. В дальнейшем, субъектный потенциал студенческой молодёжи использовался и в процессе формирования советской государственности. Студенческая молодёжь в СССР выступала в качестве политически активной группы, готовой легитимировать инициативы власти. Власть вовлекала студенческую молодёжь в готовые институты, предлагая ей представителям тест на лояльность системе, открывавшей перспективы карьерного продвижения и другие преференции. Вместе с тем, правящий режим не мог удержать студенческую молодёжь от искушения участия в процессах демократизации. Стремление к свободе и демократическим реформам оказалось достаточно сильным мотиватором для активной части советского студенчества.
5. Смена политических элит на постсоветском пространстве, ставшая известной как «цветные революции», происходила при активном

участии студенческой молодёжи. Протестный потенциал мобилизованной студенческой молодёжи достиг наивысшего уровня развития в Грузии, Кыргызстане, Молдавии и Украине. Это произошло в связи с отсутствием целостной молодёжной политики и разрывом между властью и молодёжью на этапе формирования постсоветских государств. Вплоть до настоящего времени студенческая молодёжь продолжает оставаться в данных государствах достаточно влиятельным политическим актором, роль которого значительно повышается при смене электоральных циклов. Вместе с тем, опыт постсоветских политических процессов включает в себя и не результативные попытки влияния на власть со стороны оппозиционных молодёжных проектов (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан). В пользу правящих режимов данных государств говорит и политическая стабильность, ставшая результатом авторитарного политического дрейфа. Слабость оппозиции в данных государствах не позволяет ей расширять свою социальную базу за счёт студенчества.

6. Предвосхищая возможный сценарий развития событий в России, власть использовала широкий инструментарий для предупреждения «цветной революции». Активное институциональное строительство «сверху» ставит задачу амортизировать протестную активность студенческой молодёжи из-за значительного ухудшения социально-экономической конъюнктуры в России в 2014-2016 гг. Власть уделяет большое внимание молодёжной политике и патриотическому воспитанию, происходящему параллельно с дискредитацией политических оппонентов. Риски трансформации политического режима в России снижаются с вовлечением студенческой молодёжи в патриотические проекты – структуры «Антимайдана», НОДа и других организаций. Лояльная студенческая молодёжь вовлекается в готовые институты (Молодёжный парламент, Молодёжное правительство,

Молодёжные советы), с целью формирования ощущения причастности к политике и производству смыслов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования.

Диссертационное исследование обогащает теоретический дискурс, сформированный вокруг проблемы изучения субъектного потенциала студенческой молодёжи в государствах постсоветского пространства. Диссертация является комплексным исследованием, в рамках которого активность постсоветской студенческой молодёжи приобретает чёткие политические коннотации. В тексте диссертационного исследования осуществляется системный анализ существующих подходов, в рамках которых студенческая молодёжь понимается в качестве политического актора.

Использованный сравнительный подход показывает, что опыт политического участия постсоветской студенческой молодёжи может иметь, как схожие практики, так и отличаться, в зависимости от доминирующих политических режимов, сформированных в государствах постсоветского пространства.

В рамках институционального подхода в диссертационном исследовании показывается, как политические трансформации на постсоветском пространстве, активным участником которых выступает мобилизованное студенчество, оказывает влияние на изменение институционального дизайна постсоветских политических систем.

Теоретическая значимость диссертационного исследования основывается и на большом количестве текстов, позволяющих оценить развитие различных форм протестной активности, использующихся, как для легитимации/делегитимации политических элит.

Практическая значимость диссертационного исследования.

Результаты проведенного исследования могут способствовать расширению системы знаний и представлений о студенческой молодёжи, способствовать совершенствованию практик разработки и реализации молодёжной политики на различных уровнях власти, а также построению партнерских отношений между студенчеством, администрацией образовательного учреждения и органами государственной власти. Результаты исследования могут представлять интерес для молодёжных организаций, стремящихся к инкорпорации студенчества в структуры власти, а также использоваться в качестве материалов для лекториев в рамках молодёжных лагерей, фестивалей и форумов.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для разработки курсов по выбору, факультативов, а также в процессе преподавания основных курсов политических и социологических дисциплин.

Степень достоверности результатов проведенного исследования.

Объективность полученных результатов основывается на применении универсальных методов научного познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение), а также на системном, сравнительном, историческом, конфликтологическом, бихевиористическом, институциональном методах, в том числе методе дискурс-анализа.

Диссертантом проанализированы работы, как российских, так и зарубежных исследователей. В рамках диссертационной работы автором был задействован широкий круг источников, начиная нормативно-правовыми актами государств постсоветского пространства и заканчивая интервью и мемуарами непосредственных участников политических событий.

Апробация материалов диссертационного исследования. Научные результаты диссертационного исследования были представлены автором в рамках таких конференций, как научно-практическая конференция «Молодежь и общество: перспективы развития» (МГТУ, Мурманск, ноябрь

2009 г.); международная научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «Проблемы менеджмента коммуникаций: от теории к практике» (МичГАУ, Мичуринск, март 2011 и 2012 гг.); межвузовские научно-методические чтения памяти К. Ф. Калайдовича (ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец, декабрь 2010 г.); IV Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт», (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, май 2013 г.) и других.

ГЛАВА I

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

§1. Концепт «студенческая молодёжь» в дискурсивных практиках

Содержание концепта «студенческая молодёжь» зависит от того дискурса, который предопределяет его наполнение. Существование таких позиций, как возраст, образовательный уровень, сходство в проведении досуга и жизненного стиля, политизированность, присваиваемых студенчеству в целом, отправляются от конкретного дискурса. Политический дискурс, обуславливающий определение студенческой молодёжи, интересует нас в большей степени, так как с этим связана непосредственная тема нашего диссертационного исследования.

Концепт «студенческая молодёжь» может испытывать, по словам Д. Сартори, вполне объективные «концептуальные натяжки», которые являются проблемным местом любых концептов, испытывающих расширение. Складывается ситуация, когда «объём понятия возрастает за счёт размывания содержания»¹. В значительной степени угрозе размывания способствует тот факт, что рассмотренные нами определения «студенческой молодёжи» находятся под влиянием и таких дискурсов, как *этимологический, экономический, социологический, юридический и политический*.

Говоря об **этимологическом дискурсе**, следует отметить, что оно во многом обуславливается довольно чёткими границами, связываясь с академическим пространством университета как такового и практиками получения образования.

¹ Сартори Д. Изложение концептов в сравнительной политологии (II) // Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 153.

Академический обиход слова «студент» отмечает В. Даль, называя им «ученика высшего учебного заведения, университета или академии»¹.

С. Ожегов под «студентом» предлагает понимать учащегося высшего учебного заведения. В понятии «студенчество» С. Ожегов отмечает консолидирующий аспект этой социальной группы, определяя как собирательное – студенты. Кроме того, в понятие вкладывается временной аспект, его рассмотрение как этапа жизни – «пребывание в высшем учебном заведении в качестве студента»².

Мы не считаем понятия «студенческая молодёжь» и «студенчество» концептуально равными. Если «студенческая молодёжь» может предполагать некую совокупность конкретных субъектов, объединённых определёнными общими спецификациями, то «студенчество» представляет собой общее определение, но, вместе с тем, «студенчество» – это ещё и некое время, отведённое на образование, период получения образования в учебном заведении людьми, преимущественно совершеннолетними. Но в рамках диссертационного исследования мы будем периодически использовать и концепт «студенчество», в каких-то ситуациях позволяющий более точно зафиксировать интересующую нас реальность.

В БСЭ «студент (от лат. *studens*, род. п. *studentis* – усердно работающий, занимающийся) – учащийся высшего учебного заведения. Студенты имеют свои студенческие организации, союзы, научные и спортивные общества»³.

В авторитетном этимологическом словаре М. Фасмера при определении студента недвусмысленно подчёркивается его особый образ жизни, восходящий к конкретной экономической обусловленности. М.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – СПб.: Диамант, 2002. – Т. 4. – С. 347.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 674; Толковый словарь русского языка: в 3-х т. / под. ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир Книги. – 2001. – Т. 3. – С. 335-336.

³ Большая Советская Энциклопедия: в 51-м т. / гл. ред. Б. А. Введенский. – 2-е изд. – М.: Государственное научное изд-во «Большая Советская Энциклопедия», 1956. – Т. 41. – С. 162.

Фасмер не исключает возможности происхождения слова студент от слова «скудент (под влиянием скудный)»¹. Данное определение имеет самое непосредственное отношение к нашему исследованию, во многом раскрывая политический потенциал студенчества, консолидирующегося на основании экономических идентичностей.

Наблюдая связь между понятиями «студент» и «школяр» представляется возможным рассмотреть смежных понятий. Так, на наш взгляд, интерес может представлять понятие «школярство», которое означает «школьнически несамостоятельный подход к чему-либо»². Это понятие косвенно подчеркивает отсутствие у студенчества четких жизненных приоритетов и обоснованной позиции во всех сферах деятельности, а также его маргинальный характер.

Интерес представляет понятие «штудировать», которое в рамках исследования можно трактовать как осознание учащимся важности студенчества как этапа, позволяющего получить более высокий социальный статус за счет приобретения необходимых знаний.

Существующий **экономический дискурс** также связывает студента с вполне определёнными коннотациями. Экономический дискурс раскрывает перед нами широкую перспективу определения концепта «студенческая молодёжь».

На наш взгляд, рассмотрение студенчества с экономических позиций позволит создать более целостный портрет данной социальной группы. Исследователи, занимающиеся изучением экономической составляющей студенчества, нередко обращаются к литературным образам, которые раскрывают особенности быта и материального положения студенчества. В качестве примера достаточно вспомнить образ Раскольников в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание».

¹ Фасмер М. Энциклопедический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – С. 787.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 779.

Образы, представленные в литературных произведениях, во многом отражали реальное положение дел в студенческой среде. Не случайно «в дореволюционной России слово «студент» являлся синонимом слова «нищий», вечно нуждающийся человек»¹.

Данные студенческих самопереписей начала XX в. свидетельствовали, что «бюджет большинства студентов в значительной степени зиждился на финансовой помощи родителей и близких»².

«Для большинства студентов, помимо родительских денег, основным источником средств существования были репетиторство, гувернерство, частные уроки, переводы, работа переписчиком...<...>... Большая часть этих видов деятельности не имела никакого касательства к тем профессиям, которым студенты обучались в институтах»³, – отмечает Д. Константиновский и другие. В свое время на необходимость совмещать работу и учебу обращала внимание Г. Щетинина, признавая сложное материальное положение студенчества⁴.

Дороговизна оплаты образования отмечает А. Иванов: «В государственных высших учебных заведениях последняя колебалась между 50 и 100 руб.; в неправительственных и того выше 100-150 руб. Для подавляющего большинства учащейся молодёжи эти выплаты были на крайнем пределе возможного»⁵.

Сложность экономического положения студенческого сообщества подтверждается М. Карпачёвым на примере Воронежского университета⁶.

¹ Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899-1907. – М.: Мысль, 1971. – С. 21.

² Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 269.

³ Константиновский Д. Л., Чередниченко Г. А., Вознесенская Е. Д. Российский студент сегодня: учеба плюс работа – М.: Изд-во ЦСП, 2002. – С. 7.

⁴ См.: Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России: последняя четверть XIX в. / отв. ред. И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – С. 16-17.

⁵ Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 294-295.

⁶ Стипендия студента в 1920 г. составляла 10-15 руб., зарплата сторожа – 23 руб., уборщицы – 21 руб., профессора – 270-300 руб., доцента – 180-220 руб., преподавателя – 100 руб. См.: Карпачёв М. Д. Воронежский университет. Вехи истории: 1918-2003. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 144.

При этом важной особенностью студенческой молодёжи конца XIX – начала XX вв. можно считать высокий уровень консолидации, который проявился в создании землячеств. А. Иванов отмечает, что «наипервейшей задачей землячества было выяснение степени «нуждаемости» земляков (экспертная функция) и раздобывание и накопление средств для подпитки их материальных ресурсов»¹.

Данное обстоятельство позволяет нам говорить о сплочённости студенческой молодёжи, что компенсирует низкую степень экономической свободы каждого студента в отдельности. Именно сплочённость позже и определит последующую политизацию студенчества.

Социологические исследования, проводимые как в советский, так и в постсоветский период, свидетельствовали о том, что финансовое положение студентов также не отличалось благополучием. Такое положение вынуждало учащихся обеспечивать свое существование за счет вторичной занятости и рассчитывать на помощи родителей как основной источник доходов².

Ситуация принципиально не изменилась и в настоящий момент. Данные исследования в пяти вузах Казани в 2011 г. (N = 540) показывают, что у более половины опрошенных студентов, средств хватает только на продукты питания и одежду, в то время как покупка предметов длительного пользования уже вызывает затруднение³.

В этой связи мы можем согласиться с выводом, что «существующая дифференциация студентов по уровню их материального положения

¹ Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – С. 53.

² См.: Вишневский Ю. Р., Рубина Л. Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 58-59; Лисовский В. Т. Советское студенчество. Социологические очерки. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 111; Рубина Л. Я. Советское студенчество. Социологический очерк. – М.: Мысль, 1981. – С. 163-164.

³ См.: Морозова Г. В. Уровень жизни студенческой молодёжи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 (32). – Ч. 1. – С. 119, 123.

представляет собой отражение процесса социальной поляризации российского общества»¹.

При этом, по мнению В. Медика и А. Осипова, «университетское студенчество не являет собой зеркального отражения социально-экономической структуры населения, оно в большей степени представляет средние и высшие слои этой структуры»².

Не следует забывать, что значительное число студентов учатся на коммерческой основе, причем число бюджетных мест неуклонно сокращается. В этих условиях финансовое бремя в деле получения высшего образования ложится на плечи родителей.

В качестве примера сравним стоимость обучения на 2015-2016 учебный год по специальности «Политология» в некоторых вузах постсоветского пространства³.

Название вуза	Бакалавриат	Магистратура
Белорусский государственный университет (Белоруссия)		22550 тыс. белорусских рублей (1230,15 USD*)
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Казахстан)	319 тыс. тенге (961,28 USD)	
Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына	1 курс – 25 тыс. сом (324,68 USD); 2 курс – 23 тыс. сом (298,70 USD); 3 курс – 22	1 курс – 25 тыс. сом (324,68 USD); 2 курс – 23 тыс. сом (298,70 USD)

¹ Образ жизни студентов воронежских вузов в конце 90-х годов: особенности тенденции изменения (по материалам социологических исследований) / под. руковод. В. С. Рахманина. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 66.

² Медик В. А., Осипов А. М. Университетское студенчество: образ жизни и здоровья. – М.: Логос, 2003. – С. 12.

³ См.: Белорусский государственный университет. – URL: <http://www.bsu.by/ru/main.aspx?guid=226631> (дата обращения: 17.12.2015); Казахский национальный университет имени аль-Фараби. – URL: <http://kaznu.kz/content/files/pages/folder3468/Перечень%20специальностей%20стоимостями.pdf> (дата обращения: 17.12.2015); Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына. – URL: http://www.university.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=5858&Itemid=636 (дата обращения: 17.12.2015); Российский государственный социальный университет. – URL: http://rgsu.net/netcat_files/664/1560/Moskva.pdf (дата обращения: 17.12.2015); Воронежский государственный университет. – URL: <http://www.vsu.ru/russian/students/payment/payment-2015-2016.pdf> (дата обращения: 17.12.2015); Башкирский государственный университет. – URL: <http://www.bashedu.ru/node/52#1> (дата обращения: 17.12.2015); Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. – URL: <http://www.dnu.dp.ua/view/tariffs> (дата обращения: 17.12.2015); Львовский национальный университет имени Ивана Франко. – URL: <http://admission.lnu.edu.ua/payments/> (дата обращения: 17.12.2015)

(Кыргызстан)	тыс. сом (285,71 USD); 4 курс – 18 тыс. сом (223, 77 USD)	
Российский государственный социальный университет (Россия)	115 тыс. руб. (1633,49 USD)	133700 руб. (1899,11 USD)
Воронежский государственный университет (Россия)	1 курс – 73200 руб. (1039,75 USD); 2 курс – 73 тыс. руб. (1036,91 USD); 3 курс – 73 тыс. руб.; 4 курс – 73 тыс. руб.	1 курс – 82 тыс. руб. (1164,75 USD); 2 курс – 49 тыс. руб. (696,01 USD)
Башкирский государственный университет (Россия)	1 курс – 31685 руб. (450,06 USD); 2 курс – 33425 руб. (474,78 USD); 3 курс – 27955 руб. (397,08 USD); 4 курс – 33425 руб.	1 курс – 35370 руб. (502,41 USD)
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара (Украина)	12 тыс. грн. (511,73 USD)	14 тыс. грн. (589,55 USD)
Львовский национальный университет имени Ивана Франко (Украина)	7732 грн. (329,72 USD)	9785 грн. (417,27 USD)

* по курсу ЦБ РФ на 17.12.2015 г.

Для анализа платежеспособности населения обратимся к данным о средней заработной платы в ряде государств постсоветского пространства¹.

Государство	Статистические данные
Республика Беларусь	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата в январе-октябре 2015 г. составила 6646488 белорусских рублей (362,58 USD). В октябре 2015 г. – 6837568 белорусских рублей (373,01 USD*)
Республика Казахстан	Среднемесячная заработная плата на III квартал 2015 г. составляла 124656 тенге (375,64 USD)

¹ См.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/trud/operativnaya-informatsiya_8/o-nachislennoi-srednei-zarabotnoi-plate-rabotnikov/o-nachislennoi-srednei-zarabotnoi-plate-rabotnikov-v-oktyabre-2015-g/ (дата обращения: 17.12.2015); Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. – URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=iwhe8q7gw_4&_afLoop=22228389146822858 (дата обращения: 17.12.2015); Национальный статистический комитет Кыргызской республики. – URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/trud-i-zarabotnaya-plata/> (дата обращения: 17.12.2015); Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения: 17.12.2015); Государственная служба статистики Украины. – URL: <http://www.ukrstat.gov.ua> (дата обращения: 17.12.2015)

Кыргызская Республика	Среднемесячная заработная плата на август 2015 г. составляла 12697 сомов (164,90 USD)
Российская Федерация	Среднемесячная заработная плата на сентябрь 2015 г. составляла 32911 руб. (467,48 USD). Москва – 60424 руб. (858,28 USD); Воронежская область – 24366 (346,1 USD); Республика Башкортостан – 25368 руб. (360,33 USD)
Украина	Среднемесячная заработная плата на октябрь 2015 г. составляла 4532 грн. (193,26 USD).

* по курсу ЦБ РФ на 17.12.2015 г.

С определенной долей условности можно отметить, что, находясь во многом в схожем экономическом состоянии, родители тратят на оплату образования детей соизмеримые суммы в отношении своих зарплат (№ 2,3). Учитывая то, что ключевыми параметрами, влияющими на стоимость обучения, выступают: престиж учебного заведения, регион расположения и специальность, можно говорить о сопоставимости региональных вузов России и крупных вузов государств постсоветского пространства. В этих соотношениях особняком стоят учебные заведения Москвы, стоимость в которых существенно превышает региональные, а соответственно и вузы сопредельных государств.

Учитывая соотношение стоимости обучения в регионах и столице России, мы можем говорить о том, что стабильный поток абитуриентов в Москву продиктован скорее не экономическими условиями (следует учитывать также дополнительные расходы на жилье, транспорт), а престижем и перспективами дальнейшего трудоустройства в столичном регионе. Учитывая активную борьбу за абитуриентов среди региональных вузов, можно предположить, что администрации учебных заведений будут более активно работать с провинциальной молодёжью, а также создавать условия и охотно принимать абитуриентов, прежде всего, из азиатских постсоветских государств. На наш взгляд, подобное стремление будет взаимным, учитывая соизмеримость стоимости обучения и сохранившийся с советского периода престиж российского образования.

Следует обратить внимание на разницу в стоимости обучения для граждан различных государств. В частности, в РГСУ (2015/2016 гг.) стоимость специальности «Политология» (академический бакалавр) очной формы обучения для граждан РФ, Беларуси, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана составляет 115 тыс., для граждан СНГ – 143 800, для иностранных граждан – 161 тыс. руб.¹ Можно предположить, что подобный дифференцированный подход для различных граждан не лишен политических оснований.

Материальное положение студента влияет на уровень протестной активности. Основываясь на данных социологического исследования Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН в Ростове-на-Дону и Ставрополе (N = 1029, октябре 2012 г., ЮФУ, ДГТУ, РГЭУ (РИНХ), РГУПС, РостГМУ, СКФУ) Д. Челпанова видит высокую вероятность массовых выступлений «среди среднеобеспеченных, низкообеспеченных и необеспеченных студентов. Высокообеспеченные респонденты заявляют о маловероятности проведения подобных акций...<...>...Среднеобеспеченные студенты в большей степени склонны к санкционированным мирным акциям протеста. Низкообеспеченные и необеспеченные респонденты наиболее ориентированы на агрессивное поведение, вплоть до выступлений с оружием в руках»².

Заметим, что А. Петрушина, основываясь на другом социологическом исследовании (N = 445, 2007-2011 гг., Тульская область, лаборатория социально-политических исследований кафедры социологии и политологии ТулГУ), приходит к другим выводам. Автор заключает, что «в акциях протеста в основном участвуют или намерены участвовать представители

¹ См.: Приказ «Об утверждении стоимости обучения для поступающих в РГСУ в 2015-2016 учебном году». – URL: http://www.rgsu.net/netcat_files/664/1560/Moskva.pdf (дата обращения: 12.03.2015)

² См.: Челпанова Д. Д. Протестный потенциал студенческой молодежи юга России // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1 (77). – С. 56, 60-61.

среднеобеспеченных групп молодёжи; в то же время наименее обеспеченные отказываются от протестных действий. Таким образом, материальные проблемы в данный момент не играют решающей роли в формировании протестной мотивации»¹.

В свою очередь, рассуждая о протестной активности в России в 2011-2012 г., Р. Бараш отмечает, что экономические претензии протестующих к власти уходят на второй план, уступая место постматериальным, этическим и даже эстетическим требованиям².

Таким образом, мы можем говорить, что в рамках экономического дискурса предпосылки для протестной активности могут находить как обеспеченная, так и необеспеченная студенческая молодёжь. Так в случае экономической депривации поддерживается напряженность, которая может трансформироваться в делегитимационное/неконвенционное поведение. В случае с обеспеченной студенческой молодёжью ключевым фактором протестной активности выступают идеи постматериализма.

Участие в акциях протеста становится одним способом заработка для студенческой молодёжи. Существуют технологии, позволяющие расширять социальную базу политического протеста за счет студенческой молодёжи, испытывающей экономические затруднения. Секретами данных технологий в одном из интервью делится Д. Корчинский³.

Сложное финансовое положение студенчества активно используется заинтересованными политическими силами для визуализации собственной поддержки, а также в акциях против политических оппонентов. Заметим, что привлечение студентов для участия в оплачиваемых митингах связано со

¹ См.: Петрушина А. В. Протестное участие молодежи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 338, 340.

² См.: Бараш Р. Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 3 (109). – С. 102.

³ См.: Корчинский Д. Бунтовать – это выгодно, весело и почетно / беседу вела А. Фурса // Власть денег. – 2006. – 18-24 августа. – № 33. – С. 28-30.

значительными финансовыми издержками, что не под силу большинству политических сил.

Значительным нам представляется **социологический дискурс** о студенчестве. Действительно, большинство исследователей пытаются предложить определение студенчества и студента именно в его рамках.

Так, И. Кон считает, что «термин «студенчество» обозначает собственно студентов как социально-демографическую группу и определенное общественное положение, роль и статус; особую фазу социализации (студенческие годы)»¹.

Говоря о социологическом дискурсе, необходимо обратить внимание на определение студенчества В. Лисовским и А. Дмитриевым в контексте приобретения знаний. Связывая студенчество и высокий образовательный уровень, авторы отмечают, что «студенчество является наиболее подготовленной, образованной частью молодёжи, что, несомненно, выдвигает его в число передовых групп молодёжи»².

В интересующем нас контексте приобретаемое знание представляет собой определённый политический капитал. Образованный человек всегда будет более требовательно относиться к политическим институтам и нормам, согласовывая их с текущим положением дел. Данная зависимость прослеживается у ряда авторов. В частности, американский социолог и политолог С. Липсет разделяет мысль о том, что чем выше уровень образования населения, тем больше шансов для демократии. Автор добавляет, что образование, по-видимому, расширяет кругозор человека, позволяет ему понять необходимость норм толерантности, сдерживает его от

¹ Студенчество / И. С. Кон // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 659.

² Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – С. 31.

присоединения к экстремистским учениям, а также увеличивает его способность принимать рациональные электоральные решения¹.

В свою очередь В. Иванов отмечает, что люди, получившие образование, способное корректировать их политическую картину мира «склонны к тому, чтобы иметь большие запросы, более высокий уровень гражданской активности, легче понимать политические «меседжи» и активнее пользоваться информационными технологиями. Они критичнее воспринимают диктатуру, клептократию, олигархию и иные разновидности авторитаризма»².

В этой связи интерес представляет мнение В. Ленина, когда-то отмечавшего, что «безграмотный человек стоит вне политики»³. Это непреднамеренно связывает студента, основной деятельностью которого является получение образования, с политическим процессом, наделяя его возможностью активно участвовать в нем.

Важной особенностью определения студенческой молодёжи как социальной группы является ее принадлежность к определенному поколению людей, объединенных общими социально-историческими условиями. Таким образом, поколенческая идентичность должна вызывать во многом схожие модели восприятия и реакции в рамках одной политической системы.

Важное место среди социологических определений студенчества занимают те, которые соотносят его с молодёжью, при этом выделяя его собственные уникальные черты – «студенчество, являясь составной частью молодёжи, представляет собой специфическую социальную группу,

¹ См.: Lipset S. M. Political Man. The Social Bases of Politics. – Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1960. – P. 55-56.

² Иванов В. Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть I // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия. Политология. – 2011. – № 4. – С. 7.

³ Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Полное собрание сочинений. – 5-е изд.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – Т. 44. – С. 174.

характеризующуюся особыми условиями жизни, труда и быта, социальным поведением и психологией, системой ценностных ориентаций»¹.

Рассматривая связь молодёжи и студенчества, А. Иванов обращает внимание на психологические характеристики студенчества и говорит, что «психологический тип социального поведения студенчества предопределялся его возрастными характеристиками. Студенчество является частью молодёжи: отсюда – свойственная ему эмоциональная взрывчатость, резкость, заостренность, массовость внешних форм протеста против академического и гражданского бесправия»².

Эту мысль развивает О. Пустошинская, отмечая, что «студенческая молодёжь в силу уязвимости, обусловленной зависимостью от взрослого мира, в наибольшей степени подвержена фрустрирующему давлению. Это вызывает критическое отношение ее представителей к властным институтам, мотивирует к участию в протестных выступлениях, определяет ориентацию на политические силы оппозиционной и экстремистской модальности»³.

Данные определения имеет особую ценность в контексте нашего исследования, потому как указывают на безусловный политический потенциал студенчества. «Цветные революции» на постсоветском пространстве продемонстрировали возможности мобилизованного студенчества в массовых формах протестного действия, обозначив его довольно внушительные перспективы.

Неплохие перспективы консолидации студенчества в периоды социальных и политических трансформаций отмечались и многими советскими авторами. В частности, И. Кон считает, что, «общая деятельность в сочетании с территориальным сосредоточением порождает у студенчества известную общность интересов, групповое самосознание, специфическую

¹ Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – С. 29.

² Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 7.

³ Пустошинская О. С. Студенческий политический протест в Уральском федеральном округе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Пермь, 2012. – С. 2.

субкультуру и образ жизни, причём это дополняется и усиливается возрастной однородностью, которой не имеют другие социально-профессиональные группы»¹. Заметим, что в рамках социологического дискурса консолидация рассматривается как особенность единой группы – студенческой молодёжи.

Л. Рубина определяет студенчество как «большую общественную группу, служащую источником пополнения основных отрядов интеллигенции, занятую деятельностью по подготовке к высококвалифицированному умственному труду, активно участвующую в разнообразной общественно полезной деятельности»².

Ряд исследователей отмечают, что в студенческой среде происходит формирование специалиста высокой квалификации и приобретение черт интеллигенции. Являясь кадровым резервом для интеллигенции, студенчество является носителем ряда особенностей, свойственных этой социальной группе, к числу которых можно отнести его маргинальный характер. Это понятие следует расценивать как «промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами, что накладывает определенный отпечаток на его психику»³.

Акцент на маргинальность студенчества усиливается в постсоветском научном дискурсе.

А. Марков отмечает, что «маргинальность как глубинная студенческая характеристика по факту социальной позиции/статуса группы реконструируется по-своему каждым новым поколением студентов»⁴.

¹ Студенчество / И. С. Кон // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 659.

² Рубина Л. Я. Советское студенчество. Социологический очерк. – М.: Мысль, 1981. – С. 24.

³ Маргинальность // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 341.

⁴ Марков А. Р. Что значит быть студентом. Работы 1995-2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 145.

В постсоветскую эпоху сформировалось мнение о студенчестве как о неоднородной группе с большим количеством факторов, больше влияющих на разобщенность, чем на консолидацию.

В. Филоненко отмечает, что «современное российское студенчество неоднородно, причем дифференцированность явно преобладает над интегрированностью. Общими характеристиками студенчества как социальной группы можно считать учебную деятельность в качестве основной и отнесенность к определенной возрастной группе. Студенчество разделяется на основе таких факторов, как принадлежность, непринадлежность к молодёжной культуре, этнокультурная идентичность и получаемая профессия. Социально-психологическое и ценностное расслоение студенчества приводит к появлению внутри данной социальной группы противостоящих субкультур»¹.

Вообще, необходимо отметить, что данный дискурс является наиболее развитым и содержательным с точки зрения существующих определений студенчества, что и обуславливает некоторые проблемы при уточнении данного понятия.

У концепта «студенчество» может существовать и правовое (юридическое) измерение, что предполагает наше обращение к **юридическому дискурсу**² о студенчестве.

Важным аспектом юридического дискурса является рассмотрение *правового статуса студента*. Включенность в сферу нормативно-правового регулирования, а также приобретение статуса студента начинается с момента зачисления в учреждение высшего профессионального образования.

Следует отметить, что особой регламентации подвергается процесс поступления в высшее учебное заведение, который имеет достаточно четко прописанную нормативно-правовую базу, способную исключить возможные

¹ Филоненко В. И. Современное российское студенчество: парадоксы и проблемы социализации. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2006. – С. 9-10.

² См.: Захаров С. М. Студенчество: юридический дискурс // Юрист вуза. – 2015. – № 7. – С. 23-28.

конфликтные ситуации на входе. Обретение статуса «студент» и связанный с этим объем правосубъектности подпадает под действие различных нормативно-правых актов, которые могут быть классифицированы по различным основаниям.

По степени распространения:

- базовые права;
- факультативные права.

Такая классификация основывается на принципах построения высшего образования, где базовая часть – это набор прав и обязанностей, лежащих в основе функционирования всех вузов и определяющих статус «студент», а факультативная часть – права и обязанности, обусловленные статусом учебного заведения, его локальными актами, положением учащихся и т.д.

В зависимости от сферы реализации:

- права в образовательном процессе;
- права в области научных исследований и научно-производственной деятельности;
- материально-бытовые права;
- социально-культурные права;
- иные права, обусловленные статусом студента¹.

Несмотря на достаточную стройность нормативно-правой базы, определяющей статус учебного заведения, а также его обитателей С. Барабанова и Д. Бахрах отмечают «изначальную недостаточность существующей правовой регламентации – нормы носят слишком общий характер и содержат частые отсылки к уставу учебного заведения. В устав можно не внести ничего более конкретного, решая все возникающие вопросы методом оперативного реагирования – приказами и распоряжениями по вузу.

¹ См.: Барабанова С. В. Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации. Административно-правовые вопросы. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2004. – С. 257-258. – URL: <http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/barabanova/barabanova.pdf> (дата обращения: 12.03.2015)

Тем самым студенты лишаются стабильной правовой основы своего пребывания в вузе и конкретных гарантий своего статуса»¹.

Если зачисление в вуз и связанный с этим процесс изменения статуса «ученик – абитуриент – студент» четко регламентированы, то «в вопросах отчисления и восстановления студентов существует определенная «свобода» действий, которая позволяет порой достаточно субъективно подходить к решению судьбы конкретного студента, и не гарантирует равные права»².

Таким образом, отсутствие четко прописанной нормативной базы, определяющей правовой статус студента в рамках высшего учебного заведения, обеспечивает администрацию рычагами для возможного давления в отношении неугодных.

Раскрытие субъектного политического потенциала среди студентов корреспондируется с ростом гражданской активности, который наблюдался в 1960-е гг. в США и Европе или в ходе «цветных революций», когда имели место репрессии и давление на учащихся по политическим мотивам. В условиях политической стабилизации использование репрессивных практик со стороны власти учебного заведения нецелесообразны, а большинство санкций связаны с нарушениями бытового характера и академической неуспеваемости.

Данные социологического исследования «Социализация и воспитание студентов вузов» (Социологический центр мониторинга, диагностики и прогнозирования социального развития ЮФУ, научный руководитель – В. Филоненко. Ростовская область, 2011 г., N = 4065 студентов, 16 вузов) показали, что большинство опрошенных – 62,2 % – утверждают, что их студенческие права не нарушались.

¹ Барабанова С. В., Бахрах Д. Н. Правовой статус студента в Российской Федерации // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – № 3 (26). – С. 95-99. – URL: <http://ecsosman.hse.ru/univman/msg/152417.html> (дата обращения: 12.03.2015)

² Телешова И. Г., Чудиновских О. С., Донец Е. В. Факторы доступности завершено высшего образования в элитном вузе (на примере Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова) // Доступность высшего образования в России / отв. ред. С. В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. – М.: Изд-во «Поматур», 2004. – С. 292.

С фактами несоблюдения своих прав сталкивались только 14,6 % студентов. Однако следует отметить, что студенты не в полной мере осведомлены о своих правах: 23 % опрошенных ответили, что они не знают, нарушались ли их права в вузе.

В негосударственных вузах отмечается более спокойная обстановка в отношении прав студентов – только 9,1 % студентов (против 14,9 % в государственных) сталкивались с нарушениями¹.

Студенты вузов обладают достаточно широким спектром академических прав. В их числе: бесплатное пользование библиотеками и фондами; участие в научно-исследовательской работе, конференциях; предоставление работ для публикации; в соответствии с уставом учебного заведения осуществление перехода с платного обучения на бесплатное, получение морального и (или) материального поощрения, право участия студентов в формировании содержания образования и т.д. Однако следует учитывать то обстоятельство, что некоторые права студенчества носят декларативный характер и на практике фактически не реализуются.

В рамках юридического дискурса интерес представляют и права *студенчества в сфере самоорганизации и участия в принятии решений*, влияющих на вектор развития учебного заведения.

На наш взгляд, объёмы прав студенчества соотносятся с уровнем развития демократии в самой политической системе и подконтрольности власти – обществу.

Так, Г. Дмитриев отмечает, что американские студенты активно включены в работу сената преподавателей, и являются «членами комиссий по подбору кандидата на должность преподавателя при проведении конкурса на замещение вакантной должности на кафедрах с правом решающего

¹ См.: Филоненко В. И., Абросимов Д. В., Магранов А. С. Социально-политический портрет современного студенчества // Философия права. – 2013. – № 1 (56). – С. 50. Параметры социологического исследования – С. 57.

голоса. Они могут выступать с предложением о включении новых предметов или новых специальностей»¹.

Попытки заимствования подобного опыта есть и в российских вузах. В частности, в НИУ «Высшая школа экономики» студенты активно участвуют в формировании рейтинга преподавателей и выставлении им оценок, по сути дела, ставящих последних в зависимость от студенческой общественности.

Определённой властью могут наделяться и студенческие органы самоуправления, хотя их представительство не является значительным. В подобных условиях студенты могут выполнять лишь коммуникативную функцию между руководством вуза и студенческим сообществом, при этом не имея реальных рычагов для лоббирования своих интересов.

В этих условиях происходит трансформация, когда «студент из активного участника образовательного процесса превращается в пассивного потребителя-исполнителя, что противоречит и целям образования, и принципам политики властей в молодёжной сфере»².

Наоборот, в случае более высокого представительства увеличивается зависимость администрации вуза от студенческого сообщества.

В целом, мониторинг состава Ученых советов вузов России, действующий на момент 2015 г., демонстрирует следующее соотношение студентов и аспирантов в этом органе управления.

В МГУ им. М. В. Ломоносова 4 из 126 членов Ученого совета (3,17 %), СПбГУ 7 из 131 (5,34 %), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ) 4 из 117 (3,41 %), РГГУ 5 из 51 (9,8 %), МФТИ 2 из 63 (3,17 %), Тамбовский государственный технический университет (ТГТУ) 3 из 52 (5,76 %), Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (СГУ) 1 из 84

¹ Дмитриев Г. Д. Анатомия американского университета. – М.: Народное образование, 2005. – С. 102.

² Барабанова С. В., Бахрах Д. Н. Правовой статус студента в Российской Федерации // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – № 3 (26). – С. 95-99. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/univman/msg/152417.html> (дата обращения: 12.03.2015)

(1,23 %), Новосибирский государственный университет (НГУ) из 58 членов Ученого совета представители студентов и аспирантов отсутствуют¹.

В российских условиях, существование различных органов студенческого самоуправления закреплено практически во всех уставах вузов. Участие данных структур направлено в основном на решение некоторых вопросов в социально-бытовой сфере, проведение культурно-массовой и научно-исследовательской работы. При этом влияние со стороны учащихся на кадровую и финансовую политику, даже в рамках структурных подразделений вуза (факультеты, кафедры), практически невозможно.

В некоторых постсоветских государствах студентам вузов разрешены и неакадемические формы организации и представлена возможность выражать собственные мнения и убеждения. Однако эти права находятся в прямой зависимости от конфигурации политического режима.

В рамках **политического дискурса** представляется возможным определять «студенчество» как актора, способного защищать свои интересы и убеждения, напрямую или косвенно касающиеся его.

Учитывая то, что основной деятельностью студенчества является получение образования, осознание его как политического актора в среде профессиональных политиков, а также теоретиков не находило своего отражения. Эпизодические студенческие выступления, главным образом, стремящиеся защитить корпоративные права в рамках системы образования,

¹ См.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – URL: <http://www.msu.ru/depts/uchsov/sostav/> (дата обращения: 4.01.2016); Санкт-Петербургский государственный университет. – URL: http://spbu.ru/files/upload/Structure/scientboard/7022_1.pdf (дата обращения: 4.01.2016); Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – URL: <http://urfu.ru/blind/ru/about/council/consist/> (дата обращения: 4.01.2016); Российский государственный гуманитарный университет. – URL: <http://www.rsuh.ru/information/uch-sovet/the-academic-council.php> (дата обращения: 4.01.2016); Московский физико-технический институт (государственный университет). – URL: https://mipt.ru/corp/Joint/academic_senate.php (дата обращения: 4.01.2016); Тамбовский государственный технический университет. – URL: <http://www.tstu.ru/r.php?r=tgtu.managment.sovet.sostav> (дата обращения: 4.01.2016); Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. – URL: <http://www.sgu.ru/structure/uchyonuy-sovetsostav-uchyonogo-soveta> (дата обращения: 4.01.2016); Новосибирский государственный университет. – URL: http://www.nsu.ru/exp/university/uchyoniy_sovet (дата обращения: 4.01.2016)

редко сопровождающиеся политическими лозунгами, не позволяли рассматривать подобное участие в политическом контексте.

Осознание политической субъектности студенчества начинает формироваться в структурах политических партий, которые были способны инкорпорировать студенчество как группу с высоким мобилизационным потенциалом, готовую, в рамках определенных партийных направлений, выступить в неконвенционных формах. Это принципиально изменило подход к студенчеству со стороны власти, которая начинала объединять вокруг аффилированных структур лояльное студенчество, либо применять репрессивные механизмы в отношении конфликтной части студенчества.

Учитывая зависимость характера политической системы и возможностей для раскрытия субъектного потенциала, мы можем говорить, что в закрытых политических режимах развитие политического дискурса студенчества было практически невозможно. Отсутствие плюрализма мнений, вариантов для партийной институционализации и механизмов инкорпорации не способствовало общей политической активности, в том числе и для студенчества, которому могло отводиться лишь место в рамках общей молодёжной политики, следовательно, и роль объекта.

В демократических политических системах, где существует возможность для гражданской политической мобильности и мобилизации, политическая активность студенчества могла присовокупить к требованиям, касающимся образовательной сферы, требования гражданских свобод и соблюдение/предоставление различных прав.

Взгляд на студенчество как на политического актора наблюдается в оценках «новых левых», видевших в студенческой молодёжи авангард/детонатор революции. Г. Маркузе отмечал, что если студенческая оппозиция остается изолированной и ей не удастся вырваться из своей ограниченной сферы, если ей не удастся мобилизовать социальные слои, которые действительно будут играть решающую роль в революции по

причине их позиции, то студенческая оппозиция может играть лишь вспомогательную роль¹.

А. Тарасов указывает, что у «новых левых» сложилось следующее представление о революционных силах современности: «студенчество (и шире – молодёжь вообще как «эксплуатируемый класс»), люмпен-пролетариат (в крупных городах) и примыкающие к нему представители «угнетённых меньшинств» (то есть национальных, расовых, сексуальных, культурных – в их числе, разумеется, представители контркультуры)»².

Таким образом, в философии «новых левых» студенчество (в более широком понимании молодёжь) занимает положение в одном ряду с традиционными субъектами политических трансформаций. При этом, социально-политические и экономические условия, складывающиеся в начале второй половины XX века, выводят студенчество в авангард, отводя ему роль ключевого политического актора.

Идея восприятия студенчества/студенческой молодёжи как ключевого политического актора находит свое продолжение в рамках современных политических трансформаций и технологии ненасильственного сопротивления. В политических системах, некоторые из которых можно считать «полуавторитарными»/«гибридными»³, на раскрытие субъектных возможностей студенческой молодёжи оказывают влияние два взаимодополняющих фактора: технологизация процесса политических трансформаций, а также обострение взаимоотношений между студенчеством и специфическими институтами, заключающими в себе не только своеобразный правящий класс (ректор, деканы, руководители различных

¹ См.: Marcuse H. Five Lectures. Psychoanalysis, Politics, and Utopia / Translations by J. J. Shapiro, S. M. Weber. – London: Allen Lane The Penguin Press, 1970. – P. 97.

² Тарасов А. Н. Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – С. 205-206.

³ См.: Duda A. M. When “It’s time” to say “Enough!”. Youth Activism before and during the Rose and Orange Revolution in Georgia and Ukraine: a Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. – The University of Birmingham: Centre for Russian and East European Studies, 2010. – P. 69-76. – URL: <http://etheses.bham.ac.uk/1108/1/Duda10PhD.pdf> (дата обращения: 1.01.2016)

уровней, городская и областная администрации, первые лица государства и т.д.), но и отношение к повседневности, к её восприятию и репрезентации.

В то же время студенчество играет важную символическую роль. Бывший активист «Отпора» отметил, что молодёжь малочисленна в бывших советских республиках, а студенты воспринимаются как будущее нации. Если они окажутся на улице, это будет сигналом другим людям: что-то не так. Они не только стоят за себя, но и за свои семьи¹. В этих условиях ключевым остается вопрос об устойчивости конкретной политической системы в противостоянии с мобилизованной частью населения, во главе со студенческой молодёжью.

Находящиеся в распоряжении студенчества ресурсы заставляют считаться с ним, что не позволяет правящей элите вступать в открытую конфронтацию. Институционализированная активность студенческой молодёжи становится предметом соглашений между ключевыми политическими акторами. Стремление правящей элиты наладить компромисс со студенчеством связывается со способностью политической системы принимать «на входе» требования мобилизованного и политизированного студенчества. Вовсе не случайно, что политический дискурс студенчества является наиболее широким и развитым в тех политических системах, где уже есть определённые достижения по институционализации демократии (Грузия, Украина, Кыргызстан).

Таким образом, проведенный дискурс-анализ концепта «студенческая молодёжь» показывает, что в нём циркулируют различные смыслы. Это позволяет определить точки соприкосновения студенческой молодёжи с другими участниками политического процесса – социальными группами, с их повседневной жизнью, а также позиции, по которым между властью и

¹ См.: Nikolayenko O. Youth Movements in Post-Communist Societies: A Model of Nonviolent Resistance // CDDRL. Working Papers. – 2009. – Number 114. – Stanford: Center on Democracy, Development, and Rule of Law. – P. 4. – URL: http://cddrl.fsi.stanford.edu/sites/default/files/No_114_Nikolayenko_Youth_movements.pdf (дата обращения: 28.12.2015)

студенчеством возможны конфликты, позволяющие проявить политический потенциал последнего.

В качестве рабочего определения «студенческой молодёжи» автор предлагает то, которое будет максимально отражать специфику всех дискурсов, наполняющих его смыслами.

Студенческая молодёжь – часть молодёжи, основной деятельностью которой является получение образования и которая находится в условиях достаточно ограниченной свободы. Периодически она способна выступать и как политический актор, отстаивая собственные права и интересы.

Необходимо отметить, что политическое прочтение концепта «студенческая молодёжь» представляется нам наиболее перспективным и предпочтительным. Изначальное присутствие студенческой молодёжи в сфере политического служит важным фактором её политизации.

Что касается самого концепта «студенческая молодёжь», то, как показывает наш концептологический экскурс, он наполняется смыслами, формулирующийся и устанавливающийся в рамках различных дискурсов. Тем не менее, все исследуемые нами дискурсы, формирующие концепт «студенческая молодёжь», определяются политической сферой.

§2. Студенческая молодёжь как политический актор

В современной политической науке наравне с понятием «политический актор» используется термин «субъект политики». К субъектам политики могут быть отнесены люди и организации, принимающие непосредственное участие в политической деятельности, и присутствующие в политическом процессе. В рамках диссертационного исследования нами допускается близость понятий «актор» и «субъект» применительно к студенческой молодёжи, при этом, учитывая специфику и оттенков смыслов, вкладываемых в эти понятия.

Политический дискурс изначально провоцирует в студенческой молодёжи определённый потенциал субъектности, который можно рассмотреть на ряде теоретических моделей¹.

Исследователи довольно точно определяют деятельностные мотивы, лежащие в основании политической субъектности. Именно данные мотивы, выражаемые в политической сфере, вызывают политические виды в дальнейшем. Политический актор начинает понимать, что он может претендовать на свою долю влияния в политическом процессе. В полной мере это относится и к студенческой молодёжи.

Так В. Кемеров считает, что «субъект – человек, вступающий в контакт с миром, изменяющий предметную обстановку своего бытия и самого себя (свои качества и силы) в процессе решения практических и духовно-теоретических задач»².

Под субъектом также понимают «носителя предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект»³.

Основываясь на философских определениях, понятие получило новое прочтение в контексте специальных дисциплин. Г. Семигин понимает под субъектом политики «конкретно-политического носителя многообразной политической деятельности, направленной на завоевание, защиту или использование власти с целью реализации своих коренных интересов. В их роли могут выступать как индивиды, так и социальные общности, которые самостоятельно вырабатывают и реализуют программы действия,

¹ См.: Захаров С. М. Студенчество как политический актор: теоретические модели // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 2. – С. 272-279.

² Субъект, субъективность, субъектность / В. Е. Кемеров // Современный философский словарь. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – С. 884-885.

³ Субъект // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 661.

направленные на достижение определенных политических целей посредством сознательной деятельности»¹.

Безусловно, данные теоретические модели могут объяснить истоки политической субъектности студенческой молодёжи, отмечая в различных формах её институционализации несомненное деятельное начало.

Следует отметить, что в зарубежной политологии с середины XX века наметилась тенденция отхода от определения «субъект» в политике и замены его понятием политический «актор» (actor, acteur).

Политический актер – носитель изначальной субъектности, предполагающей аккумуляцию власти с целью её последующей артикуляции на объекте. Практически все усилия субъекта власти подчинены поиску оптимальной формулы давления на объект власти, выражающегося в многообразии форм политической деятельности. Давление может приобретать мягкий, латентный характер, накладывая определенные ограничения на селективные способности объекта власти. Об этом уже высказывался немецкий исследователь Н. Луман².

Безусловно, определять студенчество как политического актора, целиком и полностью замкнутого на совершенствовании собственной политической субъектности было бы, наверное, не слишком правильно. Другое дело, если студенчество, периодически заявляя о своих политических амбициях, со временем может превратиться в довольно сильного игрока, с высокой субъектной потенцией.

В этом смысле Б. Краснов определяет политического актора как «субъекта, активно осуществляющего какую-либо из форм политической деятельности. Степень проявления активности и воздействия на политические процессы обусловлена субъективными качествами политического актора, а также местом и ролью в политической жизни той

¹ Субъекты политики / Г. Ю. Семигин // Политическая энциклопедия: в 2 т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 2. – С. 477.

² См.: Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.

партии, движения, организации, к которой он принадлежит»¹. Отсюда, субъектный потенциал может быть раскрыт в непосредственной динамике.

Субъектные качества как определяющие диспозицию акторов выделяются Б. Ковалем и М. Ильиным. С их точки зрения политические акторы способны действовать «исходя из «таланта» и личных способностей (сила, организация, идеология), иногда – по воле других действующих лиц, иногда – в силу объективных причин (экономика, географические условия, социально-политическая ситуация)»².

Авторы различают политических акторов в зависимости от *отношения к власти*. «Одни (государство, армия, правящая партия) сами осуществляют процесс властвования и управления, другие (личность, группа, масса) способны лишь в той или иной мере соучаствовать в политической жизни, подчиняясь чужой воле и защищая собственные интересы. Место – вблизи или вдали от власти – во многом определяет линию поведения субъекта, будь то активная поддержка, открытое противодействие, оппозиция или самая глубокая апатия»³.

На наш взгляд, изначально высокая способность участия в политической жизни со стороны студенческой молодёжи способна капитализироваться в значительные политические дивиденды. В нём как в политическом акторе может присутствовать потенциальный субъект власти.

Существующие в политической науке классификации политических акторов в полной мере могут быть применимы к определению перспектив политического участия студенческой молодёжи.

Студент способен реализовать себя в политическом процессе как на индивидуальной, так и групповой основе. Это дает основание применения классификационной модели, выделяющей *индивидуального и совокупного* политического актора.

¹ Актор политический / Б. И. Краснов // Политическая энциклопедия: в 2 т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 1. – С. 35.

² Коваль Б. И., Ильин М. В. Власть versus политика // Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 154.

³ Там же. – С. 154-155.

М. Грачев отмечает, что «индивидуальный политический актор – это конкретная, отдельно взятая личность, которая, в той или иной степени, проявляет политическую активность, включающую в себя определенное взаимодействие данного индивида с политической действительностью, его действия и ориентации по отношению к политической практике...<...>... Совокупные политические акторы – это неинституционализированные общности и социально-политические институты, деятельность которых является интегративным результатом взаимодействия составляющих данную общность или институт индивидуальных акторов, и, в соответствии с известным законом системности, отличается от простой суммы их персональных качеств некоторыми новыми кооперативными параметрами»¹.

Говоря о совокупном политическом акторе, обращает на себя внимание концепция «*групп интересов*», предложенная американским политологом и социологом А. Бентли, который отмечает невозможность существования группы без интересов². При этом «интерес» служит объединяющим и мобилизующим фактором, а индивидуальная активность функционирует в рамках группового актора.

В свою очередь Д. Кон-Бендит скептически оценивает возможности молодёжи как совокупного политического актора, отмечая, что «сегодняшние молодые люди борются за свое будущее индивидуально. У них нет коллективного опыта. Это не упрек, это не недостаток, коллективный опыт может появиться и может не появиться, но сегодня его нет»³.

Однако, мы можем считать, что трансформационные процессы, произошедшие в рамках «цветных революций», соединившие в себе технологии смены политических режимов и делегитимационные факторы,

¹ Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – С. 54.

² См.: Bentley A. F. The Process of Government: A Study of Social Pressures. – Chicago: The University of Chicago Press, 1908. – P. 211.

³ Кон-Бендит Д. Кон-Бендит о событиях 1968 года: «Это был антиавторитарный протест» // Радио Свобода – 2008. – 6 мая. – URL: <http://www.svoboda.org/content/article/446554.html> (дата обращения: 12.03.2015)

способствовали раскрытию субъектных возможностей студенческой молодёжи и накоплению ей недостающего мобилизационного опыта.

Т. Парсонс считал, что «актор – это система действий и одновременно точка отсчета. Как система действий актер может быть как индивидом, так и коллективом. Как точка отсчета актер может быть либо актором-субъектом (иногда называемый просто «актор»), либо социальным объектом. Различие индивида и коллектива делается на основе того, является ли данный рассматриваемый актер системой личности или социальной системой (обществом или подсистемой). Различие субъекта и объекта делается на основе того, занимает ли данный рассматриваемый актер центральное положение (является ли точкой отсчета) в системе отсчета или периферическое положение (является объектом ориентации для актора, принятого за точку отсчета)»¹.

Огромным значением может наделяться конкретный пространственно-временной континуум, в который погружён тот или иной политический актер. Политическое поведение конкретного актора (а в нашем случае – студенческой молодёжи) во многом связывается с преимуществом/дефицитом политической позиции, и вообще, особенностями диспозиционной конъюнктуры. Решающую роль в выборах политического актора может получать нормативная обеспеченность, наделяющая его необходимыми инструкциями и предписаниями, формальным и неформальным правом.

М. Грачев отмечает, что коллективное сознание совокупного политического актора в известной степени противостоит личностному сознанию индивидов и добавляет: «в рамках совокупного политического актора, как и в любой другой организованной и устойчивой общности людей, присутствуют властно-управленческие отношения. Они формируются вместе с образованием данного совокупного актора как сложной

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия / изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 463-464.

самоуправляющейся и самовоспроизводящейся системы, которая предполагает постоянную координацию деятельности своих основных элементов в рамках единого целого»¹.

Т. Парсонс обращает внимание на то, что став членом группы «у человека оказывается как бы два параллельных набора целей: собственные и групповые (в действительности у него их не два, а всегда гораздо больше, так как современный человек является членом многих групп)»².

Следует заметить, что «в качестве факторов индивидуального уровня чаще всего рассматриваются «выгода», т.е. польза, индивидуально значимые результаты политического участия, а также внутренние побудители различной, в том числе и социально-политической активности – потребности и мотивы, социальные установки и ценностные ориентации. В частности, «теория рационального выбора» объясняет действие человека, прежде всего, коллективные, как рациональные, направленные на получение конкретным политическим актором максимальной «выгоды» при минимально возможных затратах, как реализацию имеющихся возможностей, исходя из собственных целей и соответствия своим желаниям»³.

В свою очередь Э. Клюенко отмечает, что наряду с неполитическими, инструментальными, «рационально-эгоистическими» мотивами включенности в политику, существуют «собственно политические мотивы, в основе которых лежит представление граждан о необходимости участия в политической жизни, ощущение причастности (политическое самосознание, чувство гражданского долга участия)»⁴.

Проецируя данные мотивы на современные политические реалии и характер политического участия студенческой молодёжи, можно говорить о

¹ См: Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – С. 54-55.

² Парсонс Т. О структуре социального действия / изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 28.

³ Пфетцер С. А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3 (55). – Т. 1. – С. 108.

⁴ См.: Клюенко Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 57-58.

проектах, созданных «снизу», и направленных на решение социально-политических проблем (РосПил, РосЯма, Общество синих ведерок) и инспирированных властью проектах (Белые фартуки, СтопХам), объединяющих в значительной степени лояльную молодёжь.

Э. Чекмарев видит в политическом участии: «совокупность нравственных и политико-правовых ценностей, интересов и механизмов реализации политических прав, побуждающих к политическому действию, использованию тех или иных каналов вхождения в политику и действий в ней...<...>...политическое участие молодёжи – это проявление политической активности, воли, интереса, организаторских способностей в решении политических задач, конфликтов, в поддержании политической системы или её совершенствовании, преобразовании (или даже и в разрушении)»¹.

Существует значительное число типологий, определяющих формы и виды политического участия. В рамках диссертационного исследования мы обратимся к тем, которые будут способствовать определению места и роли студенческой молодёжи в структуре социально-политического действия.

Проблема концептуализации политических акторов в свое время еще отмечалась М. Вебером. Немецкий исследователь обращал внимание на вопросы политического участия, что нашло отражение в трех *уровнях политического участия*, предложенных им.

- 1) Профессиональный уровень (политические лидеры, партийные функционеры, государственные чиновники, политтехнологи, журналисты);
- 2) участие в политике «по совместительству» (люди занимаются политикой лишь в случае необходимости, и она не становится для них первоочередным «делом жизни» ни в материальном, ни в идеальном отношении);

¹ Чекмарев Э. В. Политическое участие молодежи в постсоветский период (на материалах Саратовской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2003. – С. 15.

3) участие в политике «по случаю» объединяет большую часть граждан, чья активность проявляется в избирательном процессе или в совершении сходного волеизъявления¹.

М. Каазе и А. Марш выделяют пять групп политических акторов в зависимости от преобладающего *типа политического участия*, которые снова в полной мере могут быть применимы к студенческой молодёжи как политическому актору.

- 1) Неактивные (пассивные). Большинство представителей этой категории либо вообще не участвуют в политике, либо – в крайнем случае. Они читают газеты и могут подписать петицию, если их об этом попросят, некоторые могут принимать участие в выборах.
- 2) Конформисты. Конформисты принимают участие в конвенциональных формах (голосование, участие в деятельности политических партий, готовность оказывать экономическую поддержку партии).
- 3) Реформисты. Участвуют преимущественно в конвенциональных формах, но более активно. Могут использовать и законные формы политического протеста, такие как демонстрации и даже бойкоты.
- 4) Активисты. Они наиболее активно участвуют в политической жизни. Формы активности – преимущественно конвенциональные, однако используют и неконвенциональные формы участия (участие в публичных уличных демонстрациях, митингах и других формах протеста с нарушением закона).
- 5) Протестующие. По уровню активности они похожи на реформистов и активистов, однако отличаются от них тем, что практически не участвуют в политическом процессе в конвенциональных формах².

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 652.

² См.: Kaase M., Marsh A. Political Action Repertory. Changes Over Time and a New Typology // Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. – Beverly Hills, CA: Sage, 1979. – P. 153-155.

Отметим, что неактивность (пассивность)/апатичность/абсентеизм, являются весьма популярным типом поведения в условиях современных политических процессов. По крайней мере, российское студенчество зачастую называют довольно аполитичным, предполагая его низкую гражданскую активность в избирательных кампаниях различных уровней.

Характер политического участия во многом зависит от сложившейся в конкретном государстве политической модели. Г. Алмонд и С. Верба отмечают, что «демократическое государство открывает перед простым человеком возможность участвовать в процессе принятия политических решений в качестве влиятельного гражданина; тоталитарное государство отводит ему роль «участвующего подданного»¹.

Данная особенность позволяет выделить два *типа политического участия* (С. Хантингтон, Дж. Нельсон²):

- 1) автономное (осознанная и самостоятельная форма политического участия характерная для демократических политических режимов);
- 2) мобилизованное (вынужденное участие индивида в политическом процессе, характерное для традиционных обществ, авторитарных и тоталитарных политических режимов).

Выделение данных разновидностей позволяет определить характер риторики и артикуляции интересов, возможность маневренности и степень свобод, а также форм участия политического актора.

Следует заметить, что «власть в демократических государствах сама начинает выступать в качестве инициатора и организатора политического участия как можно большей части общества»³, тем самым способствуя раскрытию субъектного потенциала, в частности, студенческой молодёжи.

¹ Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры (I) // Полития. – 2010. – № 2 (57). – С. 125.

² См.: Huntington S. P., Nelson J. M. No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries. – Harvard University Press, 1976. – 336 p.

³ Пфетцер С. А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3 (55). – Т. 1. – С. 105.

В свою очередь С. Чирун обращает внимание на то, что молодёжь может является и объектом молодёжной политики, реализовывать интересы не молодёжных субъектов, акторов в собственном политическом участии. В качестве примера автором приводится ситуация в РФ во второй половине 2010-х гг., когда получила распространение практика административного принуждения отдельных групп молодёжи к участию в мероприятиях партии власти¹.

Таким образом, коррелируя характер политического участия и существующий политический режим, можно согласиться с мнением Д. Гончарова, который считает, что «все современные политические системы предполагают *смешение автономной и мобилизованной активности граждан* в определенной пропорции в зависимости от специфики политической культуры, социума и т.д.»².

В рамках диссертационного исследования для нас представляется важным определение *политической активности*, под которой понимают осознанную деятельность, где личность выступает как инициативный носитель и проводник норм, принципов и идеалов определенной социальной группы или общества в целом. «Характер политической активности определяется тем, какие идеи и [какой общности – *авт.*] пропагандирует, защищает и стремится претворить в жизнь та или иная группа лиц»³.

Довольно интересная модель *типов политической активности* встречается у П. Сорокина, рассматривавшего активность в контексте психологических переживаний.

- 1) «Акты «дозволенно-должные», которыми являются поступки, соответствующие представлениям «должного» поведения,

¹ См.: Чирун С. Н. Молодёжная политика в ситуации постмодерна: государство, общество, политические организации: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. – Казань, 2015. – С. 243.

² Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // Политические исследования. – 1995. – № 6. – С. 129.

³ См.: Худавердян В. Ц. Бунт или политическая активность? – М.: Молодая гвардия, 1978. – С. 108.

атрибутивно-императивным переживаниям. Это суть, или акты осуществления прав, или акты осуществления обязанностей.

2) Акты «рекомендуемые». Такими актами для каждого человека будут акты, не противоречащие его представлениям дозволенно-должного поведения, но представляющие сверхнормальную роскошь, избыток над необходимым минимумом «доброе» поведения, каковым является дозволенно-должное поведение, и потому всегда желательные. Эти акты добровольны и потому не носят в себе никакого элемента обязанности.

3) Акты «запрещенные» или «недозволенные». Такими актами для каждого будут те акты, которые противоречат его представлениям «должного» поведения и нарушают его «должную» норму поведения (акты, противоречащие атрибутивно-императивным переживаниям)»¹.

Интерес представляют рассуждения П. Сорокина и о поведении человека в периоды стабильности и в моменты социально-политических сдвигов. Исследователь отмечает, что «человек по количеству и качеству своих биологических инстинктов-рефлексов представляет собою бомбу, начиненную множеством сил и тенденций, способную взорваться и явить картину дикого буйства...[Однако он со всех сторон связан (обусловлен) множеством взаимотормозящих стимулов – *авт.*]...Отсюда – нормальное и довольно мирное обычное поведение человека, равновесие его психики и поступков, взаимосогласованность и взаимоприспособленность (конечно, относительная) актов одних людей с актами других...<...>...Но стоит условиям среды измениться так, чтобы один-два или ряд основных инстинктов не могли удовлетвориться в достаточной мере, чтобы они начали «ущемляться», как все «равновесие» поведения человека расстраивается и терпит крушение...<...>...Когда же условия среды изменяются так, что

¹ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ.; общ. ред., сост., предисл. А. Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – С. 57.

вызывают ущемление основных инстинктов у множества лиц, тогда мы получаем массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, революции...»¹.

Студенческая молодёжь как политический актор обладает особой чувствительностью к происходящему в стране, что предопределяет её последующие выборы.

Политическое участие прямо зависит от информированности актора. Особенно ярко эта связь проявляется в периоды политической нестабильности.

В свое время Т. Парсонс отмечал, что «различие между тем, что известно актору, и тем, что ему неизвестно, всегда потенциально важно...<...>...Когнитивная ориентация актора может не только полностью проигнорировать какой-то объект, так что актор останется в полном неведении относительно него, но в ней он может быть также искажен. Сюда могут входить ошибки перцепции и интерпретации»². Таким образом, учитывая значительную информационную пропускную способность и уровень восприятия молодёжи и студенчества, каналы воздействия активно используются заинтересованными политическими силами, пытаясь привлечь студенческую молодёжь в собственные проекты.

В рамках исследования участия студенческой молодёжи интерес представляют типологизации, связанные с развитием информационных технологий. С. Чирун *по степени технологизации политического участия* молодёжи подразделяет на:

- 1) «Не технологизированное (как правило, речь идет о низкой степени рациональности, и здесь уместно говорить о политическом поведении,

¹ См.: Сорокин П. А. Социология революции. – М.: Территория будущего, РОССПЭН, 2005. – С. 41-42.

² Парсонс Т. О структуре социального действия / изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 541.

чем об участии), примером могут являться действия, совершаемые не/мало структурированной толпой;

- 2) традиционно технологизированное (задействованы технологии, характерные для традиционных типов политического участия);
- 3) информационно-технологизированное (используется широкий спектр информационных и интернет технологий в политическом участии)¹.

Также автор обращает внимание на *цивилизационный критерий*:

- 1) «доиндустриальный тип политического участия молодёжи (здесь молодёжь рассматривается как «великий немой»);
- 2) модернистский тип политического участия молодёжи (соответствует преимущественно т.н. традиционным типам политического участия);
- 3) постмодернистский (т.е. формы и технологии участия, которые не были и не могли быть в индустриальном и постиндустриальном обществе. И, в первую очередь, связанные с развитием информационных и интернет технологий, социальных сетей, показавших свою эффективность в «цветных» революциях и арабской весне)².

Развитие информационных технологий способствует развитию политической сферы, вовлечению большего числа людей (заметная роль принадлежит студенческой молодёжи) в происходящие процессы и формированию гражданского общества. Сеть создает условия, «когда большинство людей имеют право голоса и существует демократический, политический и социальный процесс, массы, состоящие из средних и низших слоев населения, могут объединить свои индивидуальные малые доли власти и оказать общее влияние, достаточно сильное для того, чтобы по меньшей мере уравновешивать влияние высших социальных классов, а порой и брать на них верх. Этот новый шаблон структуры власти и могущества представляет людям в средних и низших слоях общества более широкие

¹ Чирун С. Н. Молодёжная политика в ситуации постмодерна: государство, общество, политические организации: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. – Казань, 2015. – С. 242-243

² Там же. – С. 243-244.

возможности для мобильности как в самой этой структуре, так и других видах стратификационной структуры»¹.

При этом Д. Белл высказывает сдержанный оптимизм относительно перспектив политического участия: «нередко слышны заявления о том, что индивиды или группы чувствуют себя «бессильными» повлиять на ход событий. Однако сегодня политическая жизнь намного более интенсивна (причем на всех этажах власти), чем когда-либо ранее, а сам факт повышения активности ведет к умножению числа групп, «контролирующих» друг друга и порождающих чувство безысходности. Таким образом, как ни парадоксально, повышенная степень активности в большинстве случаев ведет к росту разочарования»².

Следует заметить, что разочарование может привести к полярным формам политического участия: абсентеизму или радикальным действиям.

Все рассмотренные классификации могут быть использованы применительно к студенческой молодёжи, поскольку они позволяют оценить степень включенности студенческой молодёжи в политический процесс, а, следовательно, оценить возможные дивиденды от её участия.

Предложенные классификации свидетельствуют, что студент как индивид либо как член группы в зависимости от его политической культуры, условий повседневности, временной и пространственной обусловленностью, выбирает модель поведения, степень, а также и форму участия в политическом процессе. Партиципация студента в составе группового политического актора зависит также от степени институционализации (от случайной группы, образовавшейся в определенных условиях до высокоорганизованной группы с четкой системой администрирования и целями). Источником активности служат наличие интересов, а также

¹ Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / сокр. пер. с англ. В. В. Воронина, Е. В. Зиньковского; ред. и вступ. ст. Г. В. Осипова. – М.: Прогресс, 1972. – С. 237.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – изд. 2-е, испр. и. доп. – М.: Academia, 2004. – С. 635.

стремление к их осуществлению. Организованность, наличие руководящих органов и лидеров, способно приводить эти интересы в жизнь.

Студенчество демонстрирует свой субъектный потенциал как во внутренних делах учебного заведения, посредством коммуницирования с другими акторами (студенты – администрация учебного заведения), так и во внешних делах (студенты – органы государственной власти).

Студент как индивидуальный политический актор, так и в составе совокупного политического актора способен занимать позицию *pro et contra* к органам власти в системе учебного заведения, а также к органам государственной власти. Опыт постсоветских политических трансформаций, о которых пойдёт речь дальше, подтверждает это.

Выводы по Главе I

Концепт «студенческая молодёжь» в дискурсивных практиках наполняется смыслами. Вместе с тем, сложно представить, что студенчество может ускользать из сферы политического. Все исследуемые нами дискурсы, формирующие концепт «студенческая молодёжь», определяются политической сферой, оказываясь зависимыми от неё.

Исходя из политической ситуации, студенческая молодёжь может выступать политическим актором, принимая активное участие в политических трансформациях. Именно в процессе политической трансформации, когда происходит борьба за ресурсы, студенческая молодёжь может восполнить дефицит политической позиции, открывающей доступ к благам. Именно тогда студенческая молодёжь может занять позицию лояльную власти или её оппонентов.

Теоретический экскурс по моделям политических акторов показывает, что все известные классификации политических акторов могут быть применимы к студенческой молодёжи, объективируя различные формы и механизмы политической поддержки. Политическая практика убедительно

подтверждает, как происходит политизация студенческой молодёжи, становящейся либо сторонником власти, либо выбирающей путь политического сопротивления.

ГЛАВА II

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

§1. О Субъектном потенциале студенческой молодёжи в зарубежном политическом дискурсе

Развитие субъектного потенциала студенческой молодёжи как политического актора происходило соразмерно развитию политических процессов в конкретной политической системы. Если принять во внимание формационный подход, предполагающий приблизительно схожие условия и характеристики возникновения политического сопротивления, то общее состояние студенческого протеста в политических системах государств мира во многом было сопоставимо. Как отмечает В. Жирмунский, «история человеческого общества практически не знает примеров абсолютно изолированного культурного развития без непосредственного или более отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между его отдельными участками»¹. Так и протест студенческой молодёжи, его основания и причины, социальный состав и политические требования были близки. Именно это обстоятельство и позволяет говорить об объективном характере студенческого протеста.

Студенческий протест нельзя не рассматривать в динамичном состоянии. Периоды относительного затишья/спада активности только приближали грядущую активизацию протеста. Циклический характер протеста, на наш взгляд, мог быть связан с объективными причинами. В рамках диссертационного исследования остановимся на некоторых из них.

Решение Парижской мирной конференции сохранить за Японией ранее оккупированные территории китайской провинции послужило поводом

¹ Жирмунский В. М. Фольклор Востока и Запада. Сравнительно-исторические очерки. – М.: ОГИ, 2004. – С. 105-106.

студенческой манифестации в Пекине 4 мая 1919 г. («Движение 4 мая») против коррумпированного прояпонского правительства. Дома министров-предателей подвергались атакам и были разгромлены. Впоследствии движение получило распространение по всей стране¹.

Следует заметить, что ситуацией воспользовались лидеры политической партии Китая: Ли Дачжао и Чэнь Дусю, которые заявляли, что «право на образование является одним из основных прав человека, а основная задача Китайского правительства – гарантия прав человека для каждого гражданина»².

Безусловно, приведенный пример представляет собой отдельно стоящий эпизод студенческой политической активности. Он всего лишь показывает, как быстро может мобилизоваться студенчество для решения не только вопросов академического характера, но и политических проблем.

Пожалуй, самый мощный всплеск молодёжного и студенческого социально-политического движения пришелся на 1960-е гг. Как отмечает британский исследователь К. Рутес, студенческое движение 1960-х гг. возникло из сочетания демографических и социальных изменений, устойчивого роста уровня жизни, расширения высшего образования в ответ на технологические изменения и изменения в профессиональной структуре, а также существующий вакуум политической оппозиции³.

Развивая мысль о молодёжном протесте, П. Смит обращает внимание на развитие контркультуры, получившей воплощение в музыке, одежде, наркотиках, и вызывали бурю негодования. Подъем контркультуры

¹ См.: Isaacs H. R. The Tragedy of the Chinese Revolution. – Chicago: Haymarket Books, 2009. – P. 41.

² Ли Суй. Эволюция принципа справедливости и его реализация в государственной образовательной политике Китая: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Москва, 2015. – С. 27.

³ См.: Student movements / C. Rootes // Blackwell Encyclopedia of Sociology. – Blackwell Publishing, 2007. – P. 4875.

проложил путь для студентов, позволив бросить вызов правительству и искать лучшее положение чем то, которое у них было¹.

А. Дуда отмечает, что начиная с 1960-х гг. студенческая активность достигает нового уровня интенсивности, политические вопросы становятся основными стимулами политической активности в университетах².

Рост масштабов протеста студенческой молодёжи говорит об увеличении субъектного потенциала, а также о появлении целой системы протестных действий и сопротивления.

Однако, в начале 1970-х гг. политическая активность студенчества в «старых» демократических системах пошла на спад. «Радикализация и политизация сознания студенчества не оказалась столь мощной и, главное, необратимой, как это предполагалось в 1960-е годы. Свидетельство тому – конформизм американского студента»³, – считает К. Мяло.

Новым раздражителем для студенческой молодёжи становятся авторитарные политические режимы и их лидеры, что следует связывать с третьей волной демократизации.

Как отмечает К. Рутес, студенческое движение в 1970-е гг. сыграло важную роль в демократизации франкистской Испании и Греции периода военной диктатуры. В Венгрии, Польше, Чехословакии студенческое движение неоднократно оспаривало существование коммунистического режима в 1950-1980-е гг.

Заметен вклад студенческого движения в демократизацию азиатских обществ. В Таиланде, Южной Корее, Тайване, Индонезии, несмотря на зачастую жесткие репрессии, студенческие выступления спровоцировали

¹ См.: Smith P. H. J. Student revolution in 1960s Britain: Myth or reality? – 2007. – URL: <http://www.patricksmith.org.uk/> (дата обращения: 12.03.2015)

² См.: Duda A. M. When “It’s time” to say “Enough!”. Youth Activism before and during the Rose and Orange Revolution in Georgia and Ukraine: a Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. – The University of Birmingham: Centre for Russian and East European Studies, 2010. – P. 59. – URL: <http://etheses.bham.ac.uk/1108/1/Duda10PhD.pdf> (дата обращения: 1.01.2016)

³ См.: Мяло К. Г. Под знаменем бунта. Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950-1970-х годов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – С. 68.

политический кризис авторитарных режимов, что способствовало расширению гражданских свобод. Однако студенческие протесты против более закрытых режимов имели меньше шансов. Так студенческие выступления в Бирме/Мьянме или Китае в 1989 г. были жестоко подавлены¹.

Студенческая активность связывается и с практиками ненасильственной смены политических режимов: Югославия (2000), Грузия (2003), Украина (2004, 2013-2014), Кыргызстан (2005, 2010) и других.

В целом, если мы обратим внимание на специфику протеста студенческой молодёжи в исторической перспективе, то бросается в глаза активизация протеста в трансформирующихся обществах.

Студенческая активность в политическом процессе представляется в различных формах². На наш взгляд, следует выделить такие **формы**, как демонстрация, митинг, забастовка, марш, поход, «белая забастовка», «тичин», агитация на дому, конференция, конгресс, бойкот, политический перформанс, обструкция, голодовка, захват (оккупация), вандализм, захват заложников, радикальные действия, самосожжение.

- *Демонстрация, митинг, забастовка*, получили широкое распространение в студенческой среде на фоне того, что «многие группы, особенно студенты, оценивают институционализированные процедуры участия и выражения недовольства как неэффективные»³. При этом популярность демонстрации, митинга, забастовки объясняется притуплением чувства страха при коллективном действии и анонимностью участия. Иллюстрацией подобных форм студенческой активности, в частности, выступают: сидячая демонстрация (англ. *sit-in*) студентов в Гринсборо в 1960 г.; события мая 1968 г. во Франции.

¹ См.: Student movements / C. Rootes // Blackwell Encyclopedia of Sociology. – Blackwell Publishing, 2007. – P. 4876.

² См.: Захаров С. М. Формы студенческой активности: исторический экскурс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14). – Ч. 1. – С. 94-97.

³ Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – С. 201.

- *Марш и поход*, в случае которых необходимо обратить внимание на такие важные черты данных форм, как массовость, высокая степень мобильности и отсутствие обусловленности политической активности конкретными территориальными рамками. В качестве примера выступают весенние Олдермастонские походы.

Эффективность данных форм подчёркивается их непосредственными участниками. «В 1965 г. участникам Маршей мира в Британии и Дании задали вопрос, что они думают по поводу воздействия этих демонстраций. Наибольшая доля, хотя и меньше половины, считали, что демонстрации могут оказать прямое воздействие на общественное мнение. Некоторые из датчан (11 %) и несколько более британцев (17 %) считали, что воздействие будет оказано не самими требованиями, а самой демонстрацией силы»¹.

- *«Белая забастовка»* т.е. бурная дискуссия во время лекций, в оккупированных учебных помещениях; «прямые» вопросы профессорам на лекциях или представителям администрации во время их выступлений².

- *«Тич-ин»* (англ. *teach-in* – лекция, собрание и т.п. для обсуждения актуальных вопросов; различные формы протеста или разъяснительные кампании) – своеобразная форма диспутов, которые используются студентами для получения объективной информации по политическим вопросам, для критики официальной политики правящих кругов³.

- *Агитация на дому* была ориентирована на организацию разъяснительной работы среди населения, студенты пытались пробудить интерес к политике, обсудить острые вопросы.

- *Конференция и конгресс*, способствующие консолидации студентов посредством дискуссии, где определяется вектор движения, выработка

¹ Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – С. 281.

² См.: Левое студенческое движение в странах капитала / отв. ред. С. С. Салычев. – М.: Наука, 1976. – С. 155; Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956-1968 гг.). – М.: Наука, 1975. – С. 173.

³ См.: Брычков А. Р. Молодая Америка. – М.: Молодая гвардия, 1971. – С. 173; Вошенков К. П. Молодые борцы за мир. – М.: Просвещение, 1974. – С. 89, 90.

стратегии и характер дальнейших действий (Международный конгресс студентов в Праге и создание Международного союза студентов (1946 г.).

- *Бойкот* (англ. *boycott*) – форма политического протеста и метод политической борьбы, предполагающий прекращение отношений (полное или частичное) с отдельным лицом, организацией. Бойкот со стороны студентов осуществлялся в отношении преподавателей, учебных занятий и экзаменов.

- *Политический перформанс* (англ. *performance* – исполнение, представление, выступление), представляющий собой форму политической активности, которая определена временем и местом. Данный вид артикуляции был сформирован на основе собственной оценки неспособности студенчества влиять на политический процесс. Политический перформанс представляется наиболее приемлемой формой политического участия, потому как он позволяет привлечь внимание нестандартными формами реального политического действия ввиду ограниченности ресурсов.

- *Обструкция* (от лат. *obstructio* – помеха, преграда) – способ политической борьбы, выражающийся в намеренном срыве какого-либо мероприятия. К этой форме активности прибегали студенты, не желавшие слушать государственных и политических деятелей.

- *Голодовка* является той формой активности, в рамках которой проявляется непримиримость, свойственная студенческому протесту. Выделенная форма достаточно проста в реализации. Обращая внимание на голод с позиции ощущений, П. Сорокин отмечает, что «воздержание от приема пищи вызывает уже голод (ощущение, отличное от аппетита, страдательное по своей природе); продолжительное воздержание модифицирует это специфическое чувство в ощущение общего недомогания, слабости, головной боли и боли во всем теле, головокружения, тошноты и

т.д. в которых само чувство голода тонет»¹. Таким образом, прибегая к голодовке как форме протеста, человек сознательно подвергает себя истязаниям, желая отстоять свою позицию.

- *Захват (оккупация)* аудиторий, общежитий, факультетов, университетов. Заметим, что университетские корпорации в средние века в случае конфликта с властями «угрожали грозным оружием и действительно его применяли – забастовку и уход»². В сознании студентов XX века плотно укрепилась мысль – «университет – студенческая собственность»³, чем объясняется стремление к отстаиванию своей территории и лозунги, в частности во Франции – «Сорбонну – студентам!»⁴. Таким образом, мы можем говорить об эволюции представлений о своем положении у студентов – от подчинения (избежание конфликта с властью, хотя это остается доминирующим для большинства студентов) до борьбы за собственное право определять свое место в структуре высшего учебного заведения.

- *Вандализм* представляет собой уничтожение культурных ценностей, осквернение зданий или иных сооружений. Формы, связанные с нарушением правовых норм или радикальные действия в целом, требуют решимости, в нашем случае, от студентов. Так, уничтожение нескольких старинных рукописных карт на географическом отделении Лондонской школы экономики или битье стекол группой студентов в университете Вилья-Реаль в Перу⁵ накладывает разную степень индивидуальной ответственности.

¹ Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / вступительная статья, составление, комментарии, подготовка к печати В. В. Сапова и В. С. Сычевой. – М.: Academia & LVS, 2003. XII. – С. 24.

² Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / пер. с фр. А. М. Руткевича. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 61.

³ Розанов В. В. Метафизика христианства. – М.: АСТ, 2000. – С. 743.

⁴ См.: Рамбо П. 1968: Исторический роман в эпизодах / пер. с фр. Н. Морозовой. – М.: Ультра. Культура, 2004. – С. 18; Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956-1968 гг.). – М.: Наука, 1975. – С. 187.

⁵ См.: Весенский В. П. В темноте дня и свете ночи: заметки журналиста о Латинской Америке. – М.: Молодая гвардия, 1979. – С. 45; Левое студенческое движение в странах капитала / отв. ред. С. С. Салычев. – М.: Наука, 1976. – С. 234.

- *Захват заложников* сопровождается демонстрацией власти, силы, требованиями считаться с мнением и принуждением совершить какие-либо действия. Иллюстрацией тому выступает захват студентами посольства США в Тегеране в 1979 г.
- *Радикальные действия* – крайняя форма групповой или индивидуальной активности, которая реализуется в условиях невозможности более компромиссного диалога. В качестве примера можно привести деятельность «Везерменов» («Weathermens», «Weather Underground Organization», «Метеорологов»), совершавших террористические акты, о которых, однако, сообщалось заранее.

По мнению Д. Нечаева, левозкстремизм и терроризм эволюционировал из студенческого движения протеста. Примером может выступать опыт организации «...«Фракция красной армии» (РАФ), социальную базу которой составляли студенты и несовершеннолетние (численность, как правило, не превышала 200 человек), которая провела серию политических убийств, грабежей банков, похищения оружия. Организация «Военно-спортивная группа» К.-Г. Гофмана в начале 1980-х гг. устроила настоящий террор в Мюнхене и других городах Западной Германии. Всё это, вместе с националистическими представлениями праворадикальной молодёжи позволяет говорить о существовавшей (и существующей) тенденции радикализации сознания незначительной части молодого поколения. Причем данный фактор срабатывает периодически и «всплесками», серьезно осложняет политическую стабильность в стране»¹.

К. Мяло отмечает неустойчивость и непрочность радикальных настроений студенчества, проявляющиеся в «переключении протеста с одной темы на другую, а также постоянное стремление всякий протест по

¹ Нечаев Д. Н. Молодежные организации в политической системе ФРГ (80-е – начала 90-х годов XX века). – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 26.

конкретному поводу взвинтить до «сотрясения устоев», тем самым скорее отпугивая, нежели привлекая возможных союзников по борьбе»¹.

- *Самосожжение* представляет собой персонифицированный протест, в основе которого лежат личные мотивы и особенности восприятия мира, демонстрирующий страдания. В качестве примера выступают акты студентов З. Адамеца, Я. Зайица, Р. Лапорта, Я. Палаха и других.

Проведенная систематизация форм студенческой активности дает основание говорить о схожести субъектных проявлений как реакции на вызовы условий повседневности, трансформирующиеся в акты как мирного, так и радикального характера. Ресурсы и потенциал студенческой активности были различны и напрямую зависели от состояния политической системы.

Каждая из отмеченных нами форм студенческого протеста может обладать значительным социальным потенциалом, обеспечивая реальное присутствие в социально-политическом процессе.

Как отмечает К. Мангейм, «чувства, эмоции и мысли получают социальное значение лишь тогда, когда они интегрированы»². Действительно, о явлении студенческого протеста и о постепенном развитии субъектного потенциала у студенческой молодёжи едва ли шла речь, не будь данное явление массовым и, стало быть, социально интегрированным.

Реализуя себя в качестве актора в политических трансформациях, студенчество боролось не только за собственные права, но и реагировало на изменения, происходящие в обществе. Таким образом, необходимо определить **характер требований**³ студенчества, потому как каждая форма студенческого протеста основывалась на идеологической компоненте.

Требования студенчества могли носить политический и социально-экономический характер. Следует оговориться, что подобное деление весьма

¹ Мяло К. Г. Под знаменем бунта. Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950-1970-х годов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – С. 69.

² Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 444.

³ Требования студенчества в своих работах формулируют: Б. Баннов, А. Брычков, В. Весенский, С. Салычев, А. Семенов, В. Юртаев и другие.

условно, поскольку касается главным образом вопросов академического характера.

- *Политические требования.* Желая отстоять свое положение равноправного элемента университетского организма, наряду с администрацией и преподавателями, студенты выступали за контроль и участие в управлении делами университета студенческого представительства, за гласность решений административных органов, свободу выражения мнений в учебных аудиториях. Осознавая возрастающее напряжение и конфликтность, понимая открывающиеся возможности политизации данных проблем в условиях всеобщего студенческого недовольства, студенты стремились получить возможность заниматься политической деятельностью на территории университета. Конфликтные ситуации с руководством высшего учебного заведения и преподавателями, решения, не удовлетворяющие студентов, вызывали реакцию со стороны студентов (выступления против назначения ректора или за увольнение реакционных преподавателей).

Студенческие выступления также были направлены на ликвидацию различных охранительных барьеров со сторон государства, которое всячески стремилось препятствовать доступу нежелательной молодёжи в высшие учебные заведения. Этим объясняются требования о необходимости получения университетами полной автономии и открытого доступа в вузы для масс молодёжи, а также выступления против дискриминации в высшей школе по расовым мотивам и политическим убеждениям.

- *Социально-экономические требования.* К ним следует отнести выступления за отмену стипендий ограниченному числу студентов и предоставление пособий всем студентам, увеличение ассигнований на высшее образование, повышение стипендии и сокращение платы за жилье, бесплатное образование, создание фондов для нуждающихся. Студенческие требования были направлены против урезания финансирования вузов,

повышения платы за обучение и проезд в общественном транспорте, а также за гарантии трудоустройства по специальности.

Проблема справедливого распределения, объективирующая студенческий протест, также не избежала регламентаций и барьеров со стороны власти. Вместе с тем, наблюдались и уступки. Представители студентов могли включаться в финансовые комиссии вузов для участия в распределении фондов стипендий, минимизации экономических и социальных барьеров при поступлении в университет, а также мониторинга бытовой сферы, условий содержания общежитий.

Характер предъявляемых требований показывает стремление студенчества к контролю над внутренней политикой университетов. При этом максимально должна была сохраняться социальная ответственность государства. Подобная модель отношений встречается крайне редко и связывается с типом политического режима, поскольку «университет является слепком политической системы»¹.

Студенческие требования часто политизировались через требования академического характера. Появление подобной тенденции не осталось незамеченным со стороны исследователей. На это в частности обращают внимание В. Большаков и В. Юртаев, отмечая перемены характера студенческих выступлений – от требований академических свобод к требованиям свободы политической².

Следует заметить, что характер требований и уровень политической активности студенчества зависит от личной заинтересованности, на что обращает внимание К. Мяло, приводя в качестве примера изменение отношения американских студентов к войне во Вьетнаме.

Весной 1965 г. 91 % студентов вообще поддерживали вьетнамскую войну. Однако ситуация резко обострилась летом 1967 г., когда были

¹ Скиперских А. В. Интеллектуал в провинциальном университете // Улитка. – 2011. – № 6. – С. 11.

² См.: Большаков В. В. Бунт в тупике? Очерки с идеологического фронта. – М.: Молодая гвардия, 1973. – С. 228; Юртаев В. И. Иран: студенты в исламской революции. – М.: Наука, 1993. – С. 79-80.

отменены призывные льготы для студентов. Теперь борьба велась уже не за отвлеченные идеалы, а за собственные интересы. За три года, с весны 1965 г. по весну 1968 г., число демонстрантов возросло в 300 раз, причем почти весь этот рост пришелся на последний год, то есть был прямо связан с отменой льгот. После того, как правительство объявило о возвращении студенческих призывных льгот, движение пошло на спад, выступления в студенческих городках стали реже и приобрели в целом мирный характер¹.

Требования мобилизованного студенчества не могли не оставаться без удовлетворения. Для правящих элит наступал момент истины, когда требовалось или удовлетворить требование, или отказать.

Вектор в пользу силовых (репрессивных) схем свидетельствовал о нежелании власти демократизироваться, и, наоборот, удовлетворение ожиданий студенчества свидетельствовало о стремлении элиты наладить со студенчеством конструктивный диалог. В целом, говоря о **формах реакции власти** на требования студенчества, можно выделить следующие: оказание давления, отстранение от занятий, исключение, задержание, аресты, тюремное заключение, прекращение занятий, закрытие факультетов и университетов, правовые механизмы, применение оружия.

- *Оказание давления* на студентов можно отнести к скрытым формам воздействия, с использованием административного ресурса власти. Так, например, под предлогом «вмешательства в политику» президент Национального студенческого союза Франции Д. Валлон не был допущен к приемным экзаменам в Национальную школу администрации².

¹ См.: Мяло К. Г. Под знаменем бунта. Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950-1970-х годов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – С. 74.

² Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956-1968 гг.). – М.: Наука, 1975. – С. 72.

В этой связи интересны слова П. Рамбо, отмечающего, что «имена самых буйных и крикливых студентов занесли в черные списки, чтобы потом завалить на экзаменах»¹.

О системе контроля над студентами говорит Б. Баннов, приводя пример Англии, где «студенты Уорринского университета (Ковентри) обнаружили в феврале 1970 г., что на каждого из них администрация завела досье, где фиксирует политические взгляды всех студентов, его «лояльность» или участие в митингах и демонстрациях»².

- *Отстранение от занятий, исключение, задержание, аресты, тюремное заключение* стали универсальным способом борьбы со студентами, направленным на лишение возможности получить образование (невозможность профессиональной реализации) и права деятельности на определенный срок. Можно предположить, что исключенные из учебного заведения или недоучившиеся студенты будут демонстрировать высокий уровень политической активности.

По мнению С. Хантингтона, чем выше уровень образования отчужденных или иных недовольных людей, тем более экстремально их дестабилизирующее поведение³. В свою очередь рассуждая о студентах, бросивших обучение раньше срока (англ. *dropout*) Г. Маркузе, обращая внимание на то, что их много среди активной оппозиции в США⁴.

- *Прекращение занятий, закрытие факультетов и университетов* можно расценивать как борьбу за право владения территорией, направленную на лишение студентов места консолидации.

¹ Рамбо П. 1968: Исторический роман в эпизодах / пер. с фр. Н. Морозовой. – М.: Ультра. Культура, 2004. – С. 34.

² Баннов Б. Г. Мятеж возмущенного разума. Студенчество Запада против империализма. – М.: Молодая гвардия, 1970. – С. 95.

³ См.: Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. – 7th printing. – New Haven, London: Yale University Press, 1973. – P. 48.

⁴ См.: Marcuse H. Five Lectures. Psychoanalysis, Politics, and Utopia / Translations by J. J. Shapiro, S. M. Weber. – London: Allen Lane The Penguin Press, 1970. – P. 86.

- *Правовые механизмы* предусматривают формирование специфических «правил игры» в интересах университетской администрации.

Так, в ряде американских университетов нарушение учебного процесса наиболее активными в политическом протесте студентами могло рассматриваться как преступление¹.

К. Вощенко подтверждает, что в большинстве штатов были приняты специальные законы, предписывающие властям в судебном порядке карать активных участников студенческого антивоенного движения².

- *Применение оружия* формирует чувство страха и демотивирует участников протеста, позволяя правящей элите добиться необходимых результатов. Против протестующих власти используют полицию, национальную гвардию, регулярные войска, применяющие не только дубинки, слезоточивый газ, но и огнестрельное оружие. «Опираясь на физическое насилие, нельзя достичь всего, но насилие почти не нуждается ни в каких условиях для того, чтобы быть мотивированным»³.

Примером выступает расстрел студенческой демонстрации в Кентском университете США. Особой жестокостью отличались подавление выступлений рабочих и поддержавших их студентов в мае 1969 г. в Кордове («Кордобасо»), а также события в Иране, главным образом в Тегеранском университете, в 1977-1979 гг., которые сопровождались жестокими репрессивными мерами со стороны властей по отношению к студенческим выступлениям. В ходе этих событий против студенчества были брошены как полиция, так и регулярные войска, что привело к большому числу убитых, раненых и арестованных⁴.

¹ Брычков А. Р. Молодежь США: от нигилизма к политике. – М.: Молодая гвардия, 1974. – С. 67.

² См.: Вощенко К. П. Молодые борцы за мир. – М.: Просвещение, 1974. – С. 125.

³ Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – С. 99.

⁴ См.: Весенский В. П. В темноте дня и свете ночи: заметки журналиста о Латинской Америке. – М.: Молодая гвардия, 1979. – С. 112-113; Юртаев В. И. Иран: студенты в исламской революции. – М.: Наука, 1993. – С. 97-114.

В. Юртаев, характеризуя положение иранской студенческой молодёжи, отмечает, что «строгие дисциплинарные меры пресечения студенческого протеста (в условиях военного времени означали для провинившегося студента отправку на фронт) в сочетании с подавлением активности оппозиционных сил и сочувствующих им не позволяли окрепнуть и встать на ноги движению демократической молодёжи. В подобных условиях нарастала пассивность в рядах студенческой молодёжи Ирана, ее аполитичность и нежелание идти на какой-либо конфликт с властями»¹.

Однако лидеры студенческих демонстраций могут придерживаться иных взглядов. В целях собственной политической легитимации им выгодно поддерживать нестабильность, позиционируя себя в качестве самостоятельных игроков. Каждый новый факт столкновения с полицией и регулярными войсками на территории студенческих кампусов и другие случаи «прямой конфронтации», особенно если они сопровождались жертвами, способствует политической легитимации студенческих лидеров.

Подъем общественной активности студенчества сопровождается усилением внимания к ним различных политических сил, каждая из которых стремилась привлечь протестующих студентов на свою сторону.

На наш взгляд, можно говорить о преобладании академических требований, относящихся к материальной и культурно-информационной сферам, их большой актуальности для студенческой молодёжи. На это делают ставку партии и организации, стремящиеся политизировать студенческую молодёжь. Перед политическими партиями, использующими студенчество в качестве ресурса, стоит задача поиска точек соприкосновения, которые смогли бы объединить интересы и потребности студенчества с собственными политическими целями.

Подобное потребительское отношение к студенческой молодёжи стало возможно во многом из-за отсутствия идейной платформы, четко

¹ Юртаев В. И. Иран: студенты в исламской революции. – М.: Наука, 1993. – С. 161-162.

определенного самостоятельного вектора развития и жёсткого иерархизирования.

А. Семенов подтверждает отсутствие сколько-нибудь определенной структуры, устава и членства в «Движении 22 марта», но замечает, что «основная задача, которую ставили перед собой активисты, – политизировать студенческий протест, превратить его из смутного недовольства существующим положением вещей в принципиальное неприятие окружающей социально-политической реальности»¹.

П. Рамбо, характеризуя своих персонажей – студентов, отмечает, что они «не были политическими активистами, но их бесило такое количество ежедневных запретов. Они не вдавались в теорию, а просто возмущались, у них не было образцов для подражания, но были желания»².

Позиция П. Рамбо наталкивает на мысль о вторичности идеологии, вытесняющей студенческую активность, что представляет собой специфическую черту субъектности для данной общности в целом.

Такое положение вещей компенсируется за счет создания дочерних молодёжных и студенческих организаций при политических партиях и объединениях, экспортирующих собственные идеологические концепты. Примером тому выступает молодёжная организация ХДС/ХСС «Молодой союз Германии» или организация СДПГ – «Молодые социалисты».

Наряду с этими организациями функцию подготовки кадрового резерва и активного электората, идеологической ориентации и политизации выполняют университеты. В качестве примера могут выступать университеты Англии, о которых в свое время Г. Гельмгольц говорил, что «они воспитывают образованных людей, правда, таких, которые не должны переступать границ, положенных их политической или церковной партией, и

¹ См.: Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956-1968 гг.). – М.: Наука, 1975. – С. 171.

² Рамбо П. 1968: Исторический роман в эпизодах / пер. с фр. Н. Морозовой. – М.: Ультра. Культура, 2004. – С. 15-16.

не делают этого. По большей части оксфордцы сторонники консерваторов, кембриджцы поддерживают либералов»¹.

Проводя параллели с современной российской практикой, необходимо отметить, что университет сегодня может выступать одним из важных агентов политической социализации молодёжи. Как отмечает А. Скиперских, «в условиях управляемых избирательных кампаний университет становится важнейшим стратегическим политическим центром»². Студенческая молодёжь оказывается вовлечённой в политический процесс непосредственно в университете, оказывающем заметное влияние на развитие её субъектного потенциала.

Характеризуя политическую ситуацию второй половины 1970-х – начала 1980-х гг. в ФРГ, Д. Нечаев замечал, что «властвующая элита и руководство политических партий рассматривали организованное молодёжное движение не только как объект воздействия различных политических сил и свою традиционную базу роста, но и как активный субъект политики. Молодёжные организации было бы правильно рассматривать как ассоциативные группы интересов, члены которых, не претендуя на высшую политическую власть в системе, пытаются влиять на нее для обеспечения, прежде всего, своих специфических «молодёжных» интересов. Такие группы влияют также на политическую элиту, а не управляют ею непосредственно»³.

Подобные дочерние молодёжные организации выступают в качестве рекрутского органа для партии, выполняя функцию социального лифта, обеспечивают кадровое пополнение основной организации. Д. Нечаев демонстрирует работу этого механизма на примере ХДС/ХСС, через

¹ Гельмгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах // Отечественные записки. – 2003. – № 6. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/ob-akademicheskoy-svobode-v-nemeckih-universitetah> (дата обращения: 12.03.2015)

² Скиперских А. В. Интеллектуал в провинциальном университете // Улитка. – 2011. – № 6. – С. 12.

³ Нечаев Д. Н. Молодежные организации в политической системе ФРГ (80-е – начала 90-х годов XX века). – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 42.

молодёжную организацию которой прошли Г. Коль и В. Шойбле, а также чиновники различных уровней власти.

Партийное рекрутирование может осуществляться и с помощью таких форм, как молодёжные лагеря (Норвежская рабочая партия – молодёжный лагерь на о. Утёйа, движение «Наши» – молодёжный образовательный форум «Селигер»).

Принудительное вовлечение молодёжи и студенчества во властную вертикаль происходит в условиях постепенной монополизации власти. В частности, в Иране «студенты и преподаватели в обязательном порядке должны были входить в правительственные партии Мардом и Меллиюн...<...>...В 1975 г. шах объявил о введении в Иране однопартийной системы. Студенты должны были быть интегрированы в единственную официальную политическую партию «Партия возрождения иранской нации» (Растахиз)»¹. Будет показателен пример и СССР, к которому автор обратится в дальнейшем.

В этой связи мы можем говорить о высоком уровне зависимости студенческих и молодёжных организаций от властной или партийной элиты, которой они принадлежат.

Таким образом, предпринятый исторический экскурс в мировую практику сопротивления студенческой молодёжи показывает, что оно может оборачиваться для власти значительными неприятностями.

Неудачные реформы, сложная экономическая ситуация, безработица, антивоенная повестка – всё это является серьёзными раздражителями для студенческой молодёжи. Правящие элиты не готовы в полной мере удовлетворять запросы студенческой молодёжи, потому как это является затратным экономическим и политическим проектом. Наиболее реальным вариантом оказывается тот, который предполагает лишь частичное удовлетворение требований и претензий, что подтверждает опыт

¹ См.: Юртаев В. И. Иран: студенты в исламской революции. – М.: Наука, 1993. – С. 79, 92.

зарубежного политического дискурса. Полное удовлетворение является слишком дорогим и невыгодным вариантом для власти, подрывающим ее репутацию. Выгодным для власти может оказаться постепенная активизация репрессивных механизмов, позволяющих дезинтегрировать студенческую молодежь, разрушая ее внутригрупповые связи. По меткому замечанию К. Мангейма, «человек без групповых связей подобен крабу без панциря»¹.

Таким образом, следует отметить, что зарубежная практика сопротивления студенческой молодежи показывает ее зависимость от состояния политического режима. Протестная активность студенческой молодежи повышалась в периоды политической неопределенности, и приходила в состояние спада в тот момент, когда наступала политическая стабильность.

Правда, несмотря на имеющиеся способности оказывать влияние на власть, студенческая молодежь не всегда может реально соперничать с правящим режимом. В условиях авторитарных режимов это становится рискованным предприятием и существенно осложняет карьерные перспективы в дальнейшем. Подобные риски политического участия на стороне оппозиции приводят студенческую молодежь к выбору стратегии сотрудничества с правящим режимом. Часть студенчества начинает довольно активно взаимодействовать с властью в рамках созданных «сверху» институтов, вместо рискованного политического участия «снизу».

§2. Особенности политического участия студенческой молодежи в Российской империи и СССР

Процесс политической трансформации в России, сопровождавшийся сменой политического строя, и вместивший в себя довольно большое

¹ Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 499.

количество политических циклов, в значительной степени способствовал и оформлению субъектного потенциала студенческой молодёжи.

Было бы не совсем корректно рассматривать студенческий протест исключительно в пространственном континууме университета – студенческий протест в России мог выходить за его рамки, приобретая политические формы. По мнению Н. Олесич, «студенты поворачивались к «политике», когда она на границах общественных переломов вторгалась в стены университетов»¹. Социокультурная и экономическая реальность также могли выступать неплохими раздражителями, неизбежно раскрывающими возможности мобилизованного студенчества.

В период Российской империи среди студентов сложилась сильная корпоративная традиция, которая позволяла находиться им в определенной автономии по отношению к администрации и власти. Построенная на принципах самоорганизации студенческая корпорация была способна регулировать внутренние отношения в правовой и экономической плоскости, а также отстаивать свои права как единое сообщество. Такое положение вещей устраивало все стороны, поскольку участие студенческой молодёжи в политическом процессе в условиях самодержавия не предполагалось.

Активность студенчества реализовывалась в академической плоскости, ограничиваясь выступлениями против неугодных преподавателей, администрации, отраслевых министров и принимаемых ими распоряжений.

Как отмечает Н. Олесич, «массовое профессиональное студенческое движение еще не ставило никаких политических задач, а уже революционные организации 1860-х гг. поспешили использовать его в интересах своей политической борьбы...<...>...Свой «рекрутский» набор во время студенческих волнений, пользуясь повышенной общественной

¹ Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 81.

возбудимостью молодёжи, проводили народники»¹. В начале XX в. студенческие организации создаются на базе политических объединений (РСДРП, Партия социалистов-революционеров, Союз освобождения)².

Таким образом, оппозиционные политические акторы увидели в студенческой молодёжи своего союзника, что в отмеченные периоды только усилило их мобилизационную работу. Студенчество активно вовлекалось в оппозиционные политические проекты.

Но политическая активность студенческой молодёжи не могла находиться в состоянии постоянной готовности к протесту. Субъектный потенциал мог накапливаться в периоды политической нестабильности для того, чтобы быть направленным на непопулярные политические объекты.

В качестве примера периода нестабильности выступает первая русская революция, после которой, по замечанию А. Иванова, студенчество «стало чрезвычайно активным субъектом политической жизни Российской империи, что выражалось в идейной или партийной дифференциации, определяемой не столько членством в политических партиях, сколько сочувствием, правда, весьма переменным, их программным постулатам»³.

Ощущая в себе заложенный политический потенциал, конфликтующий с возможностью выполнения второстепенных функций, студенчество постепенно трансформируется в довольно влиятельного политического игрока, тем более у него уже существовал опыт консолидированного выступления в общероссийских студенческих забастовках, антивоенных выступлениях, революционных событиях. Это отмечает С. Степняк-

¹ См.: Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 108.

² См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899-1907. – М.: Мысль, 1971. – С. 99.

³ Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – С. 229.

Кравчинский, вспоминая, как «...«беспорядки» в одном университете часто служат сигналом для выступлений во многих других высших школах»¹.

Развивая мысль, А. Марков отмечает, что «традиция единства впечатляюще проявлялась в моменты конфликтов той или иной части студенчества с «не-студенческим» миром, как принцип безусловной солидарности и взаимоподдержки»².

Проводя параллели с современным состоянием студенческой активности, следует отметить, что значительная часть коммуникационных и консолидирующих процессов в студенческом сообществе реализуется через интернет. Это позволяет говорить о создании альтернативных структур, способных оказывать давление на власть и администрацию учебного заведения. В качестве примера выступают «Инициативная группа студентов, аспирантов и сотрудников МГУ»³ и проект в социальной сети «ВКонтакте» «ЕГУ им. И. А. Бунина – Свободный университет»⁴, который «был создан как параллельная структура, причём без всяких согласований «сверху». Уже один только этот факт серьёзно ударяет по власти, нарушая её гегемонию в информационном пространстве»⁵.

Об уникальности студенческой активности в России можно говорить лишь с определенной долей условности. Российский студенческий протест в своих формах и методах в каком-то смысле мог повторять существовавшие европейские практики. Это хорошо видно на примере **форм студенческой активности**, с помощью которых осуществлялась легитимация студенчества как политического актора: демонстрация, митинг, сходка, забастовка, съезд, обструкция, сбор подписей и подача петиций, политический перформанс, убийство и покушение.

¹ Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. – М.: Мысль, 1964. – С. 250.

² Марков А. Р. Что значит быть студентом. Работы 1995-2002 годов / предисл. А. Дмитриева – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 51.

³ См.: <http://igmsu.org>

⁴ См.: <http://vk.com/freedomegu>

⁵ Скиперских А. В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк, Изд-во «Гравис», 2013. – С. 184.

- *Демонстрация, митинг, сходка, забастовка* стали наиболее распространенной формой студенческой активности. На это обращает внимание российский историк Р. Ганелин, «массовые выступления студентов, требовавших перемен общественного характера и обновления университетской жизни, были главной формой их общественной активности»¹.

- *Съезд* являлся площадкой, в рамках которой, в условиях Российской империи, студенты пытались формировать коллективное решение, направленное на защиту собственных прав и интересов. Примером выступают общестуденческие съезды в апреле 1899 г. в Москве и в Одессе в июне 1900 г., Всероссийский студенческий съезд в 1902 г. в Киеве и другие.

Съезд может выступать в качестве отправной точки, после которой возможна массовая политическая активность студентов в регионах (университетских центрах), делегирующих своих представителей. В условиях советского государства съезды молодёжи и студенчества не позволяли заявить об инициативах, поскольку их функции ограничивались оповещением о директивах руководства.

- *Обструкция* играла важную роль в процессе консолидации молодёжи, выявлении студенческих лидеров, став средством давления как на профессию, так и на руководство университетов. Обструкция как форма студенческого протеста постепенно претерпевала как количественные, так и качественные изменения, превратившись из локальных, стихийных и спонтанных проявлений недовольства студентов в масштабные, заранее подготовленные, спланированные и многоэтапные акции².

- *Сбор подписей и подача петиций* стали теми формами активности, через которые студенчество пыталось, минуя государственные

¹ Ганелин Р. Ш. Тартуское студенчество на пороге XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 3.

² См.: Посохов И. С. Студенческие обструкции в университетах Российской империи (XIX – нач. XX вв.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць. – Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2008. – Вип. 11. – С. 107.

бюрократические механизмы, обратиться к центру принятия решений. Студенчество осознавало политическое право на обращение к власти с письменными требованиями, предложениями и жалобами, испытывая при этом ответственность за их содержание.

- *Политический перформанс*, являясь нестандартной формой студенческой активности, ставит власть в положение, при котором последняя не способна к симметричному ответу, вынуждая ее, в большинстве своем, реагировать репрессивными методами. Примером выступают: акция в октябре 1861 г., когда на воротах Петропавловской крепости появилась вывеска – «Императорский Петербургский Университет»; пение хором на вокзале г. Юрьева в апреле 1899 г. во время отправления высылаемых студентов¹.

Приведенные примеры позволяют говорить, что посредством перформанса субъект может продемонстрировать свой «творческий продукт как рефлексию на социальный, культурный и политический порядок»².

Кроме того, «присутствует элемент политической сатиры, который демонстрирует возможность смеховой культуры в консолидации социальных собраний посредством коммуникации внутри них»³.

- *Убийство и покушение*, относясь к числу радикальных форм, как и за границей, не находят всеобщей поддержки и одобрения в рядах студенчества, выступая приемлемыми мерами лишь для ограниченного круга. Примером выступают покушение и убийства, осуществленные: С. Балмашёвым, И. Каляевым, Д. Каракозовым, П. Карповичем.

Приведенные примеры форм студенческой активности не дают основания говорить об их разнообразии. Пики студенческой активности,

¹ См.: Ганелин Р. Ш. Тартуское студенчество на пороге XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 22-24; Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 100.

² Скиперских А. В., Гарбуз А. А. Концепт «перформанс»: появление субъекта // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 180.

³ См.: Разуваев В. В. Политический смех в современной России. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – С. 50.

приходясь на периоды общественно-политической нестабильности (военные действия, революция) и смены политических ритмов (смена руководителя государства и правящих элит), вызывали серьезную угрозу для власти.

Политическая система Российской империи не подвергалась серьезному реформированию. В закрытых системах власть с неохотой идет на учреждение новых институтов, способных обеспечить консенсус основных социальных страт.

Соответственно, правящий класс сохраняет позицию за счет наиболее дешевых и отлаженных репрессивных механизмов, что не может добавлять власти политических очков, поскольку «власть того, кто ею обладает, усиливается, если он может выбирать большое количество разнообразных решений для ее реализации»¹.

Следует учитывать, что использование непопулярных мер было вынужденной реакцией, которая исключила бы студентов из числа возможных политических оппонентов, ограничивая возможность их очередной активности.

По мнению А. Иванова, «желание учиться ради обретения вожденного диплома у студентов непременно сопровождалось чувством опасения утратить эту перспективу в результате конфликта с учебной администрацией или полицией. Это естественное чувство опасения до поры до времени, а возможно, и навсегда, удерживало студенчество от политики определенных категорий студентов...<...>...полицейские аресты, административные высылки, профессорские дисциплинарные суды, репрессии учебной инспектуры и прочее изрядно охлаждали политический пыл многих из них»².

Формы реакции власти были сопряжены с системой правового регулирования и полицейско-охранительного контроля, что демонстрирует

¹ Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – С. 20.

² Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – С. 378, 379.

высокий уровень зависимости университетского сообщества (преподавателей и студентов) от воли руководителей государства и отраслевых министров, что обуславливалось и самим положением университета в России.

Как отмечает Н. Олесич, «если в Западной Европе университеты возникли, как правило, под эгидой церкви и хранили с феодальных времен свою университетскую неприкосновенность, то русские университеты были императорскими и государственными. В силу этого они законодательно всецело подчинялись самодержавию, его политическим интересам. Это и определяло устойчивое противостояние университета монархии, которое на некоторых исторических поворотах приобретало форму ожесточенной схватки правительства с передовой интеллектуальной молодёжью»¹.

На различия между российским и зарубежным опытом существования университета и властных инстанций обращал внимание С. Степняк-Кравчинский. Студенты за рубежом «могут интересоваться политикой, но они не политики, а если и высказывают сочувствие тем или иным идеям, даже идеям крайнего направления, то это никого не удивляет и не тревожит, ибо такое явление считается свидетельством здоровой жизненности...<...>...В России дело обстоит совсем иначе. Здесь университеты и гимназии – центры самой бурной и страстной политической жизни, и в высших сферах имперской администрации слово «студент» отождествляется не с чем-то молодым, благородным и вдохновенным, а с темной, опасной силой, враждебной законам и учреждениям государства»².

Политическая активность студенчества, воспринимающаяся в зарубежной традиции как естественное стремление проявить участие в политическом процессе, моментально вызывала рефлексии со стороны власти в случае России, где студенческая активность воспринималась как угроза существующему политическому строю.

¹ Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 88.

² Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. – М.: Мысль, 1965. – С. 242.

В этих условиях университеты должны были обеспечить реализацию директив и поддержку власти, которой они контролировались. Эту особенность можно проследить на примере Университетских уставов в отношении выборности/назначения ректоров. Университет всегда рассматривался как важный ресурс политического влияния.

Несмотря на то, что в определенные моменты политической напряженности власть была вынуждена прибегнуть к ослаблению влияния, система контроля над университетом через назначение ректора была сохранена в СССР. От нее не смогли отказаться и в условиях постсоветской России, что свидетельствует о сохранении видов правящего класса на университетский организм.

Становление механизма назначения ректора (Федеральный закон «О МГУ и СПбГУ»¹) окончательно позиционирует его как политическую фигуру, поскольку на высшие учебные заведения возложена обязанность осуществлять поддержку власти и контролировать студенчество. Многие российские ректоры являются депутатами законодательных органов различного уровня, а университеты становятся эпицентрами активности в период избирательных кампаний. Заметим, что нередко для встречи с кандидатом с занятий снимают целые группы. «В такие моменты прекрасно понимаешь, что количество присутствующих в зале есть своеобразное свидетельство лояльности университетской власти тем, кто «заказывает» встречу»².

¹ См.: ФЗ от 10.11.2009, N 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете». – URL: http://www.spa.msu.ru/uploads/files/studenti/fz_o_mgu_i_spbgu.pdf (дата обращения: 10.01.2016)

² Скиперских А. В. Ожидание медленной смерти. Провинциальный университет в современной России // Свободная мысль. – 2013. – № 5 (1641). – С. 41.

Подобные практики могут сказаться на отношении и оценках власти. «От того, с какой моделью власти студент сталкивается внутри университета, зависит и его восприятие власти после завершения образования»¹.

Сохранению позиции власти способствует создание подконтрольных организаций, способных к пропаганде идей и борьбе с политическими оппонентами. В целях обеспечения безопасности собственных позиций власть занимается институционализацией «сверху», учреждая новые лояльные структуры, типа консервативного студенчества, ориентированного в своей деятельности на легитимацию правящего класса.

Структурное оформление провластных молодёжных и студенческих организаций, призванное вобрать в себя политически нейтральные силы и противостоять оппозиционным организациям, происходило после значительных общественно-политических трансформаций – периодов повышенной политической активности и нестабильности (оформление в единое движение консервативно-просамодержавного студенчества с осени 1908 г.² т.е. после первой русской революции 1905-1907 гг.).

На наш взгляд, перспективный технологический проект начал реализовываться с большим опозданием, поскольку о политической дифференциации студенчества практически можно было говорить как о свершившемся факте. К тому же студенчество имело опыт самостоятельного консолидированного выступления и осознавало свою силу в подобном состоянии.

Этим отчасти объясняется относительная малочисленность право-консервативного студенчества, которое составляло всего 1-3 %

¹ Олейник А. Н. Массовые протесты в контексте русской власти // *Общественные науки и современность*. – 2012. – № 4. – С. 80.

² См.: Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – С. 351; Morrissey S. K. *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. – New York: Oxford University Press, 1998. – P. 141.

студенческого сообщества, а также рекрутирование малосостоятельных юношей¹, чтобы исправить складывающуюся тенденцию.

Механизм вертикального администрирования созданных организаций обеспечивался за счет государственных/провластных источников финансирования, что ограничивало возможность маневра для ее членов (Московский академический клуб фактически финансировался по статье расходов на полицейскую агентуру; в Петербурге академические корпорации оказались под финансовой опекой В. Пуришкевича и т.д.)².

Финансовое обеспечение провластных молодёжных организаций не всегда гарантирует лояльности ее членов. Так формируется лишь потребительское отношение как со стороны организаторов, так и со стороны членов молодёжных структур. В интересах первых – достижение локальных задач, для вторых – достижение личной выгоды.

Чересчур активная и навязчивая деятельность лояльных молодёжных структур в крупных городах (университетских центрах), с другой стороны, не могла не срабатывать на отторжение.

Власть всегда чётко понимает, насколько важно не дать студенческой молодёжи стать частью оппозиционных партий и движений, поскольку после борьбы за собственные интересы молодёжь обретает элементы самосознания и пытается заявлять о своих правах на политический дискурс.

Стремление правящей элиты удержать студенческую активность под контролем, не увенчалось успехом. За сравнительно небольшой период с середины XIX до начала XX вв. произошел рост социально-политической активности и уровня политического участия студенчества. Студенческая активность, первоначально ставившая перед собой академические цели и

¹ См.: Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – С. 350, 372.

² См.: Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – С. 196, 361-363; Morrissey S. K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. – New York: Oxford University Press, 1998. – P. 142.

занимающаяся поиском средств борьбы, трансформировалась в политическое движение, направленное против существующего строя и правящей элиты.

Формировавшиеся на протяжении долгого времени социально-политические, социокультурные и экономические противоречия, которые не находили адекватной и своевременной реакции существующей политической системы, вели к эскалации напряженности и конфликтности в обществе. Как замечает Т. Гарр, «потеря согласованности ведет к не всегда определенному расстройству общественного порядка, которая в свою очередь приводит к насилию»¹. Потеря согласованности привела к Февральской революции и последующей за ней волне насилия, которая сопровождала построение новой государственной системы.

Политическая власть, заинтересованная в минимизации делегитимационных эффектов, вынуждена предпринимать максимум усилий как по амортизации студенческого протестного потенциала, так и по его использованию в собственных интересах².

Характеризуя процесс формирования советского государства, А. Марков отмечал, что большая часть студентов «оказалась вне политики по тем или иным причинам: меньшинство, лишённое политических прав, не имело своего «места» в политическом пространстве даже формально; остальные обнаружили себя замкнутыми на профобъединения разных отраслей, причем деятельность профсекций быстро ритуализировалась»³.

Важным шагом в достижении контроля над студенчеством стала трансформация системы высшего образования, его доступность. Еще В. Ленин отмечал необходимость широкого доступа к высшему образованию всех желающих. По его словам, «на первое место, безусловно, должны быть

¹ Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – С. 192.

² См.: Захаров С. М. Студенческая молодежь в СССР: между протестной активностью и конформизмом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11 (49). – Ч. 1. – С. 90-93.

³ Марков А. Р. Что значит быть студентом. Работы 1995-2002 годов / предисл. А. Дмитриева. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 127-128.

приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии»¹.

Таким образом, власть предоставила возможность получать образование молодёжи, которая ранее подобной возможности не имела. Это решение позволило поставить учащуюся молодёжь в зависимое положение, которое сопровождалось чувством долга, преданности и обязательствами перед новой политической властью, перед советским строем.

Тем не менее, студенчество отметилось участием в протестных акциях в начале 1920-х гг. в Москве, Петрограде, Харькове и других городах. «Студенты требовали освобождения политзаключенных, предоставления реальных демократических свобод, перевыборов Советов при тайном голосовании, автономии высшей школы, освобождения учебных программ от излишней политизации. Студенты Петровской сельскохозяйственной академии приняли декларацию недоверия советской власти. В МВТУ весной 1921 г. студенты отказались сдавать экзамены в знак протеста против снятия с работы избранного ректора. Студенты собрали сходку и требовали сохранить самоуправление вуза. Позже были зафиксированы избиения членов комиссии по «чистке» вузов, умышленное затопление аудиторий водой, применение химических веществ в разрушительных целях»².

Данные практики показывают, что ряд инициатив новой власти был встречен с сопротивлением со стороны студенческой молодёжи.

Существовали молодёжные организации, не разделяющие идеологии коммунистической партии и комсомола. «Не имея возможности ведения легальной борьбы, данные организации либо распадались, либо уходили в

¹ Ленин В. И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР // Полное собрание сочинений. – 5-е изд.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 37. – С. 34.

² Рожков А. Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. – № 7. – С. 107.

подполье, что только приближало их конец. Как правило, их формы протеста были мирными (листовки, воззвания, декларации)»¹.

В период правления И. Сталина государство сделало выводы из уроков студенческого протеста. Предполагалось, что студенчество должно реализовывать себя в активной общественной деятельности, реализации стратегических государственных проектов (индустриализации, коллективизации и т.д.).

Кроме того, власть стала активно использовать репрессивные практики в отношении молодых людей, о чем свидетельствуют многочисленные уголовные дела в отношении членов подпольных молодёжных организаций, групп и кружков. Были созданы условия, при которых «перерастить в массовое движение, как в прежние, царские, времена, эти организации не могли. И тем более – найти пути для объединения»². Объединение могло быть только в дискурсе власти, за счет культивирования образа «врага», в роли которого, в глобальном масштабе, выступали капиталистические страны, в локальном – классовые враги.

По мнению Г. Маркузе, «свободные институты состязаются с авторитарными, стремясь превратить образ Врага в могучую силу внутри системы...<...>...Ибо Враг существует постоянно...<...>...Он равно угрожает как во время войны, так и в мирное время»³.

Специфические мобилизационные технологии используются правящим классом и в годы Великой Отечественной войны. Акцент делается на идеологических нарративах и консолидирующих символических схемах.

Правление Н. Хрущева ознаменовало собой смену матрицы – вместо сталинских репрессий наступила хрущевская оттепель. Акцент на

¹ Рожков А. Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. – № 7. – С. 110.

² Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 гг.). Справочник / сост. И. А. Мазус. – М.: Возвращение: Гос. музей ГУЛАГа, 2014. – С. 5.

³ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 315.

десталинизацию СССР не вызвал всеобщего понимания, о чем свидетельствуют события в Тбилиси, Гори, Сухуми 1956 г. Некоторые авторы подтверждают активную роль студенчества в данных событиях, среди которого были «те, кто закончил институты, но не захотел поехать «по распределению» в сельские районы, остался в столице и нигде не работал. Среди них была и «золотая молодёжь» – дети высокопоставленных родителей – высших партийных и советских чиновников, творческой интеллигенции и т.д.»¹.

Идеи, распространяемые студенческой молодёжью, были довольно популярны и в широких слоях общества. К. Колодин обращает внимание на требования отставки Хрущева и создания нового правительства, а также призывы к выходу «советской Грузии из СССР»². Даже в условиях СССР могли отмечаться попытки делегитимации режима Н. Хрущева.

Поводом для студенческих протестов стали события в Венгрии. По свидетельству Ф. Бобкова, основанному на личных беседах со студентами МГУ, «многие из них, настроенные против Хрущева, призывали выступить в поддержку венгров и протестовать против действий советского правительства. На этих митингах было немало антисоветских лозунгов и плакатов»³.

Произошедшие события стали поводом для жёсткой реакции власти, сделавшей «принципиальный поворот к политике «социалистически законных» политических репрессий в собственной стране»⁴. Показательно, что Президиум ЦК КПСС одновременно (4 ноября 1956 г.) рассмотрел два

¹ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.) / изд. 3-е, испр. и доп. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – С. 236.

² См.: Колодин К. Они сражались за Сталина // Известия. – 2011. – 9 марта. – URL: <http://izvestia.ru/news/372187> (дата обращения: 12.03.2015)

³ Бобков Ф. Д. КГБ и власть. – М.: Издательство «Ветеран МП», 1995. – С. 144.

⁴ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.) / изд. 3-е, испр. и доп. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – С. 272.

вопроса – стабилизацию ситуации в Венгрии после ввода туда советских войск и «очищение вузов от нездоровых элементов»¹.

Несмотря на политическую «оттепель», советскую систему не устраивал рост гражданской активности, подмывавший идеологические устои общества. Но и проводимая политика против инакомыслящих была не способна полностью уничтожить диссидентство как явление, и снизить его авторитетность среди интеллигенции и студенческой молодёжи.

Оппозиционность студенчества на данном этапе определяется распространением самиздата, листовок, написанием лозунгов на стенах. Протест фокусировался на требованиях демократических свобод, ликвидации цензуры, реабилитации осужденных по процессам 1930-х годов, улучшения жизни политзаключенных. В среде студенческой молодёжи отмечалось стремление изучения и марксистских текстов, с последующей их ревизией. Об этом свидетельствуют работы «Социализм и государство» студентов Горьковского университета и «Закат капитала» студента-заочника радиотехнического института Рязани Ю. Вудки.

Активное политическое участие студенческой молодёжи не могло не остаться без внимания репрессивного аппарата. Антисоветская деятельность стала подвергаться разоблачениям, устраивались показательные процессы. В частности, студенты учебных заведений Горького, Саратова, Рязани, а также молодые рабочие Свердловска получили сроки до 7 лет. Кроме того, давлению подвергались родственники и знакомые осужденных, которых исключали из учебных заведений, увольняли с работы².

В условиях монополии партии на власть количество студентов, включенных в правящую политическую вертикаль, составляло подавляющее большинство. Это подтверждают данные социологического исследования,

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. – Т. 1. – Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 202, 979-980.

² См.: 1960-е годы. Молодежная политика и студенческие протесты в России / материал подготовлен Е. Н. Пенской // Вопросы образования. – 2009. – № 1. – С. 240-244.

проведенного в 1988 г. в 11 вузах, по которым: члены КПСС (кандидаты) – 6,8 %, члены ВЛКСМ – 87,4 %, беспартийные – 5,8 %¹. Исследования, проведенные в 4 вузах Ленинграда (1969 г.) и 9 вузах РСФСР (1971 г.), подтверждают эти данные, но с незначительными расхождениями².

Несмотря на активное присутствие ВЛКСМ в общественной жизни, следует отметить и его ограниченность в реальном влиянии. И. Ильинский подтверждает, что в вопросе оценки решений партии и правительства «комсомольцы имеют возможность выразить свое мнение об этих решениях – одобрить и поддержать их, способствовать их осуществлению, но не участвовать в выработке и принятии самого решения»³.

Таким образом, мы наблюдаем систему, в которой члены ВЛКСМ ограничены в маневре и существуют в системе координат, определенных сверху.

Эту мысль разделяет А. Скулов, отмечая, что «комсомол не был самостоятельной организацией, партия вырабатывала его политическую линию, формировала кадры и контролировала деятельность. Политическая деятельность комсомольцев была сведена к механической поддержке существующей власти»⁴.

По мнению И. Пономарева, «комсомол во времена СССР был своего рода «отстойником», задачей которого было, чтобы самые активные перегрызли друг друга, и вышли оттуда только верные адепты системы, готовые к командной работе во имя заявленных идеалов»⁵.

Трансформационные процессы в политической и социально-экономической сферах, начавшиеся в СССР во второй половине 1980-х гг., не

¹ См.: Лисовский В. Т. Советское студенчество. Социологические очерки. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 28.

² См.: Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – С. 5, 7.

³ Ильинский И. М. ВЛКСМ в политической системе советского общества. – М.: Молодая гвардия, 1981. – С. 82.

⁴ Скулов А. И. История формирования политической активности молодежи СССР и Российской Федерации (1985-1996 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2000. – С. 17.

⁵ Что такое молодежная политика? // Свободная мысль – XXI. – 2006. – № 1/2. – С. 70.

могли не коснуться ВЛКСМ. В новых условиях общественно-политическая молодёжная организация была не способна в полной мере выполнять свои функции. Кроме того, наблюдались кризисные явления внутри ВЛКСМ, что способствовало потере доверия и разобщению, проявившегося в образовании фракций и выходе республиканских организаций.

В. Инютин отмечает, что «во второй половине 1980-х гг., несмотря на отсутствие соответствующего законодательства, ... [возникает значительное число – *авт.*]... молодёжных политизированных объединений различной идеологической направленности. Создание значительной части из них было инициировано комсомольскими руководителями и активистами»¹, что демонстрирует стремление сохранить влияние на молодёжь и студенчество.

Активную позицию занимали неформальные молодёжные объединения, с которыми власть пыталась наладить взаимодействие. Политическая деятельность неформальных молодёжных групп, первоначально носившая клубный характер, трансформировалась в массовые политические акции. Активно работали с неформалами Народные фронты, возникшие в Прибалтике и Закавказье. Усилившиеся националистические и экстремистские тенденции в деятельности неформалов сопровождалась нарастанием митинговой активности. Попытки власти контролировать ситуацию в сфере молодёжной политики и влиять на динамику происходящих процессов продемонстрировали неспособность КПСС и ВЛКСМ в условиях социально-политических трансформаций работать с политизированными неформалами².

Характеризуя происходящие процессы второй половины 1980-х гг., В. Инютин заключает, что, «с одной стороны, одним из несомненно положительных результатов данных процессов было развитие плюрализма в

¹ См.: Инютин В. В. Политическое участие российской молодежи во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг.: формы, тенденции, противоречия: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 17.

² См.: Скулов А. И. История формирования политической активности молодежи СССР и Российской Федерации (1985-1996 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2000. – С. 18-19.

молодёжном движении, возникновение молодёжных общественных объединений, отстаивавших различные системы идейно-политических ценностей. С другой стороны, за весьма небольшой период распалась хотя и жестко идеологизированная, но всеобъемлющая и достаточно эффективная система государственной молодёжной политики в СССР»¹.

Студенты зарекомендовали себя как силу, способную добиться необходимого для себя результата, используя необходимый инструментарий. Примером тому выступает так называемая «Революция на граните» – голодовка в 1990 г. протестующей украинской советской молодёжи, выступающей, в частности, за отставку главы Совета Министров УССР В. Масола, которое было удовлетворено.

Приведенный пример демонстрирует, насколько эффективно может проявить себя студенческая молодёжь в качестве политического актора, хотя переоценивать её возможности не следует. В других условиях максимальное напряжение политического потенциала студенчества вряд ли позволило реализовать подобного рода требования.

Таким образом, условия среды позволяет реально оценить возможность удовлетворения выдвигаемых требований, поскольку заведомо сильное положение власти вынуждает студенчество существовать в определенной правящей элитой системе координат.

Участники «Революции на граните» не потерялись в современных постсоветских реалиях и заняли заметное положение в общественно-политической структуре современной Украины, в их числе: М. Иващишин, В. Кириленко, Ю. Луценко, П. Розенко, О. Тягнибок и другие.

Курс в сфере молодёжной политики уже доказал свою эффективность, поскольку наиболее активная часть студенчества, связанная с комсомолом, сыграла заметную роль и в постсоветских трансформациях. Бывшие

¹ Инютин В. В. Политическое участие российской молодежи во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг.: формы, тенденции, противоречия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Воронеж, 1999. – С. 216.

комсомольские лидеры нашли себя в новой политической реальности. Среди них обладатели крупного капитала, банкиры, владельцы нефтяных и газовых корпораций, СМИ-индустрий. Именно комсомольское прошлое является важной идентичностью, связывающей достаточную часть современного губернаторского корпуса в России, министров Правительства РФ, депутатов Госдумы и Совета Федерации РФ, политического истеблишмента России на разных уровнях политики. Комсомольское прошлое и связи, полученные в нём, стали условием инкорпорации в политическую элиту современной России на всех уровнях. В этой связи достаточно упомянуть С. Лисовского, В. Матвиенко, М. Прохорова.

Связав себя в той или иной степени с властными структурами и обеспечив собственное благополучие, они в разной степени способствуют рекрутированию и объединению лояльной молодёжи, которая должна выполнять политический заказ. Таким образом, происходит объединение бывших комсомольских функционеров и молодых менеджеров, деятельность которых направлена на получение контроля над молодёжью.

Рассмотренный опыт студенческой активности в Российской империи и СССР показывает, что студенческая молодёжь в определённые моменты может реализовывать протестный потенциал и отмечаться практиками реального политического действия.

Закрытость и косность политической системы Российской империи создавала условия для социальной напряженности и конфликтности в обществе, что привело к острым кризисным проявлениям.

Советская политическая модель не способствовала развитию субъектного потенциала студенчества. Власть стремилась привлечь студенчество в готовые институты, контроль над которыми осуществлялся посредством системы вертикального администрирования.

Представленный исторический экскурс позволил рассмотреть опыт студенческой активности в мировой и российской политической практике,

сравнить возможности реализации субъектного потенциала в различных политических системах, выявить сходство форм студенческой активности, репрессивных практик власти, характер предъявляемых требований и заинтересованность различных политических сил в привлечении студенчества на свою сторону. Правда, наряду со сходством протестных форм, можно отметить и ряд отличий, характеризовавших специфические черты политических систем, их конфликты и противоречия. Студенчество в европейской политической традиции демонстрирует себя в большей степени ярко и результативно по причине более конкурентного политического процесса, что было сложно представить в СССР.

Выводы по Главе II

Мировой опыт сопротивления студенческой молодёжи демонстрирует её зависимость от политической и экономической конъюнктуры. Протестная активность студенческой молодёжи отмечалась цикличностью, повышаясь в периоды политической неопределённости, приводящей к маргинализации студенчества, и испытывая тенденцию к снижению в периоды политической стабильности и авторитаризации политического дискурса, когда студенческая молодёжь смогла отмечаться конформным поведением.

Несмотря на имеющийся импровизационный и интеллектуальный потенциал, дающий возможность влиять на власть, студенческая молодёжь в большинстве случаев не способна оказывать сопротивление правящему режиму. Дефицит ресурсов делает студенческий протест малоперспективным. В условиях недемократических режимов участие в студенческом протесте может обернуться серьёзными проблемами. Это приводит к ситуации, когда часть студенческой молодёжи выбирает конформную модель взаимодействия с властью в рамках созданных институтов, позволяющих использовать политическое участие студенчества в общественных интересах.

Активизация студенческого сопротивления в Российской империи связывалась с низкой политической свободой, и постепенным формированием революционной ситуации. Политический потенциал студенческой молодёжи был оценён по достоинству новой советской властью, что предопределило её задействование в процессе формирования советской государственности. Студенческая молодёжь в СССР могла выступать в качестве политически активной группы, готовой легитимировать инициативы власти. Власть вовлекала студенческую молодёжь в готовые институты, предлагая её представителям тест на лояльность системе, открывавшей перспективы карьерного продвижения и другие преференции. Вместе с тем, правящий режим не мог удержать активную советскую студенческую молодёжь от искушения участия в процессах демократизации, обеспечивавших романтические ожидания.

ГЛАВА III

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ В ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ: СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

§1. Студенческая молодёжь в легитимации и делегитимации постсоветских политических режимов

Роль студенческой молодёжи в смене политических режимов ряда государств постсоветского пространства была настолько значительной, что сложно сказать, могла бы без её активного участия состояться смена политических элит в Грузии, Украине, Кыргызстане. Именно в данных странах студенческая молодёжь оказалась вовлечена оппозиционными акторами в процесс смены политической элиты.

Наряду с успешными попытками смены власти есть и неудачные примеры. Сбой в механизме реализации «цветных» технологий не дал возможности раскрыться политическому потенциалу студенческой молодёжи (Азербайджан, Казахстан, Белоруссия).

Наконец, есть опыт и других постсоветских государств (Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), где изначально не существует возможности для политического участия студенческой молодёжи на стороне оппозиции по причине отсутствия политической оппозиции правящей элите.

Как заметил С. Липсет, если в любое время статус основных консервативных групп находится под угрозой или в решающие периоды в доступе к политике отказано появившимся группам, легитимность даже достаточно эффективной политической системы будет оставаться под вопросом¹.

¹ См.: Lipset S. M. Political Man. The Social Bases of Politics. – Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1960. – P. 80.

Студенческая активность в период демократизации полностью вписывается в гипотезу С. Липсета, ведь именно студенческая молодёжь как раз и оказывается той самой «появившейся группой», которой необходимо расширять своё влияние и получать доступ к гарантиям и благам.

Следует также учитывать, что в новых демократиях, находящихся в состоянии перехода и постоянного совершенствования своего институционального дизайна, как отмечает А. Пшеворский, будут «постоянно возникать конфликты по поводу их главных институтов»¹.

Немецкий политолог А. Брейер отмечает, что в то время как материальное и моральное недовольство может обеспечить множество мотивов при авторитарном правлении, способность гражданского общества сосредоточить эти мотивы в коллективном действии, как правило, разрушается из-за закрытости публичной сферы. Национальные нарративы контролируются правительством, которое, как правило, прибегает к смеси цензуры, запугивания и преследования, чтобы подавить информацию о сбоях в экономической работе, нарушениях прав человека, коррупции или любых других вопросах, которые могут негативно отразиться на его состоянии².

В этой связи об успешных/неуспешных попытках смены политических элит на постсоветском пространстве, на наш взгляд, можно судить, используя следующие индикаторы:

- состояние политического режима;
- внешний фактор;
- характер протеста.

Необходимо отметить, что успешность трансформаций политического режима зависит от того, насколько сильным представляется политический

¹ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / пер. с англ.; под ред. проф. В. А. Божанова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 138.

² См.: Breuer A. The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution // Discussion Paper. – 2012/10. – Bonn: German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE). – P. 4-5. – URL: http://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (дата обращения: 27.12.2015)

режим и насколько консолидирована политическая элита, так как «постсоветское пространство представляет собой пеструю картину либеральных, псевдолиберальных и авторитарных режимов»¹.

Рассуждая о внешнем факторе, следует отметить, что «цветные революции при всей своей «искусственности» на практике приводят к реальным политическим переворотам и сменам режимов. Иначе говоря, «внешний фактор» вполне действенно срабатывает, поскольку приводит к существенным изменениям как внутри политической ситуации, так и расклада геополитических сил»².

Что касается взаимосвязи внешнего фактора и политической активности студенческой молодёжи, то об этом когда-то высказался русский философ В. Розанов, отметив, что «студенчество в свою очередь несамостоятельно: оно дергается нитками евреев и заграничных эмигрантов»³.

На эту зависимость студенчества обращают внимание современные авторы (С. Кара-Мурза, А. Крылов, С. Михеев, Г. Почепцов). В руках западных политиков и идеологов молодёжь в постсоветских государствах выступает как один из инструментов установления прозападных политических режимов посредством «цветных революций».

Говоря о характере протеста, следует остановиться на формах политического участия студенческой молодёжи в постсоветских государствах.

Краткий обзор состояния постсоветского политического дискурса показывает, что успех политических трансформаций на постсоветском пространстве связывается с устойчивостью политического режима. В свою

¹ Погосян Г. А. Социальные трансформации в Армении // Социологические исследования. – 2005. – № 12. – С. 78.

² Русакова О. Ф., Бочаров А. В., Грибовод Е. Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теория soft power, управляемого хауса и медиатизации политики // Социум и власть. – 2014. – № 4 (48). – С. 42.

³ Розанов В. В. Метафизика христианства. – М.: АСТ, 2000. – С. 743.

очередь, студенческая молодёжь пытается активно участвовать в политических трансформациях в случаях тех политических систем, где у неё могут быть реальные шансы на реализацию своих политических планов.

Грузия

Состояние политического режима. Существовавший в Грузии с начала 1990-х гг. политический режим Э. Шеварднадзе характеризовался достаточно широким спектром свобод (относительно независимые СМИ, политические партии, ассоциации). После 2001 г. его всё больше привлекает идея «управляемой демократии», а политическая система стала ассоциироваться с фаворитизмом, nepотизмом, коррупцией¹.

Некоторые исследователи акцентируют свое внимание на неблагоприятном социально-экономическом состоянии режима. Это не могло не сказываться на снижении уровня жизни. Так, П. Данилин обращает внимание на его клановость, отсутствие вертикальной мобильности, коррумпированность власти, всеобщую нищету населения².

Эту же проблему отмечает А. Скиперских, считая, что «грузинской «революции роз» способствовал глубокий экономический кризис. Безработица, низкая зарплата, высокая квартплата, энергетический кризис, перебои в функционировании систем жизнеобеспечения населения являлись неплохим раздражителем для социальных ферментов делегитимации политического режима Э. Шеварднадзе»³. Студенческая молодёжь здесь оказалась очень уязвимой группой, потому как именно ей приходилось каждый день испытывать на себе недочёты и упущения правящего режима.

¹ См.: Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution. A Participant's Perspective // Special Report. – 2006. – July. – № 167. – Washington: United States Institute of Peace. – P. 3. – URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения: 30.12.2015)

² См.: Данилин П. Новая молодежная политика 2003-2005. – М.: Европа, 2006. – С. 77.

³ Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – С. 56.

Смена политического режима имеет под собой экономические предпосылки, и именно с новым режимом начинают связываться надежды на экономическое оздоровление.

Лидером грузинской оппозиции выступил бывший министр юстиции М. Саакашвили, создавший оппозиционную политическую партию «Единое национальное движение» (2001 г.). Следующим шагом для успешной реализации «цветного» сценария становится усиление оппозиционных сил в столице, что было достигнуто за счет полученного М. Саакашвили поста председателя законодательного собрания Тбилиси.

Внешний фактор. Подготовка и проведение ненасильственной смены политических элит в Грузии осуществлялась с помощью различных фондов и организаций (Агентство международного развития США, «Freedom House» и другие). Так, в частности, Д. Сорос финансировал деятельность Международного общества справедливых выборов (ISFED) и молодёжную организацию «Кмара». Деятельность первой из них была ориентирована на создание избирательных списков и наблюдение за выборами. В задачи «Кмары» входила мобилизация избирателей (программа «Иди на выборы») и организация сопротивления действующему режиму¹.

По некоторым данным общая сумма расходов на деятельность «Кмары» составила примерно 175 тыс. долл.²

Истоки движения «Кмара» восходят к 2000 г., когда группа ориентированных на реформы студентов создала структуру студенческого самоуправления в Тбилисском государственном университете, выступая против коррупции в системе высшего образования. После стало очевидно,

¹ См.: Мартова М. Сколько стоит революция (на примере Грузии). Сорос и «Кмара» принимают заказы // ЦентрАзия. – 2004. – 24 марта. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1080106500> (дата обращения: 12.03.2015); Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – С. 209-210; Крылов А. Режим Саакашвили: диктатура вместо демократии // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетей, 2008. – С. 124.

² См.: Reclaiming Democracy. Civil Society and Electoral Change in Central and Eastern Europe / eds.: J. Forbrig, P. Demeš. – Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2007. – P. 112.

что ни одна реформа в системе высшего образования была бы невозможна без смены правительства. В свою очередь «Кмара» возникла как беспартийная сила с горизонтальной организационной структурой¹.

Следует заметить, что некоторые авторы считают подобную схему институционализации достаточно эффективной. Во-первых, если активистов арестовывают, то функционирование организации может продолжаться. В то время как репрессии в Грузии никогда не перерастали в массовые аресты, эта структура оказалась весьма эффективной в Аджарии, где власти во главе с А. Абашидзе приняли более суровый подход. Во-вторых, в действительности у движения есть лидеры. Тем не менее, отсутствие формальной иерархии позволяет легче образованным и мотивированным активистам вносить важный вклад и разрабатывать собственные акции².

Успешный опыт сербской студенческой молодёжи, участвовавшей в свержении режима С. Милошевича, стал тиражироваться и на постсоветском пространстве. Активисты «Кмары» проходили специальную подготовку в финансируемых США лагерях на территории Сербии, а для грузинских студентов инструктаж по проведению ненасильственной революции проводили активисты сербского движения «Отпор»³.

Характер протеста. Первая публичная акция «Кмары» была проведена 14 апреля 2003 г., когда более 500 молодых людей прошли от Тбилисского государственного университета до государственной канцелярии. Протестующие студенты несли флаги советского периода с изображениями лица Э. Шеварднадзе и лидеров блока «За новую Грузию», подчеркивая

¹ См.: Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution. A Participant's Perspective // Special Report. – 2006. – July. – № 167. – Washington: United States Institute of Peace. – P. 5-6. – URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения: 30.12.2015)

² См.: Reclaiming Democracy. Civil Society and Electoral Change in Central and Eastern Europe / eds.: J. Forbrig, P. Demeš. – Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2007. – P. 111-112.

³ См.: Крылов А. Режим Саакашвили: диктатура вместо демократии // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 124; Почепцов Г. Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям. – М.: Европа, 2005. – С. 28-29; Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – С. 206; Marshall A. G. Colour-Coded Revolutions and the Origins of World War III // Global Research. – 2009. – 3 November. – URL: <http://www.globalresearch.ca/colour-coded-revolutions-and-the-origins-of-world-war-iii/15767> (дата обращения: 12.03.2015)

прочную связь с советским прошлым. Протестующие осуждали возможное намерение правительства осуществить подтасовку предстоящих 2 ноября парламентских выборов¹.

Подобные акции можно считать тестом, дающим возможность оценить мобилизационный потенциал для самой организации, и тестом для самой власти – её готовности жёстко реагировать на протестные проявления.

Информация о фальсификациях выборов послужила поводом к призыву оппозиции принять участие в протестах. Процесс начался медленно, но оппозиция сумела завоевать внимание общественности несколькими успешными акциями гражданского неповиновения. Группы известных художников, писателей, поэтов начали кампанию в различных учреждениях, прежде всего университетах, призывая присоединиться к акциям протеста. Эти усилия принесли свои плоды, комитеты неповиновения начали появляться в университетах по всей стране².

Массовые выступления оппозиционных сил в Грузии носили характер ненасильственной борьбы. «Молодые люди, взявшись за руки, устанавливали блокаду государственных учреждений, врывались в здание парламента и требовали перемен, а за ними благожелательно наблюдал Запад («весь мир»). Грузинская «революция роз», когда тысячи людей держали в руках не автоматы и арматурные прутья, а букет роз, внесла что-то новое в технологию “бархатных революций”»³.

Использованные методы ненасильственного действия выявили отсутствие механизмов их предупреждения. Грузинская власть и силовые структуры оказались в растерянности. Успешная реализация «цветного»

¹ См.: Reclaiming Democracy. Civil Society and Electoral Change in Central and Eastern Europe / eds.: J. Forbrig, P. Demeš. – Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2007. – P. 109-110.

² См.: Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution. A Participant's Perspective // Special Report. – 2006. – July. – № 167. – Washington: United States Institute of Peace. – P. 4-5. – URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения: 30.12.2015)

³ Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – С. 206-207.

сценария обеспечивалась за счет социального потенциала Тбилиси, где отмечалась высокая концентрация интеллигенции и студенчества.

Украина

Состояние политического режима. Правящий режим Л. Кучмы был непопулярен из-за «личности самого украинского президента, замешанного в ряде коррупционных скандалов, в убийстве журналиста Г. Гонгадзе, в допуске семьи к процессу разработки и принятия политических решений государственной властью»¹.

По мнению некоторых авторов, «Л. Кучма действовал по принципу не государственной, а личной выгоды, а также выгоды финансово-промышленных групп, которые за ним стояли»².

Предстоящие в 2004 г. президентские выборы должны были определить, сохранит ли свое положение правящая политическая элита без Л. Кучмы либо к власти придет политическая оппозиция.

Силы основных кандидатов – В. Ющенко и В. Януковича – на пост президента в целом были равны. Это подтверждают результаты первого и второго туров выборов (первый тур: В. Ющенко – 39,90 %, В. Янукович – 39,26 %; второй тур: В. Янукович – 49,46 %, В. Ющенко – 46,61 %). При равных результатах у кандидатов на пост президента позиции в регионах были различны. Доминирование В. Януковича на юге и востоке, при более сильных позициях В. Ющенко в центре и на западе³.

Украинский режим действовал достаточно жёстко. Начиная с 15 октября 2004 г. в офисах «Поры» и на квартирах активистов проходили обыски, сопровождавшиеся задержаниями. Были заведены уголовные дела с

¹ Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – С. 83.

² Жильцов С. С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 34-35.

³ См.: Результаты трех туров выборов // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 261-267.

обвинениями фальшивомонетничестве, изнасиловании, хранении оружия и взрывчатых веществ¹.

Состояние политического режима влияло на настроения студенческой молодёжи. Отмечалась усталость людей ото лжи и бедности, необходимость в переменах. Такая неудовлетворенность, по мнению А.-М. Норман, является условием для развития общественного движения, но не является достаточным для успешной мобилизации². Эта проблема также была решена за счет внешнего вмешательства.

Внешний фактор. Успешную смену политических элит на Украине вряд ли было возможно реализовать без участия внешних сил.

На 1 января 2004 г. в республике было «зарегистрировано 399 международных организаций, 421 благотворительная организация с международным статусом, 179 структурных ячеек неправительственных общественных организаций зарубежных стран»³.

Механизм передачи опыта между молодёжными организациями распространялся по мере подготовки в странах «цветного» сценария. Это подтверждает и тот факт, что лидеры «Поры» «прошли стажировки и курсы молодёжных политических активистов в Сербии и Грузии»⁴.

Кроме того, активисты «Поры» получали значительную финансовую поддержку. По данным Г. Почепцова через систему зарубежных грантов за время предвыборной кампании 2004 г. – порядка 7-8 млн. долларов⁵.

Немецкий исследователь П. Шульце, рассуждая относительно финансирования «Поры», сомневается в её сильной ангажированности

¹ См.: Reclaiming Democracy. Civil Society and Electoral Change in Central and Eastern Europe / eds.: J. Forbrig, P. Demeš. – Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2007. – P. 139.

² См.: Norman A.-M. Mobilization of Students in Connection with the Orange Revolution in Ukraine 2004. – Stockholm: University of Stockholm, 2005. – P. 24.

³ Жильцов С. С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 50.

⁴ Попов Э. Украинские НПО: от «оранжевой революции» к экспорту «демократии» в постсоветские страны // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетей, 2008. – С. 97.

⁵ См.: Почепцов Г. Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям. – М.: Европа, 2005. – С. 20; Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – С. 131.

Западом и полагает, что «глубочайшей ошибкой считать движение протеста руководимым и направляемым иностранными державами или олигархическими группами, враждебными Л. Кучме или лагерю В. Януковича»¹.

О масштабах финансирования можно судить также по организации митингов оппозиции. «По самым скромным подсчетам, только обеспечение жизнедеятельности митингующих на Майдане в течение двух недель обошлось в 50 млн. долларов»².

Высокая организация протестного лагеря отмечается, в частности, американским политологом М. Бейссингером. Палатки, портативные кухни, спальные мешки и были закуплены заранее. Были достигнуты договоренности с оптовыми продуктовыми компаниями на поставку еды. Ежедневно с площади вывозились тонны мусора³.

Подобная поддержка позволяла использовать технологии краудсорсинга, поскольку, как отмечают некоторые авторы, на Майдане активность лидеров «оранжевой» массовки была оплачена.

Безусловно, активная роль внешнего фактора в организации на Украине студенческого движения «снизу» отнюдь не отменяет искреннего желания многих молодых людей участвовать в акциях гражданского неповиновения исключительно по собственному усмотрению и в интересах собственной совести.

Характер протеста. Правящая сила в периоды своего доминирования, воспринимая университет в качестве инструмента политической борьбы, стремится поставить его под свой контроль (лояльный ректор и администрация, существование студенческих провластных объединений

¹ Шульце П. В. Борьба за ближнее зарубежье: Украина, Россия и Европейский союз // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 249.

² Жильцов С. С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 163.

³ См.: Beissinger M. R. Mechanisms of Maidan: The Structure of Contingency in the Making of the Orange Revolution // Mobilization: An International Quarterly. – 2011. – Vol. 16. – No. 1. – P. 38.

функционирующих на территории вуза) и заручиться его поддержкой. Однако несмотря на преобладание внутри учебного заведения одной из политических сил (площадка для агитации и встреч с кандидатами), студенты могут разделять и другие политические взгляды.

Студенческая молодёжь выступала значительным социальным ресурсом оппозиции, проводившей семинары, лекции, занятия для студентов. В КНУ им. Т. Шевченко проводились занятия по организации массовых беспорядков, управлению людьми, рукопашному бою, нейролингвистическому программированию. Выявлялись формальные и неформальные лидеры, после чего из последних формировались пирамиды по принципу сетевого маркетинга – рост дохода лидера в зависимости от увеличения числа сплотившихся вокруг него людей¹.

«Оппозиция строит процесс идентификации себя с наиболее активными сегментами, разрушая идентификацию власти с ними...<...>...В результате образуются группы противопоставления, которые в той или иной степени давят на власть, не давая ей возможности принять адекватное решение»².

Если говорить о составе движения «Пора», то оно объединяло широкий спектр людей по возрасту, социальному положению и идеологической позиции. Активисты кампании варьировались от приверженцев правых националистических взглядов, далее по всему спектру до анархистов. Большинству активистов были характерны три основные черты: сильная приверженность к идеям и принципам демократии; решимость постоять за эти принципы, даже в условиях преследования и репрессий; принадлежность

¹ См.: Жильцов С. С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 47-48.

² Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – С. 40.

к постсоветскому поколению. В сущности, типичным активистом «Поры» был мужчина от 18 до 20 лет, студент первого или второго года обучения¹.

Следует обратить внимание, что на определенном этапе одновременно существовали две молодёжные организации «Пора» – черная (М. Свистович) и желтая (В. Каськив). А. Дуда определяет основные отличия между этими структурами².

Черная Пора	Желтая Пора
<ul style="list-style-type: none"> • гражданская кампания (ориентация – анти-Кучма); • идеология: нет Кучмы = нет проблем; • сильные позиции в западных и центральных регионах; • принцип без лидерства; • основывается на внутренних дружеских отношениях; • одинаковая возрастная группа; • нерегулярные карманные деньги; • базируется на сербской модели; • независимость от политических партий; • идеалистическая, национально-патриотическая направленность; • против будущей политической деятельности; • сильная региональная сеть; • в большей степени уличные акции, но слабый PR 	<ul style="list-style-type: none"> • образовательно-образовательная кампания (ориентация – про-Ющенко); • идеология: революция и после этого; • сильные позиции в центральных и юго-восточных регионах; • один лидер; • профессиональный подход во внутренних отношениях; • лидеры немного старше членов; • регулярные менеджерские выплаты; • базируется на коалиции с НПО; • связи с политическими партиями; • хорошо управляемый рекламный проект; • будущее как политическая партия; • ресурсы сосредоточены в Киеве; • меньше уличных акций, но лучше PR

Перед «Оранжевой революцией» «Пора» демонстрировала свой политический потенциал. В августе 2004 г. «Пора» играет активную роль в «Сумской революции», когда студенты г. Сумы начали массовые акции

¹ См.: Reclaiming Democracy. Civil Society and Electoral Change in Central and Eastern Europe / eds.: J. Forbrig, P. Demeš. – Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2007. – P. 133.

² См.: Duda A. M. When “It’s time” to say “Enough!”. Youth Activism before and during the Rose and Orange Revolution in Georgia and Ukraine: a Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. – The University of Birmingham: Centre for Russian and East European Studies, 2010. – P. 195. – URL: <http://etheses.bham.ac.uk/1108/1/Duda10PhD.pdf> (дата обращения: 1.01.2016)

протеста против необоснованного и незаконного слияния нескольких местных университетов, и политического давления со стороны властей. 7 августа 2004 г., на фоне беспорядочных арестов сумских студентов, «Пора» заявила о своей решимости защищать права студентов в соответствии с законодательством Украины и международными стандартами¹.

Рассуждая относительно «Поры» непосредственно в революционных событиях, П. Шульце обращает внимание на то, что «её молодые сторонники сыграли решающую роль, вдохновляя тысячи других протестующих выйти на улицы и, что особенно важно, следя за тем, чтобы эти протесты носили мирный характер»².

На это обращает внимание С. Кара-Мурза, полагая, что «молодёжь была основным источником кадров революционного актива и основным контингентом активных уличных действий»³.

Разработчики оранжевых технологий понимали, что их применение будет осуществляться при позиционном дефиците, делали упор на те схемы, в которых можно было реально конкурировать с властью. Так, по мнению одного из активистов «Поры», юмор был наиболее эффективным способом распространения сообщений большому числу молодых людей⁴.

Г. Почепцов обращает внимание на противостояние власти и оппозиции в четырех пространствах: телевидение, пресса, улица и интернет-пространство. «Власть была сильнее в телевизионном и газетном измерениях, оппозиция – в уличном (визуальном) и интернете»⁵.

Бельгийский писатель и философ Р. Ванейгем отмечает, что «некоторые группы обладают устойчивой структурой, другие имеют

¹ См.: Reclaiming Democracy. Civil Society and Electoral Change in Central and Eastern Europe / eds.: J. Forbrig, P. Demeš. – Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2007. – P. 137.

² Шульце П. В. Борьба за ближнее зарубежье: Украина, Россия и Европейский союз // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 248.

³ Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – С. 309.

⁴ См.: Norman A-M. Mobilization of Students in Connection with the Orange Revolution in Ukraine 2004. – Stockholm: University of Stockholm, 2005. – P. 30.

⁵ См.: Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – С. 31-32.

слишком размытые контуры; тем не менее, все они выстраиваются благодаря иллюзорному чувству участия, разделяемому их членами, чувства, которые можно поддерживать собраниями, специальной атрибутикой, поручениями, обязанностями»¹. В полной мере это было учтено политическими технологами «оранжевой революции».

Сделав ставку на студенческую молодёжь и разработав для неё эстетические образы, вызывающие интерес к происходящим процессам, оппозиции удалось перевести ненасильственную смену власти в форму развлекательного мероприятия. Некоторые авторы отмечали «умелое сочетание множества каналов воздействия на массовое сознание – текста и образа, музыки и пластики, света и цвета»².

Особое значение приобретали эндогенные факторы, вызвавшие несколько большую мобилизацию на Украине и стимулирующие эмоциональный протест против несправедливости. По мнению М. Бейссингера, большинство людей вряд ли признаются в мобилизации, происходящей по примеру других, опасаясь изоляции или издержек, в стремлении быть замеченным в протесте, потому что там их друзья, или в ожидании, которое скрывает истинные предпочтения до безопасного момента. Эффект эндогенных процессов, таких как эти, скрыт в других отношениях, так что структурные и конъюнктурные объяснения всегда содержат элементы эндогенных процессов в них. Большая часть личных решений о том, чтобы присоединиться к акции протеста или не участвовать в ней, нельзя объяснить одними структурными факторами³.

Студенты и молодёжь, сами того не осознавая, находясь в образе борцов за свободу и справедливость, «проснулись» в новой стране, где уже произошла смена политических элит. «Театр Ги Дебора вдруг закрылся,

¹ Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений. М.: Гилея, 2005. – С. 141-142.

² Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – С. 86.

³ См.: Beissinger M. R. Mechanisms of Maidan: The Structure of Contingency in the Making of the Orange Revolution // Mobilization: An International Quarterly. – 2011. – Vol. 16. – No. 1. – P. 40.

массовка расходилась по домам, уныло оглядываясь в поисках демократии...»¹. Здесь, по мнению украинского политолога В. Малинковича, и «проявился основной парадокс «оранжевой революции»: ее организаторы хотели лишь поменять политическую элиту, а участники выступлений хотели радикальной смены всей системы политической власти»².

Оппозиционные силы затратили минимальное количество ресурсов в постсоветских политических системах для привлечения студенческой молодёжи на свою сторону. Подобное произошло по причине отсутствия комплексной молодёжной политики и отдаления между властью и молодёжью на этапе формирования постсоветских государств.

«Евромайдан»

Коррупцированность стала одной из ключевых характеристик и политического режима В. Януковича. По данным «Transparency International» индекс восприятия коррупции³ на Украине составлял:

Год	Место в рейтинге	Индекс восприятия*
2010	134	2,4
2011	152	2,3
2012	144	26
2013	144	25
2014	142	26

* 10 – коррупция отсутствует, с 2012 г. уровень восприятия коррупции оценивается по шкале от 0 (очень высокий уровень коррупции) до 100 (коррупция отсутствует)

Ухудшение гражданских свобод вызывало рост протестных настроений, усиливавшихся на фоне ухудшения экономической обстановки. С другой стороны, романтическая часть украинцев связывала надежды на подписание В. Януковичем «Соглашения об ассоциации Украины с

¹ См.: Павловский Г. Предисловие к русскому изданию // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 6.

² Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» на Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 40.

³ См.: Transparency International. – URL: <http://www.transparency.org/research/cpi> (дата обращения: 5.01.2016)

Евросоюзом». Истоки «Евромайдана» нужно искать в данных проблемах, которые попыталась решить «Революция достоинства», начавшаяся с ночной атаки «Беркута» на палаточный лагерь студентов в Киеве.

Вместе с тем, есть и другие позиции в оценке роли и места в «Евромайдане» украинского студенчества. Взгляд может меняться в зависимости от различий в понимании киевских событий.

В частности, по утверждению С. Уайсмана, «Евромайдан» был срежиссирован Госдепом США через подконтрольные ему НПО и частные фонды. Украинские оппозиционные НКО получали средства от Фонда Сороса и организации «Pact Inc.» – одного из подрядчиков Агентства международного развития США¹.

С другой стороны, по мнению М. Делягина, «огромное количество людей стояли на Майдане, малый и средний бизнес, абсолютно искренне»².

Именно студенчество в первую очередь могло оценить перспективы подписания «Соглашения», открывающего ему новые горизонты личной мобильности и постижения мира. Именно при его непосредственном участии начинается ненасильственный этап противостояния с властью, который выражался в форме информационного и уличного активизма.

Студенческая молодёжь оказалась катализатором политического участия и других политических акторов, выступив своеобразным гегемоном политического действия. Студенческая инициатива не могла не встретить поддержки и официальных институтов власти некоторых областей и городов Украины. Показательно, что на стороне студентов оказались и администрации крупных вузов (ЛНУ им. Ивана Франко, КНУ им. Т. Шевченко и других). Конечно, это было бы вряд ли возможно без идеологического совпадения.

¹ См.: Коктейли Молотова и гранды / И. Дунаевский // Российская газета. – № 6355 (83). – 2014. – 11 апреля. – URL: <http://www.rg.ru/2014/04/07/politolog-site.html> (дата обращения: 12.03.2015)

² Делягин М. Г. Михаил Делягин: Янукович организовывал Евромайдан, чтобы попросить у Путина денег. Но в итоге перехитрил сам себя // Комсомольская правда / стенограмма радиоэфира КП. – 2014. – 24 ноября. – URL: <http://www.kp.ru/radio/stenography/120507/> (дата обращения: 12.03.2015)

Протесты студентов, вызванные приостановкой подписания «Соглашения», сопровождались выступлениями против местной власти. Так собравшиеся более 10 тыс. студентов от семи вузов Львова требовали отставки губернатора О. Сало¹.

Помимо требований политического характера протестная активность в рамках «Евромайдана» сопровождалась академическими требованиями. В частности, студенческие активисты Ивано-Франковска и Львова требовали: отмены и полной ликвидации всех законопроектов и постановлений о дополнительных платных услугах в сфере образования; отставки министра образования и науки Д. Табачника; действительной реализации существующих положений, а именно круглосуточный доступ к общежитиям для студентов (по факту такой приказ министра существует, но в общежития все равно пускают до 23-24 часов); стипендии не меньше прожиточного минимума; принятия нового закона «О высшем образовании»; отмены отработки после получения высшего образования².

Власть попыталась наладить диалог со студенческой молодёжью. В частности, первый вице-премьер Украины С. Арбузов провел встречу со студентами КНЭУ им. В. Гетьмана, министр иностранных дел Л. Кожара посетил КНЛУ, где студентов просили сделать паузу в евроинтеграции³.

Масштабы протеста нарастали, увеличивалось и онлайн сопротивление, реализуемом посредством аккаунтов и групп в социальных сетях (Facebook, ВКонтакте, Twitter), причём, как со стороны симпатизировавших «Евромайдану», так и противостоявших ему.

¹ См.: Хроника студенческого Евромайдана // LB.ua. – 2013. – 26 ноября. – URL: http://lb.ua/news/2013/11/26/242839_hronika_studencheskogo_evromaydana.html (дата обращения: 12.03.2015)

² См.: Александрикова Н. Студент – лицо Евромайдана // Пять углов. – 2013. – 12 декабря. – URL: http://stena.5uglov.ru/s/studencheskoe_litso_evromaydana/ (дата обращения: 15.03.2015)

³ См.: Табачник пригрозив студентам: якщо мітингуватимуть, залишить без стипендій // Українська правда. – 2013. – 27 листопада. – URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2013/11/27/7003216/> (дата обращения: 12.03.2015); Міністри Азарова розійшлись по університетах заспокоювати студентів // Українська правда. – 2013. – 27 листопада. – URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2013/11/27/7003255/> (дата обращения: 12.03.2015)

Вооруженное противостояние оппозиции и правоохранительных органов привело к значительному числу жертв. Среди погибших на «Евромайдане» (106 человек по данным Министерства здравоохранения Украины) значатся 6 студентов, аспирант, преподаватель, работник колледжа.

Таким образом, «Евромайдан» также был реализован при непосредственном участии студенческой молодёжи. Это позволило, при условии лояльности к оппозиции администраций ряда учебных заведений, выступить студентам с политическими и академическими требованиями, оказывая дополнительное давление на власть.

Кыргызстан

Состояние политического режима. Схожая ситуация наблюдалась и в Кыргызстане, где политический режим А. Акаева также не был популярен.

Необходимость решения проблем развития государства повсеместно замещалась «преследованием узкокорыстных, групповых и клановых интересов»¹. Политический режим А. Акаева характеризовался семейственностью, клановостью, nepотизмом, «кеминизацией» (по названию «Кемин» – родного поселка в Чуйской области) власти и осуществлялся на фоне сложного экономического положения населения, а также противоречиями между севером и югом. В этой ситуации одной из наиболее уязвимых социальных групп снова оказывалась студенческая молодёжь, потому как кристаллизация правящей элиты не оставляла каких-либо карьерных перспектив для её талантливых представителей.

Внешний фактор. Политический режим А. Акаева оценивался как наиболее демократический среди всех постсоветских государств Центральной Азии. «Этот имидж широко рекламировался в Европе и США.

¹ Михеев С. Жертва дурно понятой демократии // Киргизский переворот. Март-апрель 2005. Сборник. – М.: Европа, 2005. – С. 41.

Международные наблюдатели в большинстве своем исправно фиксировали высокую степень свободы слова и становление институтов гражданского общества. Претензии к выборам были незначительными. США и европейские страны щедро спонсировали по официальным и неофициальным каналам киргизские демократические программы»¹.

С. Михеев отмечает насыщенность сети неправительственных организаций в Кыргызстане, «отделения USAID, «Freedom House», Национального демократического института, Информационных центров демократии и прочих организаций имеются в каждом районном центре»².

Согласно докладу Госдепа США о состоянии прав человека в Кыргызстане, в республике постоянно действовали 7-10 тыс. различных НПО. По другим оценкам, вместе с офисами – филиалами различных западных НПО их общее количество достигало 15 тысяч³.

Характер протеста. Перед технологами, реализующими проект смены политической элиты в Кыргызстане, стояла задача консолидировать наиболее мобильную общность студенческой молодёжи в оппозиционные молодёжные организации. С этой целью были созданы гражданская молодёжная кампания «Кел-Кел» и движение «Бирге», которые должны были оказывать давление на политический режим А. Акаева.

Заметим, что и сам режим предоставлял поводы для политической активизации студенческой молодёжи. В частности, презентация движения «Бирге» перед Киргизским национальным университетом им. Ж. Баласагына под лозунгом «Бирге против страха!» была направлена против административного давления со стороны партии «Алга, Кыргызстан!»,

¹ Ниязи А. Бишкекский переворот: тюльпановое блюдо на азиатской кухне // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 173-174.

² Михеев С. Жертва дурно понятой демократии // Киргизский переворот. Март-апрель 2005. Сборник. – М.: Европа, 2005. – С. 45.

³ См.: Что там, за поворотом... // Киргизский переворот. Март-апрель 2005. Сборник. – М.: Европа, 2005. – С. 94.

объединяющей людей близких к семье Акаева, и руководства вуза, которое «советовало» студентам голосовать за дочь президента – Б. Акаеву¹.

Практика принуждения через систему высшего образования оказывается довольно популярной. Причём она может относиться и к развитым европейским системам, которые сложно уличить в демократическом несоответствии. Давление осуществляется через систему социальных институтов, что вызывает справедливую рефлексию со стороны политических философов, упрекающих работников сферы образования в пособничестве правящей элите. «Вот такая работа выполняется интеллектуалами и учителями», – восклицал М. Фуко, комментируя зависимость системы образования от политического климата в государстве².

В свою очередь С. Каназаров считает, что подобные формы давления на студенческое сообщество уже не являются актуальными, а «последним словом агитации стали бесплатные походы в горы и дискотеки. Почти все кандидаты арендовали дискотеки в своих избирательных округах, где почти на протяжении всего агитационного периода шло веселье с бесплатным угощением, по ходу которых «свои люди» в толпе объясняли студентам, за кого голосовать – “правильно”»³.

Отличительной чертой киргизских событий 2005 г. стало отсутствие единого кандидата от оппозиции. На эту роль претендовали: К. Бакиев (Народное движение Кыргызстана) и Р. Отунбаева («Ата-Журт»), а также освобожденный из тюрьмы Ф. Кулов («Ар-Намыс»)⁴.

¹ См.: Каназаров С. Только что созданное в Киргизии молодежное движение «Бирге» провело акцию в Бишкеке // Информационное агентство «Фергана». – 2005. – 10 марта. – URL: <http://www.fergananews.com/articles/3529> (дата обращения: 12.03.2015)

² См.: Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. И. Окуновой; под общей ред. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – Ч. 2. – С. 33.

³ См.: Каназаров С. Только что созданное в Киргизии молодежное движение «Бирге» провело акцию в Бишкеке // Информационное агентство «Фергана». – 2005. – 10 марта. – URL: <http://www.fergananews.com/articles/3529> (дата обращения: 12.03.2015)

⁴ См.: Поляников Т., Прокопов Г. Синдром «цветных революций» // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 6. – С. 156.

Сложившаяся ситуация создавала определенные сложности для политической активности молодёжных организаций («Кел-Кел», «Бирге»). Несмотря на связь с различными оппозиционными силами и имеющиеся разногласия, организациям удавалось действовать в едином ключе против существующего политического режима.

Следует также обратить внимание на кланово-региональную специфику политической жизни в Кыргызстане. «Зачастую борьба между властью и оппозицией или внутри властных структур разворачивается не по привычной системе партийно-политического соперничества, а по неформальным схемам клановых, родовых и земляческих объединений»¹.

Кроме внешних источников финансирования важную роль играли внутригосударственные финансовые ресурсы. На это обращают внимание А. Гапич и Д. Лушников, указывая на привлечение ресурсов этнических, семейных кланов и региональных групп (кланы севера, поддерживающие А. Акаева и оппозиционные южные кланы, поддержанные многочисленной и влиятельной узбекской диаспорой), а также использование ресурсов теневой экономики и криминалитета (наркобаронов)².

В революционных событиях в Кыргызстане политическая активность молодёжи и студенчества развивалась от периферии к столице. Такое положение дает основание говорить о высоком политическом потенциале студенчества и молодёжи на периферии, их обостренном чувстве социальной несправедливости, которое может особенно остро проявиться в моменты политической нестабильности.

События в Бишкеке 24-25 марта 2005 г. показали, что мягкого переворота, под контролем «демократических сил», на центральноазиатской почве быть не может.

¹ Ниязи А. Бишкекский переворот: тюльпановое блюдо на азиатской кухне // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 180.

² См.: Гапич А. Э., Лушников Д. А. Технологии цветных революций. – М.: РИОР, 2010. – С. 33.

Это позволяет говорить о стихийности происходящего, на что обращал внимание Х. Ортега-и-Гассет: «действуя сама по себе, масса прибегает к единственному способу, поскольку других она не знает, – к расправе»¹.

Активную позицию студенческая молодёжь Кыргызстана занимает и в период государственного переворота 2010 г. Именно при её непосредственном участии удалось делегитимировать непопулярный, кланизированный режим К. Бакиева.

Таким образом, если говорить о первой волне успешных смен политических элит в Грузии, Украине и Кыргызстане, то они вполне объяснимы. По замечанию А. Кынева, «если бы Кучма, Шеварднадзе, Акаев не были чудовищно непопулярны, если бы странами не правили их кланы-«семьи», а у большинства населения не возникало ощущения полной безнадежности возникшей системы, отсутствия в ее рамках каких-либо личных перспектив, ее морального износа, то никакая бы помощь ниоткуда не смогла бы свергнуть эти режимы»².

Вторая волна государственных переворотов (Кыргызстан 2010 г., Украина 2013-2014 гг.) имела схожие предпосылки в виде клановости/семейности режимов, высокого уровня коррупции и трудного экономического положения населения. Однако в отличие от первой волны «ненасильственных» переворотов, протестная волна сопровождалась значительных числом жертв, а в случае Украины отчётливо проявили себя сепаратистские тенденции, поставившие под угрозу территориальную целостность государства.

Азербайджан

Состояние политического режима. Неудача в реализации «цветного» сценария в Азербайджане была обусловлена устойчивостью политического

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / сб.: пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 109.

² Кынев А. В. Синдром технолога // Независимая газета. – 2005. – 27 мая. – С. 11.

режима Г. Алиева. В данном случае мы имеем дело с практикой консервации и передачи власти внутри семьи, «когда основными преемниками выступали претенденты из первого круга – дети политического лидера – главы государства. В следующий круг претендентов (как в модели наследственного права) входят игроки, имеющие наибольшую близость к семье. Можно констатировать, что данные специфические сценарии политической легитимации были удачно апробированы в Азербайджане (Г. Алиев постепенно передавал власть сыну И. Алиеву)»¹.

Курс на укрепление власти семьи был продолжен И. Алиевым, получив воплощение в кампании по насаждению культа личности экс-президента². Во многом этот факт и определил политику власти в отношении студенческой молодёжи и акценты на жёсткий контроль над ней. С целью поддержки И. Алиева создаётся молодёжное движение «Ирели», ставящее задачу повышения популярности и оказание поддержки действующего президента³.

Внешний фактор. Еще во второй половине 1990-х гг. «администрация США в лице президента Б. Клинтона, а также Конгресс впервые публично объявили Каспийский регион не только «зоной жизненных интересов», но и «главным направлением» внешней политики США»⁴.

В азербайджанскую оппозицию также вкладывались немалые средства через структуры НКО. Накануне референдума по внесению изменений в Конституцию Азербайджанской Республики в 2002 г. Институт национальной демократии США через организацию «За гражданское общество» фактически создал коалицию партий (Партия Народного фронта

¹ Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – С. 102-103.

² См.: Юнусов А. Запад как фактор дестабилизации Азербайджана // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 169.

³ См.: Nikolayenko O. Youth Movements in Post-Communist Societies: A Model of Nonviolent Resistance // CDDRL. Working Papers. – 2009. – Number 114. – Stanford: Center on Democracy, Development, and Rule of Law. – P. 35. – URL: http://cddrl.fsi.stanford.edu/sites/default/files/No_114_Nikolayenko_Youth_movements.pdf (дата обращения: 28.12.2015)

⁴ Юнусов А. Запад как фактор дестабилизации Азербайджана // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 161.

Азербайджана, Партия национальной независимости, «Мусават» и Демократическая партия) по мониторингу процесса голосования. Однако возлагаемые надежды не оправдались. В преддверии президентских выборов 2003 г. лидеры прозападной оппозиции не договорились между собой и не смогли определить единого кандидата¹.

Характер протеста. Молодёжные активисты в Азербайджане воздерживались от тотальной критики И. Алиева и его семьи. Кроме того, учитывая дефицит ресурсов, молодёжные группы отказались от запуска общенациональной кампании по привлечению молодёжи на избирательные участки. Азербайджанские молодёжные активисты сосредоточились на вопросах коррупции, свободных и справедливых выборах. Организация «Далга» сосредоточилась против коррупции в сфере образования. «Ени Фикир», «Йох», «Магам» требовали проведения свободных и справедливых выборов, поддерживали идею ненасильственного сопротивления².

Азербайджанская власть смогла предупредить перспективы развития протестного студенческого движения, прервав трансляцию технологий. Уже на стадии первых контактов между «Порой» и её азербайджанской «дочкой» последовала реакция официального Баку. Прибывших сюда первых украинских активистов азербайджанские спецслужбы не пустили дальше зала прилета бакинского аэропорта³.

Беспорядки, произошедшие в октябре 2003 г. в Баку после президентских выборов, закончились массовыми арестами оппозиционеров⁴.

¹ См.: Сулейманов М. Западные фонды будут создавать в Азербайджане новую оппозицию: Азербайджан за неделю // REGNUM. – 2005. – 11 января. – URL: <http://regnum.ru/news/387292.html> (дата обращения: 29.01.2016)

² См.: Nikolayenko O. Youth Movements in Post-Communist Societies: A Model of Nonviolent Resistance // CDDRL. Working Papers. – 2009. – Number 114. – Stanford: Center on Democracy, Development, and Rule of Law. – P. 22-23. – URL: http://cddrl.fsi.stanford.edu/sites/default/files/No_114_Nikolayenko_Youth_movements.pdf (дата обращения: 28.12.2015)

³ См.: Мамедов С., Шахиноглу Э. В Баку ждут весеннего наступления оппозиции // Независимая газета. – 2005. – 14 марта. – URL: http://www.ng.ru/courier/2005-03-14/12_baku.html (дата обращения: 12.03.2015)

⁴ См.: Сулейманов М. Западные фонды будут создавать в Азербайджане новую оппозицию: Азербайджан за неделю // REGNUM. – 2005. – 11 января. – URL: <http://regnum.ru/news/387292.html> (дата обращения: 29.01.2016)

Своевременные меры против оппозиции и симпатизировавших её молодёжных организаций, предпринятые И. Алиевым, не позволили реализоваться в Азербайджане «цветной революции».

Казахстан

Состояние политического режима. В случае Казахстана можно отметить наличие относительно развитой и структурированной оппозиции, в которой, как отмечает А. Грозин, при деятельном внешнем участии в 2005 году наметилась тенденция к консолидации¹. Но ресурсы оппозиции в Казахстане не могли быть сравнимы с возможностями правящей элиты, равно как и в любой другой стране, где существуют стабильные режимы.

Режим Н. Назарбаева можно определить как устойчивый, с сильным акцентом на вовлечённость семьи в политику и контроля над энергетическим сектором. Сырьевая ориентация режима создавала предпосылки для консолидации правящей элиты, которая уже могла испытывать тенденции к консолидации через проект власти «Нур Отан» и его молодёжное крыло – «Жас Отан».

Внешний фактор. В республике вели активную работу западные неправительственные фонды и организации: Национальный Демократический Институт Международных отношений США, Международный Республиканский Институт, «Freedom House», Фонд Сороса – Казахстан. В их адрес звучали обвинения в том, что они «зондируют общественное мнение, усиленно содействуют контактам казахстанских политических партий, их лидеров, региональных партийных функционеров,

¹ См.: Грозин А. Международные неправительственные организации в Казахстане: «крестоносцы демократии» // ЦентрАзия. – 2005. – 16 апреля. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1113595200> (дата обращения: 12.03.2015)

видных политиков и публичных общественных деятелей республики с представителями американского политического истеблишмента»¹.

Внешнее влияние на политику Казахстана оказывали не только западные неправительственные организации. Активисты движения «Пора» устанавливали контакты с казахской и киргизской оппозицией, не скрывая «намерений экспортировать свое ноу-хау по всему бывшему СССР»². Возможное развитие «цветного» сценария позволило власти сыграть на упреждение, поэтому режиму удалось сохранить стабильность.

Характер протеста. Среди оппозиционной молодёжи выделялась организация «Кахар», выступавшая с конкретными требованиями отставки Н. Назарбаева, обвиняя его в узурпации власти, коррупции и клановости. Практически все активисты «Кахара» прошли через суды и отбывание небольших сроков за флэшмобы. Их сайт заблокирован по решению суда. Даже название «Кахар» им больше не принадлежит, поскольку власть создала собственную структуру с таким же названием³. Подобное давление было оказано и в отношении других организаций, намекающих на возможность «оранжевой» революции в Казахстане⁴.

Своевременные меры, примененные в отношении оппозиционных молодёжных организаций, не позволили запустить механизм делегитимации правящей элиты Казахстана.

¹ См.: Грозин А. Международные неправительственные организации в Казахстане: «крестоносцы демократии» // ЦентрАзия. – 2005. – 16 апреля. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1113595200> (дата обращения: 12.03.2015)

² См.: Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии / изд. 3-е, испр. и доп. – Бишкек, 2007. – С. 22. – URL: http://www.knyazev.org/books/Gov_over_3.pdf (дата обращения: 29.01.2016)

³ Подобная технология была также применена в Кыргызстане в отношении гражданской кампании «Кел-Кел». См.: Интернет-провайдер заблокировал веб-сайт общественной организации // Media Center. – 2005. – 10 февраля. – URL: <http://www.monitoring.kg/?pid=126&cid=1&nid=618> (дата обращения: 12.03.2015); Кампания мирного сопротивления Киргизии «КелКел» обвиняет «Азияинфо» в блокировке своего веб-сайта // ЦентрАзия. – 2005. – 11 февраля. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1108141020> (дата обращения: 12.03.2015)

⁴ См.: Гришин А. 12+1 задержанных: таковы итоги съезда «Социалистического сопротивления» в Алма-Ате // Информационное агентство «Фергана» – 2006. – 29 мая. – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=4421> (дата обращения: 12.03.2015)

В настоящий момент отмечается интерес власти по созданию послушной сети молодёжных организаций – различных объединений и маслихатов, выстроенных в вертикали. Необходимость активной работы с молодёжью отмечается и в публичном дискурсе лично Н. Назарбаевым¹.

Белоруссия

Состояние политического режима. Политический режим в Белоруссии характеризуется достаточной устойчивостью, и постепенной ориентацией А. Лукашенко на распределение власти внутри семьи (В. Лукашенко – член Совета Безопасности, Д. Лукашенко – председатель центрального совета белорусского республиканского государственно-общественного объединения «Президентский спортивный клуб», Н. Лукашенко позиционируется как возможный преемник).

В республике практически отсутствует оппозиция, и безальтернативность А. Лукашенко постоянно подчеркивается как внутри республики, так и за её пределами.

По мнению белорусского политолога П. Усова, «в отличие от других недемократических режимов, сформированных на постсоветском пространстве, белорусский режим отличается высоким уровнем мобилизационных способностей и пользуется устойчивым доверием со стороны значительной части общества...<...>...характеризуется высокой степенью консолидированности»². В подобных условиях очень сложно говорить, что у студенческой молодёжи могли существовать какие-либо шансы на активное сопротивление режиму А. Лукашенко.

Внешний фактор. Деятельность иностранных фондов осуществлялась через систему грантов. По инициативе Восточноевропейского

¹ См.: Исламгулова С. К. О молодежной политике в Казахстане и формировании ценностных приоритетов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 58-59.

² Усов П. Неавторитарный политический режим в Республике Беларусь // Обозрение литовской внешней политики. – 2008. – № 21. – С. 117.

демократического центра (IDEE) в Германии стали проходить мероприятия, посвященные подготовке руководителей молодежных движений Беларуси. Наибольшую активность в деле финансирования белорусской «оппозиции» проявляют такие организации, как фонд «Национальный вклад в демократию», Международный республиканский институт, Национальный демократический институт, фонд «Открытое общество», Вестминстерский фонд за демократию, Фонд имени Ф. Эберта и другие.

Как замечает белорусский исследователь Н. Малишевский, несмотря на то, что деятельность зарубежных неправительственных политических объединений подверглась давлению в 2000-е гг., им удалось реализовать значительное число поставленных перед ними задач¹.

Наряду с деятельностью зарубежных фондов поддержку демократических процессов в Минске оказывали грузинские и украинские организации², которые могли поделиться опытом успешной реализации ненасильственной смены политических элит.

Характер протеста. В ходе предвыборной кампании 2006 г. А. Лукашенко противостояли два оппозиционных кандидата: А. Милинкевич (единственный кандидат от оппозиции) и А. Козулин. А. Милинкевич, бывший доцент Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, «позиционировал себя как интеллигентный прозападный политик, лидер команды профессиональных менеджеров международного уровня, патриот Белоруссии, стремившийся вывести страну из изоляции и наладить тесные связи с Западом. Милинкевич сумел мобилизовать и привлечь на свою сторону часть электората – в основном представителей нового поколения интеллигенции, ориентированную на Запад молодёжь, студентов,

¹ См.: Малишевский Н. Западные НПО в Белоруссии: как действуют идеологические вирусы // REGNUM – Беларусь. – 2011. – 18 мая. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/1405975.html> (дата обращения: 29.01.2016)

² См.: Рзаев С., Рамизоглу Н. «Американские» деньги для движения «Йох» // Эхо. – 2005. – 27 августа. – № 164 (1153). – URL: http://www.echo-az.com/archive/2005_08/1153/politica08.shtml (дата обращения: 12.03.2015)

бизнесменов, жителей Минска и других крупных городов»¹. А. Козулин, бывший ректор Белорусского государственного университета, открыто противостоял режиму, призывая А. Лукашенко к ответственности. Он заявлял, что в случае победы, партнерские отношения с Россией получат дальнейшее развитие. Данная позиция также была поддержана белорусами. Однако, результатом бурной предвыборной кампании стал тюремный срок в пять с половиной лет².

Важную роль в деле мобилизации оппозиционно настроенной молодежи должна была сыграть организация «Зубр» (созданной по примеру студенческого движения «Отпор»). Ощущая возможную угрозу развития «цветного» сценария, власть запустила репрессивные механизмы в отношении активистов организации «Зубр». Практически все её лидеры подверглись давлению и репрессиям, но активности организации всё равно хватило на ряд акций. В частности, вместе с «Молодым Фронтом» был организован митинг и палаточный городок сторонников оппозиции на Октябрьской площади Минска. Но практически сразу же палаточный городок был ликвидирован милицией, а его участники задержаны и арестованы.

В целом, причиной неуспешной попытки ненасильственной смены политической элиты в Белоруссии следует считать достаточно низкий уровень протестной активности, что не позволило мобилизовать значительное число участников.

Общий взгляд на политические трансформации на постсоветском пространстве позволяет увидеть в постсоветской демократизации практики реализации ненасильственных действий, вписывающихся в формат «цветных революций» и концептуализированных Д. Шарпом³.

¹ Борзова И. С. Белорусская демократическая оппозиция 90-х гг. XX – начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Т. 1. – С. 75.

² См.: Там же. – С. 75.

³ См.: Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловская; 2-е изд., испр. – М.: Новое издательство, 2012. – 84 с.

Как уже отмечалось, само понимание «цветной революции» во многом определяется дискурсом, в котором происходит его операционализация. С одной стороны, это может быть и революция достоинства и стремление людей отстаивать свои права, а с другой – в дискурсе власти, могут присутствовать определения, подобные предложенному А. Манойло: «„цветная революция“ – это технология организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которой давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а основной движущей силой таранного удара по власти выступает специально организованное молодёжное протестное движение»¹.

Особое внимание следует уделить механизмам сдерживания студенческой молодёжи, и предохранению власти от делегитимационных вызовов. Это представляется вполне объективной мерой, ведь «политическая власть, легитимность которой подвергается сомнению, оказывается в сложной ситуации, будучи вынужденной использовать весь свой инновационный потенциал на поддержание легитимности»².

О. Николаенко выделяет следующие меры, развернутые властью против молодёжных движений:

- административное давление на студентов вузов. Например, исключение из университета или выселение из общежития;
- дискредитация молодёжных движений через контролируемые СМИ. В Грузии движение «Кмара» позиционировалась как политический проект внешнего врага. На Украине «Пора» изображалась как «террористическая организация». В Азербайджане проправительственные СМИ показали видеозапись пьяного лидера

¹ Манойло А. В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны // Власть. – 2014. – № 4. – С. 25.

² Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – С. 47.

«Ени Фикир» («Yeni Fikir») Р. Баширли в компании должностных лиц службы разведки Армении;

- преследование активистов сотрудниками полиции и «неопознанными лицами»;
- задержание участников движения;
- наложение штрафов за нарушение общественного порядка;
- уголовные судебные разбирательства против видных активистов¹.

Опыт постсоветских государств показывает, что власть во многом использует схожие инструменты давления на оппозицию, с поправкой на развитие информационных технологий (поддержка лояльной и дискредитация оппозиционной молодёжи в СМИ).

В Таджикистане, Туркмении и Узбекистане существуют серьёзные проблемы с реализацией студенчеством политического потенциала, ведь именно президенты Узбекистана и Туркменистана «наиболее откровенно акцентировали авторитаризм своих режимов»². Не так сильно от данных акцентов может отличаться и политический стиль таджикского президента Э. Рахмона, которого в начале 2016 г. предложили объявить пожизненным президентом. Институциональный дизайн данных систем исключает появление независимых структур «снизу», перечёркивает надежды на появление в них независимых молодёжных объединений.

Сильное авторитарное начало данных политических режимов не позволяет институционализироваться и оппозиции. В Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане отсутствуют оппозиционные партии. Существующее партийное многообразие в реальности выглядит иллюзорным

¹ См.: Nikolayenko O. Youth Movements in Post-Communist Societies: A Model of Nonviolent Resistance // CDDRL. Working Papers. – 2009. – Number 114. – Stanford: Center on Democracy, Development, and Rule of Law. – P. 29-38. – URL: http://cddrl.fsi.stanford.edu/sites/default/files/No_114_Nikolayenko_Youth_movements.pdf (дата обращения: 28.12.2015)

² Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 63.

и носит декларативный характер. Студенческая молодёжь тем самым лишается авторитетных старших политических союзников.

Власть пытается мобилизовать молодёжь и студенчество посредством собственных структур, обеспечив прикрытие и контроль. Таким образом, молодёжные организации автоматически оказываются провластными и лишёнными идеологической самостоятельности. Изначальное отсутствие претензии на протест исключает студенческую молодёжь из числа вероятных ферментов делегитимации политических режимов. Демонстрировать оппозиционные настроения в постсоветских государствах не принято, а принято быть с сильным и могущественным актором.

Мобилизованный студенческий протест против правящего класса в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане на данный момент времени маловероятен. Перспективы политического участия студенчества могут связываться исключительно с инициативами самой власти и в тесном следовании ее политическому курсу.

Таким образом, политическая активность мобилизованной студенческой молодёжи, определившая характер протеста, находилась в зависимости от состояния политического режима и внешнего фактора, что определило успех/неуспех реализации ненасильственной смены власти.

Заметим, успешные примеры смены правящих элит произошли в тех государствах на постсоветском пространстве, где существовали непопулярные политические режимы, которые можно было обвинить в фальсификациях и нелегитимности происходящих выборов, а также ограничении политических прав и свобод.

Неуспешные попытки ненасильственной смены политических элит в ряде государств на постсоветском пространстве продемонстрировали устойчивость и силу существующего политического режима. В тот самый момент, когда «лихорадило» соседние страны, правящая элита в

авторитарных государствах постсоветского пространства предприняла максимум усилий для противодействия подобным сценариям.

Таким образом, студенчество с различной степенью эффективности принимает участие в процессах политической трансформации в государствах постсоветском пространстве.

Протестный потенциал мобилизованного студенчества достиг наивысшего уровня развития в период «цветных революций» в Грузии, Кыргызстане, Молдавии и Украине. Справедливости ради, следует отметить, что к этому располагали действия и самой власти, в ряде случаев не совсем готовой адекватно противостоять протестной мобилизации студенческой молодёжи.

Вплоть до настоящего времени студенческая молодёжь в случае некоторых государств (Грузия, Молдавия, Украина) продолжает оказывать заметное влияние на политические процессы, и её роль заметно повышается при смене электоральных циклов. Вместе с тем, опыт постсоветских политических процессов включает в себя и не результативные попытки влияния на власть со стороны оппозиционно настроенного студенчества (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан), а в ряде случаев и отсутствие перспективы распространения «цветного» сценария (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан).

§2. Специфика политического потенциала студенческой молодёжи в современной России

С распадом СССР молодёжь и студенчество были вынуждены искать новые формы организации для защиты собственных прав и интересов. Студенчеству были ясны приоритеты новой власти, в которых ему отводилось отнюдь не значимое положение.

Такое отношение со стороны власти к студенчеству вызвало соизмеримую реакцию. 80 % не сочувствовали никаким политическим партиям, движениям, их лидерам, отдельным деятелям. Это позволяло говорить о кризисе политического доверия в студенческой среде¹. Об отчуждении студенческой молодёжи от политических процессов в России в начале 1990-х гг. говорят и В. Стегний и Л. Курбатова, отмечающие, что «экономический, политический, культурно-нравственный кризис 1990-х гг. привел к отчуждению студенческой молодёжи от всех институтов политической власти»².

Таковую же точку зрения высказывает и С. Пахоменко: «радикальная структурная трансформация социально-экономических и социально-политических отношений в постсоветской России обусловила кризисное состояние социокультурной идентичности современной российской молодёжи, что негативно отразилось на их политическом поведении, которое характеризуется переходом от государствоцентричной модели к трансформируемым моделям политического поведения, которые чаще всего принимают формы политического конформизма и ситуативности на фоне подавляющей апатичности и политического нигилизма большинства представителей молодёжи России»³.

Вместе с тем, политический потенциал не может не носить динамического характера. На наш взгляд, стоит выделить два этапа развития студенческой политической активности:

- первый этап – с середины 1990-х гг. по 1999 г.;
- второй этап – с 2000 г. по настоящее время.

¹ См.: Ковалева Т. В. Российское студенчество в условиях переходного периода // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 144.

² Стегний В. Н., Курбатова Л. Н. Социальный портрет современного студенчества // Высшее образование в России. – 2010. – № 2. – С. 61.

³ Пахоменко С. А. трансформация политического поведения российской молодежи в условиях кризиса социокультурной идентичности: автореф. ... дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов н/Д, 2007. – С. 10.

Первый этап – с середины 1990-х гг. по 1999 г.

С разрушением системы вертикального администрирования перестал функционировать государственный механизм, обеспечивающий удовлетворение потребностей студенчества, а власть во многом сложила с себя обязательства и ответственность перед ним. Такое положение вещей приводило к росту политической активности студенчества и вынуждало его самостоятельно выступать в защиту своих прав и интересов.

Относительная неустойчивость режима Б. Ельцина способствовала оформлению и развитию студенческого протеста, связанного с деятельностью профсоюза «Студенческая защита», который достаточно ярко проявился во время так называемых «маршей на Кремль» (12 апреля 1994 г. и 1995 г.), сопровождающихся беспорядками¹.

В 1995 г. основными требованиями «Студенческой защиты» были: «отмена решения правительства России о лишении успевающих студентов права на стипендию; отказ от принятия закона о призыве студентов и выпускников вузов на службу в армию рядовыми на два года; расширение студенческого самоуправления в вузах; участие студентов в контроле над финансовой деятельностью вузов; прекращение практики сокращения бесплатных учебных мест и сдачи общежитий в аренду коммерческим структурам. Требования Ассоциации профсоюзных организаций студентов (АПОС) были куда более скромными: АПОС, как обычно, просила лишь не задерживать выплаты стипендий и, если можно, повысить их»².

Комментируя произошедшие 12 апреля 1995 г. выступления, В. Черномырдин заявил: «Революции начинаются не с шахтерских забастовок, а

¹ См.: Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 205, 206-207; Тарасов А. Н. Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – С. 102-105, 108-113.

² Тарасов А. Н. Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – С. 108-109.

со студенческих бунтов». Тем самым, подтверждались опасения правящей элиты перед массовыми выступлениями студенчества.

Новый всплеск студенческой активности произошел осенью 1997 – весной 1998 гг., когда в стране прошла целая серия студенческих выступлений, спровоцированных попыткой реформы образования (реформа Асмолова – Тихонова). Тогда массовые выступления студенческой молодёжи позволили добиться желаемого результата – отставки А. Тихонова и А. Асмолова и денежных выплат¹.

О мобилизационном потенциале студенческой молодёжи в России следует говорить не только в связи с её столичной географией. Студенческий протест отмечался и на периферии, что подчёркивало целостность самой проблемы. Молодёжные выступления произошли в Екатеринбурге, Краснодаре, Новосибирске и других российских городах. Социальная база студенчества постепенно стала всерьёз учитываться теми политическими силами, которым предстояло бороться за расширение влияния в российской политике 1990-х гг.

Показательно, что в то время молодёжные крылья достаточно быстро создаются на базе российских политических партий (молодёжное движение «Держава», молодёжная организация ЛДПР, молодёжная организация «Наш дом – Россия», молодёжное движение «Новый Курс», Российский коммунистический союз молодёжи, молодёжное «Яблоко» и другие). Созданные молодёжные структуры следуют курсу, определенному «взрослой» организацией, поэтому, как отмечает А. Шмелев, «степень их лояльности к существующей власти равна степени лояльности их “крыши”»².

К новому электоральному циклу необходимость привлечения в свои ряды молодёжи начинает отчётливо осознаваться и самой властью.

¹ См.: Тарасов А. Тщательно скрываемые бунты // Скепсис. – 2003. – № 2. – URL: http://scepsis.ru/library/id_316.html (дата обращения: 12.03.2015)

² Шмелев А. А. Молодежные культурные и социальные движения в России // Социологические исследования. – 1998. – № 8. – С. 107.

Максимальная мобилизация имеющихся ресурсов, грамотно расставленные приоритеты и PR-технологии позволили мобилизовать студенческую молодёжь, включив ее в президентскую избирательную кампанию 1996 г.

А. Бушуев подчеркивает «значимость такого фактора, как уровень внушаемости, ведь именно на внушаемость населения (особенно молодой его части) и была сделана ставка С. Лисовского, возглавившего предвыборный штаб Б. Ельцина в 1996 г. Именно С. Лисовским была предложена кампания «Голосуй или проиграешь», ранее успешно реализованная командой Б. Клинтона («Choose or lose») во время президентской гонки в 1992 г. Посредством массированного воздействия телевидения и звезд эстрады планировалось переломить ситуацию в пользу действующего президента»¹.

Ориентируясь в ходе предвыборной кампании на молодёжь и студенчество, избирательному штабу президента было необходимо оперировать актуальными для этой общности темами, поднимать острые вопросы, обещая их разрешить. Так, Б. Ельцин обещал отменить призыв и ввести полностью контрактную службу в вооруженных силах. Заметим, что опыт ранее произошедших студенческих выступлений, в рамках которых поднимался вопрос о призыве, был учтен, трансформировавшись в популистский лозунг предвыборной кампании президента. Победа на выборах Б. Ельцина привела к осознанию значимости студенческой молодёжи как электората.

Второй этап – с 2000 г. по настоящее время

Внимание российской власти к студенческим и молодёжным организациям с целью предупреждения их протестной активности можно считать вполне обоснованной мерой. Именно этим и объясняется создание

¹ Бушуев А. С. «Голосуй или проиграешь!»: предвыборная кампания 1996 г. и российская молодёжь // Власть. – 2011. – № 6. – С. 50.

молодёжных проправительственных организаций, таких как «Наши», «Молодая гвардия», «Сталь» и другие.

Всё это – директивно созданные организации, построенные на принципе жесткой системы вертикального администрирования, полностью вписанные в политический контекст начала 2000-х гг., когда существовали риски распространения «цветных» сценариев на российской почве.

Некоторые авторы склонны видеть в этом негативный момент. В частности, В. Хомяков, критически воспринимает излишнюю политизацию молодёжи, считая, что «перекос в сторону политики, в сторону того, чтобы любой ценой заставить молодёжь пойти на выборы и проголосовать за «Единую Россию», нанес огромный вред»¹.

Создание молодёжных организаций «сверху» представляет собой и попытку заполнения идеологического вакуума. По мнению И. Лебедевой, «движения-обманки вроде «Наших», «Против нелегальной иммиграции» и прочее могут, конечно, на время заменить зияющую пустоту и бесперспективность для молодого поколения, чье будущее зыбко при отсутствии понимания того, куда движется Россия»².

Практики консолидации лояльной молодёжи и студенчества осуществляются в рамках проводимого молодёжного образовательного форума «Селигер», а также его региональных аналогов: «Балтийский Артек» (Калининградская область), «Машук» (Северо-Кавказский федеральный округ), «Область будущего» (Липецкая область), «СелиАС» (Астраханская область), «СелиСах» (Сахалинская область), что демонстрирует уровень ангажированности местной политической элиты.

Рекрутирование «сторонников» из числа молодёжи и студенчества производится под лозунгами: «Когда мы едины, мы непобедимы», «Вместе

¹ Хомяков В. Валерий Хомяков: молодежной политики в России нет // Новая политика. – 2010. – 22 декабря. – URL: <http://www.novopol.ru/-valeriy-homyakov-molodejnoj-politiki-v-rossii-net-text94256.html> (дата обращения: 12.03.2015)

² Лебедева И. Брокеры «мусорных революций» // Оранжевая революция: от Белграда до Бишкека. – СПб.: Алетей, 2008. – С. 42.

мы сила» и другими, используемыми партией власти, они наталкивают на мысль, сформулированную Р. Ванейгемом, «у нас нет ничего общего, кроме иллюзии, что мы вместе»¹.

На важность формирования ощущения группового единства в молодёжной среде указывал К. Мангейм, считавший, что «мыслят не люди как таковые и не изолированные индивиды, а мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления, характеризующие общую для них позицию»².

Разумеется, апелляции к единству и общности могут маскировать более прозаические лидерские стратегии и ориентацию на эффективность. По мнению И. Ламанова и О. Карпенко, такие «организации довольно масштабны, но непрочны. Их «ядра» немногочисленны, а большинство членов, вступая в движение, преследуют меркантильные мотивы»³.

Эту мысль разделяет Т. Становая, замечая, в частности, что «проект «Наши» направлен на тот самый тип молодёжи, который рассматривает политику как профессию: это молодые люди, которые хотят получить в «Наших» «входной билет» во власть либо доступ к материальным или аппаратным ресурсам»⁴. Участие студенчества в деятельности провластных молодёжных организациях можно объяснить стремлением продолжить карьеру в государственных структурах.

Данные исследования Института социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте-апреле 2007 г. (N = 1796 в возрасте 17-26 лет), показывают, что для молодёжи является привлекательной работа в структурах власти: «27 % заявили, что не имеют

¹ Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений. – М.: Гилея, 2005. – С. 27.

² См.: Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 9.

³ Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. – М.: Изд-во СГУ, 2006. – С. 60.

⁴ См.: Становая Т. Молодежные организации в современной России // Политком.ru. – 2005. – 5 декабря. – URL: <http://www.politcom.ru/320.html> (дата обращения: 12.03.2015); Становая Т. Российская молодёжь: угроза или ресурс? // Индекс/Досье на цензуру. – 2006. – № 23. – URL: <http://www.index.org.ru/journal/23/stan23.html> (дата обращения: 12.03.2015)

ничего против такого варианта трудоустройства. Госслужба, по их мнению, позволяет одновременно делать карьеру и зарабатывать деньги»¹.

В. Слатинов приводит данные опроса студентов трех вузов Курска, проведенного в марте-апреле 2009 г. (N = 400). «Среди опрошенных студентов более трети (38 %) в той или иной степени участвовали в постоянной работе либо разовых акциях молодежных движений за последние три года. Публично провозглашаемые цели движений, близких к власти («Наши», «Молодая гвардия»), связаны и с осуществлением «кадровой революции», массовой кооптацией их участников в государственные структуры. Это увеличивает градус ожиданий и мотивацию молодых участников движений к замещению государственных должностей»².

Опрос «Карьерные предпочтения молодой элиты России» проводимый компанией «Changellenge» с 1 июня по 31 июля 2014 г. (онлайн-опрос N = 2954 студента в возрасте от 19 до 21 года из 92 вузов). Большинство опрошенных студентов: 44 % – хотели бы работать в сфере консалтинга. Примерно столько же (42 %) предпочли бы сферу финансов. На третьем месте по популярности среди студентов маркетинг и реклама – 33 % респондентов. Далее по популярности идут инвестиционная сфера, нефть, газ, аудит, ИТ. На государственную службу хотели бы пойти лишь около 16 % опрошенных студентов. Еще меньше студентов предпочли бы образовательную сферу, науку, промышленность.

«Госслужба пользовалась особой популярностью в 2008-2011 годах – в период кризиса и нестабильности. Тогда государство воспринималось как самый стабильный и надежный работодатель. В целом популярность

¹ См.: Добрынина Е. Петр Великий и Ваня-беспартийный // Российская газета. – 2007. – 3 июля. – № 4403. – URL: <http://www.rg.ru/2007/07/03/molodezh.html> (дата обращения: 12.03.2015)

² См.: Слатинов В. Б. Карьерные перспективы молодежи на государственной службе в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 3. – С. 129, 131.

госслужбы растет в нестабильное время», – поясняет руководитель сайта для молодых специалистов Career.ru И. Святицкая¹.

Так происходит и сейчас. Кризисные проявления в России в 2014-2016 гг. могут спровоцировать новую волну популярности государственной службы. Заметим, что для провинциального студенчества использование такой возможности есть едва ли не единственный способ получить достойную работу. Власть использует деятельностный и креативный потенциал студенческой молодёжи, делая ставку на наиболее активных и исполнительных её представителей. В свою очередь, некоторая часть студенческой молодёжи вполне осознанно делает выбор в пользу сотрудничества с властью в рамках организованных институтов, прекрасно понимая преимущества постепенной инкорпорации в правящий класс.

В институциональном политическом дизайне современной России на разных уровнях власти можно увидеть воплощение идеи молодёжного политического участия. Студенческая молодёжь активно присутствует в учреждаемых властью институтах – молодёжных парламентах, молодёжных правительствах, молодёжных советах при региональных и муниципальных легислатурах. Активное участие студенческой молодёжи может отмечаться и в добровольческих структурах, которые, во многом дублируют функциональный аппарат муниципальных органов власти.

Заинтересованные силы влияют на кадровую политику в городских молодёжных организациях, утверждая кандидатуры в городской молодёжный парламент и формируя лояльную клиентелу в молодёжных организациях. Сложно представить среди молодых парламентариев представителей оппозиционных структур. В этой связи, говоря о ситуации в Липецкой области, А. Скиперских отмечает, что «если в Ельце наблюдаются случаи давления на представителей оппозиции посредством затруднения для

¹ См.: Башкатова А. Карьера чиновника привлекает все меньше студентов // Независимая газета. – 2014. – 15 августа. – URL: http://www.ng.ru/economics/2014-08-15/4_vuzy.html (дата обращения: 12.03.2015)

последней условий позиционирования в провинциальной социально-политической локальности, то, вероятно, не будет большим откровением признать существование особых тестов на оппозиционность для кандидатов в молодёжный парламент»¹.

Политическое участие лояльной молодёжи в российской провинции сводится к вполне определённым набору традиционных схем, корреспондирующих с реальной политической повесткой, формулируемой российским правящим классом. Активисты молодёжных организаций участвуют в шествиях в День российского флага, акциях по очистке города, избирательных кампаниях, волонтёрских проектах, спортивных мероприятиях.

В настоящий момент в российской провинции пока не распространены движения, негласно патронируемые властью («Антимайдан», НОД и другие). Чувствуется, что в настоящий момент молодёжная среда выглядит более или менее управляемой, а оппозиционные настроения среди студенчества не могут получать в провинции каналы для реализации.

В провинциальных российских городах получил распространение проект «Малые города» движения «Наши». В Ельце он начал свою работу осенью 2009 г. В рамках проекта было заявлено о создании дискуссионного клуба, выпуске газеты и создании молодёжной биржи труда.

Дискуссионный клуб, работая в форматах дискуссии и турнира дебатов, делает акцент на таких «острых» темах, как «Россия в контексте мировой глобализации», «Смертная казнь. За и против», «Патриотизм вчера и сегодня», «Эмансипация и феминизм», «ЕГЭ за и против», «Обязательная военная служба», «За и против цензуры», «Эвтаназия. За и против» и т.д.²

¹ Скиперских А. В. Молодёжь и гражданское общество в российской провинции (на примере города Ельца Липецкой области) // Молодёжь и общество: перспективы развития. Сборник материалов научно-практической конференции: в 2 ч. – Мурманск: МГТУ, 2010. – Ч. 2. – С. 79.

² См.: Малые города Елец. – URL: <http://malgorel.livejournal.com/> (дата обращения: 12.03.2015)

Сложно отрицать важность подобного рода обсуждений на различных уровнях, однако их можно расценивать как проявление имитационной демократии, поскольку по ряду вопросов политическое решение властными структурами уже принято.

Власть пытается контролировать студенческую молодёжь и в самих вузах, пытаясь управлять её активностью. Интересно, что в России есть вуз, созданный исключительно под лояльные молодёжные проекты. Это Национальный институт «Высшая школа управления» (НИ «ВШУ»), ориентированный на активистов движения «Наши».

На конец 2008 г. НИ «ВШУ» не получила государственную аккредитацию, продолжив предлагать корпоративные образовательные программы организациям и частным лицам¹.

Для молодёжных движений и организаций НИ «ВШУ» предлагает курсы: Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им; Россия и современный мировой порядок; Политическая система современной России; Методология политического действия; Политические партии и движения современной России; Полевые технологии; Организация политических кампаний; Политический цикл 2007-2008: сценарии успеха; Методология эффективного действия; Информационно-психологические войны и другие.

На данный момент Рособrnадзор исключил лицензию НОЧУ ВПО Национальный институт «Высшая школа управления» из реестра лицензий (список опубликован 27 февраля 2014 г.)².

Государство оказывается ключевым актором, оказывающим наибольшее влияние на студенческую молодёжь. Именно государство имеет право формулировать идеологический нарратив и смыслы. Организации,

¹ См.: Громов Д. В. Движение «Наши». 2007 год // Молодежные субкультуры Москвы. – М.: ИЭА РАН, 2009. – С. 127-128.

² См.: Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. – URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=3481 (дата обращения: 12.03.2015)

выступающие от имени власти, пытаются влиять на студенческую молодёжь с помощью образов Великой Отечественной войны (акции «Георгиевская ленточка», акция «Наша Победа»); борьба с коррупцией (акция «Белые фартуки»). Однако они не способны вобрать в себя весь спектр популярных тем, поэтому, дивиденды от их использования могут доставаться другим политическим силам.

Учитывая протестный потенциал студенчества в России, который может быть использован для делегитимации политической элиты (опыт ненасильственных технологий на постсоветском пространстве), шансы оппозиции использовать его в своих целях не выглядят безнадежными.

Когда государство не может контролировать молодёжь и студенчество через аффилированные с властью структуры, создаются фиктивные институты оппозиционной/националистической направленности, которые объединяют инертную молодёжь, сохраняя ее в контролируемом положении.

В настоящее время провластные организации существуют практически во всех субъектах РФ, однако, уровень активности данных структур различен. Заметим, что революция имеет столичную прописку, поэтому, как отмечает В. Иванов, одной из задач «Наших» «является защита режима в случае, ...[если дойдет до «революции» – *авт.*], ...то есть занятие площадей и улиц, участие в митингах, маршах, пикетах...<...>...Видимо, поэтому «Наши» особенно активны в регионах Центрального федерального округа – довести оттуда людей до Москвы относительно легко»¹.

«Высшие учебные заведения расположены на территории России неравномерно. Большая часть их сосредоточена в Центральном районе»². Это дает основание считать, что лояльные молодёжные силы видят в качестве рекрутского потенциала студенчество Центрального региона, которое можно

¹ См.: Иванов В. Антиреволюционер. Почему России не нужна «оранжевая революция». – М.: Европа, 2006. – С. 141-142.

² Петрова Т. Э. Социология студенчества в России. Этапы и закономерности становления. – СПб.: Бельведер, 2000. – С. 110.

мобилизовать в ограниченные сроки. Преследуя эту цель, провластные молодёжные организации ориентированы на привлечение в свои ряды иногородних студентов младших курсов¹, которые, в лучшем случае, проживают в общежитиях, что предполагает возможное давление со стороны администрации учебного заведения.

Практики привоза «сторонников» на организованные акции в столицу во многом стали визитной карточкой для провластных молодёжных объединений, создавая тем самым иллюзию политической партиципации студенчества и молодёжи. Примером тому выступает акция «Белые фартуки», организованная 16 апреля 2011 г. движением «Сталь».

Необходимо учитывать низкую степень мобильности провинциальной и сельской молодёжи. Российская провинция является оптимальной средой для оформления подобных политически ангажированных молодёжных проектов. Скудность политической жизни в российской провинции является важным мотивом интеграции молодёжи и студенчества в данные организации.

Катализатором эффективности работы лояльных молодёжных объединений стала избирательная кампания 2011-2012 гг. Существующие провластные молодёжные организации не смогли внятно позиционироваться в уличной политике. Не удалось им выполнить и своей главной миссии – противостоять возможной реализации «цветного» сценария в России. Таким образом, ориентированная на сохранение режима и призванная противостоять возможному развитию «цветного» сценария, молодёжная

¹ Ориентация на студентов младших курсов не выглядит случайной. Как показывают данные социологического исследования (N = 1000, учащиеся вузов Ростова и Ставрополя, октябрь 2012 г.) «среди первокурсников удельный вес готовых принять участие в массовом выступлении оказался почти в 1,6 раза больше, чем среди пятикурсников. Очевидно, среди причин такого различия возрастные особенности старшекурсников, частично утрачивается юношеский максимализм, а также постепенная прогматизация жизненных приоритетов (целей и ценностей), нарастающая у большинства студентов к окончанию вуза. Свою роль могла играть и большая вовлеченность в трудовую деятельность (число подрабатывающих на старших курсах постепенно возросло». См.: Суций С. Я. Политическая активность студенческой молодежи юга России (на материалах вузов Ростовской области и Ставропольского края) // Вестник Южного научного центра. – 2014. – № 3. – Т. 10. – С. 95, 99.

политика дала сбой, потребовав ребрендинга и перезагрузки лояльных молодёжных организаций. «Век проектов типа движение «Наши», построенных и вертикально интегрированных, ушел»¹, – заметил В. Якеменко.

Происходящие процессы вынудили власть искать новые механизмы контроля и способы привлечения студенчества и молодёжи. В результате было объявлено о создании новой партии «Умная Россия», ориентированной на средний класс, с идеологией, базирующейся на патриотизме и жесткой критике власти в центре и регионах. «Под огонь критики не попадет разве что действующий президент России В. Путин. Новая структура будет проводить политику в стиле «Путин в кольце врагов», и по этой причине партия будет лояльна к главе государства. Новая структура должна будет «уберечь» провинциальную молодёжь от влияния оппозиции»².

Не следует считать, что существующие лояльные молодёжные структуры будут исключены из уличной политики, скорее всего, их деятельность будет переориентирована. В этой связи, не случаен рост популярности социально-политических проектов, в частности, волонтерского («Технология добра») и жилищно-коммунального («Все дома»).

Избирательная кампания 2011-2012 гг. способствовала раскрытию протестного потенциала студенческой молодёжи, которое стало частью так называемого класса «рассерженных горожан», открыто заявивших о существующих проблемах и противоречиях в обществе.

В принципе, можно признать, что у российских протестов было молодое лицо. Проведенный опрос среди участников «Марша миллионов» (N = 531, 12 июня 2012 г., Москва, ВЦИОМ) показывает, что возраст участников акции в возрасте до 34 лет увеличился до 65 % (18-24 года,

¹ Якеменко В. Мне сорок лет. У меня очень мало времени / беседу вела Д. Хачатрян // Новая газета. – 2012. – 25 мая. – № 57. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/52756.html> (дата обращения: 12.03.2015)

² См.: СМИ: Глава Росмолодежи объявит о создании партии «Умная Россия» // РБК. – 2012. – 21 мая. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/21/05/2012/651202.shtml> (дата обращения: 03.02.2016)

включая младше 18 лет – 32 %, 25-34 года – 33 %). Заметим, что количество участников до 34 лет увеличивалось (акция 24 декабря 2011 г.: 18-24 года, включая младше 18 лет – 20 %, 25-34 года – 28 %; акция 4 февраля 2012 г.: 18-24 года, включая младше 18 лет – 17 %, 25-34 года – 24 %).

Подавляющее число участников акций имело высшее, незаконченное высшее образование (24 декабря 2011 г. – 70 %, 4 февраля 2012 г. – 56 %, 12 июня 2012 г. – 69 %).

Ключевое место среди участников протеста принадлежало: «креативному классу», офисным работникам и учащейся молодёжи. При сравнении акций 4 февраля и 12 июня 2012 г. наибольший приток учащихся наблюдался среди представителей творческих профессий (4 февраля – 4 %, 12 июня – 19 %) и учащихся/студентов (4 февраля – 8 %, 12 июня – 14 %)¹.

Следует обратить внимание на переход молодёжи к иным формам политического участия, что связывается рядом исследователей (Л. Беннетт, У. Бек, А. Желнина) с персонализацией политики.

Л. Беннетт отмечает, что партиципация реализуется через социальные сети, где использование социальных технологий позволяет людям стать катализаторами коллективного действия².

При этом, по мнению А. Желнина: «персонализированная политика не предполагает обязательного создания солидарного коллектива протестующих и включение в него, делает возможным участие под индивидуальными лозунгами»³.

Развивая мысль о политической индивидуализации молодёжи, У. Бек обращает внимание на то, что молодые люди стремятся перегруппироваться

¹ См.: «Марш миллионов» 12 июня: социальный портрет протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 3 (109). – С. 48-50.

² См.: Bennett W. L. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2012. – Vol. 644. – November. – P. 22.

³ Желнина А. А. Свобода от политики: «обычная» молодежь на фоне политических протестов // Социология власти. – 2013. – № 4. – С. 141-142.

в красочные восстания против скуки и обязательств, которыми наполнена политика в настоящее время¹.

В рамках дискуссии о протестной мотивации Р. Бараш отмечает, что «российский протест во многом был подобен настроениям европейских интеллектуалов в 1960-1970-е гг., когда одной из центральных тем интеллектуальных дискуссий была борьба с идейным тоталитаризмом власти (что отразилось в «Одномерном человеке» Г. Маркузе, «Анти-Эдипе» М. Фуко, работе «Сад, Фурье, Лойола» Р. Барта, в то время активное развитие находит концепция инаковости Э. Левинаса)»².

Оппозиционными силами было предложено достаточно разнообразное культурно-политическое меню, в которое вошло чтение стихов возле памятника поэту А. Кунанбаеву, «Контрольная прогулка» некоторых известных российских писателей, спектакль «БерлусПутин» сыгранный «Театр.doc» перед участниками протестной акции «Оккупай Абай»³. «Театр жизни отрекся от идеи сцены и вобрал в себя всю публику. Революционный театр»⁴.

Многие акции уличных протестантов в период подъема гражданской активности, независимо от взглядов, периодически выглядят как театральные действия, имеющие цель «вызвать возможно более широкий отклик в СМИ и социуме малыми силами, за счет продуманной режиссуры, шокирующих аксессуаров; политические акционисты призывают не столько к гражданскому сознанию или убеждениям зрителей, сколько к их эстетическим рефлексам и просто чувству юмора»⁵.

¹ См.: Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. – SAGE Publications London – Thousand Oaks – New Delhi, 2002. – P. 159.

² Бараш Р. Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 3 (109). – С. 102.

³ См.: «Театр.doc» при аншлаге сыграл спектакль «БерлусПутин» на Чистых прудах перед участниками протестной акции «Оккупай Абай» / NEWSru.com. – 2012. – 15 мая. – URL: <http://www.newsru.com/cinema/15may2012/berlusputin.html> (дата обращения: 12.03.2015)

⁴ Рубин Д. Действуй! Сценарии Революции / пер. с англ. О. Озерова. – М.: Гилея, 2008. – С. 122.

⁵ Альтернативная культура. Энциклопедия / сост. Д. Десятерик. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – С. 8.

Выбранный формат оказался привлекательным для студенческой молодёжи, которая стала активным участником протестного mainstream, наполненного экстремальной романтикой, а образ «революционера», борющегося за свободу и справедливость стал популярным трендом.

Студенческая протестная активность в современной России может быть сосредоточена и вокруг специфических дискурсов, имеющих отношение к проблемам конкретных политических локусов.

7 октября 2012 г. студенты Тамбовского государственного технического университета (ТГТУ) провели шествие и митинг против присоединения вуза к Тамбовскому государственному университету им Г. Р. Державина, в котором по ориентировочным оценкам приняли участие не менее 1 тыс. человек¹. При этом не следует забывать, что студенческие требования могут политизироваться через требования академического характера.

Студенческая активность может формироваться вокруг проблемы конкретных территорий. В частности, примером этого можно считать деятельность Комитета общественного контроля и самоуправления г. Уфы (КСОК), костяк которого составляли активисты оппозиционных движений («Голос Уфы», «Не верим», «Штаб в поддержку Алексея Навального», «Кук бурэ», «Русское движение в Башкирии», Татарский общественный центр»), среди которых могли быть заметны представители студенческой молодёжи. В активе КСОК: организация и проведение 2 шествий и митингов с привлечением порядка 600 человек, организация 6 пикетов, создание групп в социальных сетях «ВКонтакте», в «Живом журнале», издание и

¹ См.: Долин Д. Из поста возгорелось / «Expert Online». – 2012. – 10 октября. – URL: <http://expert.ru/2012/10/10/iz-posta-vozgorelos/> (дата обращения: 12.03.2015)

распространение более 5 тыс. листовок с критикой действующего политического режима¹.

Вообще, региональный срез студенческого протеста имеет чёткую связь с самим паспортом территории, с его политическим, экономическим и культурным контекстом. Это подтверждает О. Пустошинская на примере Уральского федерального округа. По её мнению, «в периферийных высокоресурсных зонах с менее развитой политической и корпоративной студенческой культурой более успешна интеграция в систему воспроизводства господствующих общественных отношений и вероятно целеполагание, отличающееся прагматическими намерениями, нейтрализующими установки на открытый протест. Для территорий со значительным уровнем развития политических и образовательных ресурсов, проницаемости для западных культурных влияний характерно более интенсивное поле тем протеста»².

Конкретизируя территориальную специфику уличного протеста, А. Скиперских говорит о такой сдерживающей провинциальной специфике, как необходимости в анонимности. Отсюда в провинции «участник уличных протестных акций лишен такого важного козыря»³.

Протестная культура современной России легко измерятся степенью включенности в интернет. Для осуществления политических активностей необходима связь между собой достаточно информационно подготовленных субъектов. Студенческая молодёжь в России оказывается сильно зависимой от посылов интернет-пространства.

Рассуждая об интернете как о средстве политической коммуникации Ф. Фоссато, Д. Ллойд, А. Верховский отмечают, что сила и потенциал интернета

¹ См.: Яковлев М. В. Студенческая молодёжь в регионах как актор современной российской демократизации (на материалах исследования в Башкортостане) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1. – С. 224-225.

² Пустошинская О. С. Студенческий политический протест в Уральском федеральном округе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Пермь, 2012. – С. 18-19.

³ Скиперских А. В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк, Изд-во «Гравис», 2013. – С. 122.

в России сильно ограничены, а коммуникационное развитие не разрушают укладов власти. Государство остается главным мобилизационным агентом в России. Рунет работает в качестве устройства для распространения информации, но в основном среди закрытых кластеров пользователей-единомышленников, которые редко способны и желают сотрудничать. При этом он работает в качестве платформы, которую режим использует всё более успешно, распространяя свою власть и идеи о стабильности и единстве среди растущего числа россиян, имеющих регулярный доступ к сайтам и блогам¹.

Российская власть стремится полностью исключить риски делегитимации через среду Интернет. В частности, в 2014 г. были приняты поправки в уголовный кодекс об ответственности за призывы к экстремистской деятельности и сепаратизму в интернете и СМИ².

В ходе экспертного опроса (N = 120 человек (депутаты региональных и муниципальных представительных органов, журналисты, руководители региональных отделений политических партий и общественных объединений и т.д.), октябрь-ноябрь 2012 г., Вологодская, Новосибирская, Ульяновская и Ярославская области) было отмечено, что политическая активность в сети «прежде всего направлена на такие социальные группы как студенты; наемные сотрудники коммерческой сферы; неработающая молодёжь; профессиональные политики»³.

Все сетевые технологии в интернет-пространстве прямо или косвенно направлены на преобразование виртуальной энергии в реальную. М. Кек и К. Сиккинк отмечают, что негосударственные акторы получают влияние, выступая в качестве альтернативных источников информации.

¹ См.: Fossato F., Lloyd L., Verkhovsky A. The Web that Failed. How opposition politics and independent initiatives are failing on the internet in Russia. – Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalists of University of Oxford, 2008. – P. 53.

² См.: ФЗ от 28.06.2014, N 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?108790> (дата обращения: 6.01.2016)

³ См.: Соколов А. В. Особенности реализации политического участия в Интернете в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – Т. 2. – С. 153, 155.

Информационные потоки в пропагандистских сетях обеспечиваются не только фактами, но и свидетельствами – рассказами людей, чья жизнь была затронута. Кроме того, активисты интерпретируют факты и свидетельские показания, с точки зрения правильности и неправильности, потому что их целью является убедить людей и стимулировать их к действиям¹.

В свою очередь А. Брейер обращает внимание на использование неудобной для власти информации. Веб-коммуникационные технологии позволяют выставить неправительственные нарративы широкой общественности. После того, как такая информация просочилась, это может вызвать двойной эффект. На индивидуальном уровне это усиливает стремление к познанию, что толкает людей на акции протеста, особенно, если это подкреплено личным ощущением экономической депривации или жестоким обращением со стороны правительственных агентов. На макроуровне – коллективный результат, вызывающий отрицательные эмоции и имеющий высокий потенциал для очень быстрого распространения².

Легче всего привлечь к участию в протестных мероприятиях именно городскую молодёжь. Наиболее характерно это проявилось при попытке осуществления переворота в 2009 г. в Молдавии. В этой республике с менее чем четырехмиллионным населением обучалось более 120 тыс. студентов, подавляющая часть которых проживала в городах³.

Заметим, что события в Молдавии – не единственный случай использования сети для мобилизации протеста. Выступления, оспаривающие итоги выборов в Иране в 2009 г., революции в Тунисе (2010) и Египте (2011), также являются примерами, во время которых координация активистов осуществлялась через социальные сети (Twitter и Facebook).

¹ См.: Keck M. E., Sikkink K. *Activists beyond Borders. Advocacy Networks in International Politics.* – Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. – P. 19

² См.: Breuer A. *The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution // Discussion Paper.* – 2012/10. – Bonn: German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE). – P. 5. – URL: http://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (дата обращения: 27.12.2015)

³ См.: Гапич А. Э., Лушников Д. А. *Технологии цветных революций.* – М.: РИОР, 2010. – С. 99-100.

А. Брейер отмечает, что платформы для социальных сетей, такие как Twitter, YouTube и Facebook в геометрической прогрессии умножают возможности поиска и распространения политической информации, таким образом, интернет, использующий различные точки доступа к политической информации, обходится по минимальной стоимости с точки зрения времени, денег и усилий¹.

По мнению Р. Шикова, с начала 2000-х гг. сфера интернет является отражением происходящих в России политических событий, поэтому не вызывает удивления ситуация, когда «вся политическая и гражданская активность переместилась из реальной сферы в пространство интернет»².

Это подтверждается на многих примерах, в том числе, относящихся и к региональной политике. Пикет в Ельце (Липецкая область), проведенный 24 декабря 2011 г. в рамках Всероссийской акции протеста против фальсификации выборов, стал первым реально оппозиционным мероприятием с участием студенческой молодежи. Созданная группа в социальной сети «ВКонтакте» собрала порядка 200 человек участников или возможных участников акции, при этом их число в реальности не превысило 50 человек. Заметим, что среди участников пикета были представители старшего поколения, не состоящие в виртуальной группе. Это дает основание говорить о виртуализации протестного потенциала студенчества и молодежи, не способного воплотиться в реальном политическом процессе.

В этой связи, мы можем согласиться с мнением Р. Бараш, которая считает, что «причастность к условной «партии интернета» – косвенный

¹ См.: Breuer A. The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution // Discussion Paper. – 2012/10. – Bonn: German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE). – P. 1. – URL: http://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (дата обращения: 27.12.2015)

² См.: Шиков Р. Фантомная политика // Интернет для молодежи – это просто выпуск пара // Дело. – 2008. – 26 мая. – URL: <http://www.idelo.ru/511/19.html> (дата обращения: 12.03.2015)

показатель активизма, т.к. доступность виртуальной коммуникации прямо не связана с протестной мобилизацией и готовностью к активным действиям»¹.

Заметим, что такая ситуация не может не устраивать властные структуры, поскольку сохраняется необходимый баланс, позволяющий критиковать власть и не давать возможности оппозиции к реальному действию.

В целом, следует отметить, что подобное несоответствие между декларациями и их реальной реализацией, является издержками не только взаимодействия через социальные сети. Проблема может скрываться и в общей провинциальности пространства, накладывающего ограничения на протестную активность студенческой молодёжи. Для российской провинции это не может не быть характерно, что подтверждают материалы некоторых исследований².

В современных российских условиях не следует переоценивать протестный потенциал студенчества, о чем свидетельствуют социологические исследования. В рамках социологического опроса, проведенного Институтом социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН в Ростове-на-Дону и Ставрополе (N = 1029, октябрь 2012 г., ЮФУ, ДГТУ, РГЭУ (РИНХ), РГУПС, РостГМУ, СКФУ), «установки на протестную активность характерны для каждого четвертого участника опроса (25 %), хотя большинство студентов (63 %) не собирается принимать участие в протестах...<...>...среди тех студентов, которые имеют установки на протестное поведение, одни в основном ориентированы на мирные акции протеста, в том числе

¹ Бараш Р. Э. Протестное движение: в поисках нового политического субъекта // Власть. – 2014. – № 10. – С. 56.

² См.: Гришина А. М. Политическая активность молодежи малого города (на примере г. Городец Нижегородской области) // Вестник Пермского университета. – Серия. Политология. – 2013. – № 1. – С. 35-44; Поздеев И. Л. Влияние студенческой молодежи на взаимоотношения власти и общества в Удмуртской республике // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2013. – № 1. – С. 102-108; Скиперских А. В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк, Изд-во «Гравис», 2013. – 204 с.

санкционированные и несанкционированные властями (42 %), другие готовы участвовать в любых акциях протеста, вплоть до выступлений с оружием в руках (6 %)»¹.

По данным исследования «Особенности гражданского сознания российского студенчества» (N = 1500, Санкт-Петербург, Кострома, Ярославль, Иваново, Псков), «свою готовность принять участие в несанкционированных акциях указали 12,3 %, а 5,3 % опрошенных ответили, что могут взяться за оружие для отстаивания своих прав»². Полученные данные свидетельствуют о том, что экстремистские настроения не вызывают широкий отклик в студенческой среде.

Во многом это подтверждают результаты исследования А. Барковского, позволяющего согласиться с достаточно пессимистическим посылом о том, что «участие студентов в политической жизни фактически завершается. Процент студентов, посещающих оппозиционные митинги, входящих в организационный комитет митинга или включающийся в работу какой-либо политической партии, ничтожно мал»³.

Не следует забывать, что наряду с активным студенчеством существует и аполитичная студенческая молодёжь. При этом аполитичность «сочетается, как правило, с осведомленностью об основных политических событиях в стране. Молодые люди политически информированы хотя бы из-за включенности в социальные сети, где политизированный контент попадает в поле зрения пользователей даже без их особого желания»⁴.

¹ См.: Челпанова Д. Д. Протестный потенциал студенческой молодежи юга России // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1 (77). – С. 56.

² См.: Савченко Д. С. Протестная гражданская активность российского студенчества: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 12. – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-gu/issues/2012/12/savchenko.pdf> (дата обращения: 12.03.2015)

³ Барковский А. В. Молодежь как субъект политического участия: предпочтения, мотивация, перспективы // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2015. – № 1 (25). – С. 96.

⁴ Желнина А. А. Свобода от политики: «обычная» молодежь на фоне политических протестов // Социология власти. – 2013. – № 4. – С. 145.

Следует отметить, что политическая пассивность сочетается с отсутствием у большинства студентов определенного мировоззрения¹, что может выступать как средство для политических манипуляций.

Аполитичность и пассивность, отмечающиеся у современной российской молодёжи, на наш взгляд, можно объяснить неимением опыта участия в политическом процессе у предшествующего поколения, отсутствием интереса со стороны властей к проблемам студенчества и молодёжи, формальным характером взаимодействия власти с ними, а также иллюзией политической партиципации. При этом студенческие профсоюзы и движения, занимающие активную позицию, но идущую в диссонанс с позицией власти, всячески подавляются и дезавуируются в СМИ.

Созданные организации, ориентированные на молодёжь вообще и на студенчество в частности, во многом заняли полярные позиции – организации, встроенные в вертикаль власти либо те, которые противостоят этой вертикали. Поэтому складывается ситуация, при которой студент не может примкнуть ни к одному из лагерей, поскольку он видит реальное положение дел в обществе, что идет в разрез с позицией молодёжных организаций, встроенных в вертикаль, а также не приемлет мер, предлагаемых радикальными группами.

По мнению И. Ламанова и О. Карпенко, причины разочарования молодых людей лежат в самих механизмах политического участия. Молодёжь не видит эффективных способов влияния и не имеет возможности участия в процессе принятия политических решений, что снижает уровень политической активности².

Мнение авторов подтверждаются данными социологического исследования (N = 1000, учащиеся вузов Ростова и Ставрополя, октябрь 2012

¹ См.: Филоненко В. И. Современное российское студенчество: парадоксы и проблемы социализации. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2006. – С. 10.

² См.: Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. – М.: Изд-во СГУ, 2006. – С. 74.

г.). На вопрос о причинах неучастия в общественной и политической жизни были получены следующие ответы: «Я уверен(а), что моё участие всё равно ничего не изменит» – 19,5 %; «Я не вижу лидеров, за которыми можно было бы пойти» – 18,4 %; «Нет организаций, которым можно было бы доверять и в работе которых мне хотелось бы участвовать» – 16,4 %; «Мне не интересно» – 16 %¹.

Полученные данные, на наш взгляд, дают возможность говорить о закрытости политической системы, где возможности влияния через электоральное или даже протестное поведение практически минимально, а также о достаточно ограниченном политическом спектре и отсутствии ярких, молодых политиков, способных предложить «свежее» политическое меню.

Подобное отношение сказывается на уровне электоральной активности студенчества. Опрос студентов нижегородских вузов (N = 800, 1-13 ноября 2011 г., N = 400, 28 февраля – 2 марта 2012 г.), проведенный кафедрой прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского, показал, что «минимальное воздействие на уровень участия молодёжи в выборах могут оказать такие факторы, как принуждение к посещению избирательных участков со стороны руководства учебных заведений, разъяснительные лекции преподавателей о важности голосования»².

При этом складывается ситуация, когда «по мере уменьшения количества голосующих уменьшается и степень легитимации новой власти»³, что провоцирует рост уровня социальной напряженности.

Тем не менее, несмотря на проблемы политической идентификации и демонстрируемую аполитичность, политический потенциал студенчества в

¹ См.: Суций С. Я. Политическая активность студенческой молодежи юга России (на материалах вузов Ростовской области и Ставропольского края) // Вестник Южного научного центра. – 2014. – № 3. – Т. 10. – С. 95, 96.

² См.: Зернов Д. В., Луконина Е. С. Содержание и тенденции политической активности студенчества (на примере выборов 2011-2012 гг.) // Социологические исследования. – 2013. – № 11. – С. 31, 34.

³ Комаровский В. С. Демократия и выборы в России: теории и история вопроса // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 23.

современной России представляется важным ресурсом для различных политических сил, среди которых власть имеет существенные преимущества. Массовые студенческие выступления середины 1990-х гг. продемонстрировали, насколько сильна данная социальная общность в мобилизованном состоянии.

Необходимость контроля над студенческой активностью в России актуализовалась в связи с произошедшими в ряде государств постсоветского пространства ненасильственными сменами политических элит, в которых ключевая роль отводилась студенчеству. Учитывая устойчивость коммуникационных связей в едином постсоветском пространстве, угроза реализации «цветного» сценария в различной степени была актуальна для всех государств. Это вынуждало власть использовать различные меры для того, чтобы не допустить дестабилизации в государстве. Российская политическая элита в этой связи использовала достаточно широкий инструментарий – давление на студентов, создание провластных и искусственно оппозиционных организаций, контролирование информации. Российская власть отмечается и в институциональном строительстве. Лояльная молодёжь включается в политический процесс в рамках институтов, контролируемых властью.

Достаточную опасность для власти представляет значительная масса аполитично настроенной молодёжи и студенчества, которые при определенных условиях и влиянии могут примкнуть к оппозиционным силам, проявив свой высокий протестный потенциал. Для того чтобы не допустить подобной переориентации, власть создает иллюзию политической партиципации студенчества в происходящих процессах.

Студенческую молодёжь в некоторых государствах постсоветского пространства следует считать достаточно влиятельным политическим актором, уровень политической активности которой находится в постоянном фокусе власти. Такое положение дает возможность осуществлять

конструктивный диалог между властью и студенческой молодёжью, выгодный каждой из сторон.

Выводы по Главе III

Процессы политической трансформации на постсоветском пространстве происходили при активном участии студенческой молодёжи. Протестный потенциал мобилизованной студенческой молодёжи достиг наивысшего уровня развития в Грузии, Кыргызстане, Молдавии и Украине, где были реализованы сценарии «цветных» революций. Наряду с непопулярности политических режимов и экономическими проблемами, ускоривших делегитимацию власти, имело место и отсутствие комплексной молодёжной политики в период формирования постсоветских государств. В данных государствах студенческая молодёжь до сих пор сохраняет достаточное сильное политическое влияние, которое способно активизироваться в электоральные периоды.

Опыт постсоветских политических процессов включает в себя и не результативные попытки влияния на власть со стороны оппозиционных молодёжных проектов (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан). Устойчивость политических режимов позволила сохранить власть перед вызовами «цветных» революций. В пользу правящих режимов данных государств говорит и политическая стабильность, ставшая результатом авторитарного политического дрейфа. Слабость оппозиции в данных государствах не позволяет ей выступать авторитетным политическим актором, и расширять свою социальную базу за счёт студенческой молодёжи. Что касается Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, то в случае данных политических режимов вовсе не наблюдалось попыток их политической делегитимации.

В современной России власть использовала широкий инструментарий для предупреждения «цветной революции», ставшей серьёзным вызовом для

российского правящего класса. Патриотическая риторика, дискредитация политических оппонентов и внешней угрозы, консолидация вокруг фигуры В. Путина – становятся важнейшими скрепами, с помощью которых российская власть пытается влиять на студенческую молодёжь. Власть серьёзно озадачивается проблемами амортизации протестной активности студенческой молодёжи в случае её усиления на фоне экономического кризиса. Риски трансформации политического режима в России снижаются с вовлечением студенческой молодёжи в патриотические проекты – структуры «Антимайдана», НОДа и других организаций. Лояльная студенческая молодёжь вовлекается в готовые институты (Молодёжный парламент, Молодёжное правительство, Молодёжные советы), с целью формирования ощущения причастности к политике и производству смыслов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного диссертационного исследования можно сделать следующие выводы.

Изучение возможности студенческой молодёжи выступать субъектом политического процесса является чрезвычайно важной задачей политической науки. Многие трансформационные процессы и смены непопулярных режимов были инспирированы ростом протестных настроений в студенческой среде. Напротив, успехи некоторых политических режимов и диктатур могут обуславливаться существующим консенсусом в отношении студенчества. Власть прекрасно осведомлена в отношении той силы, которую представляет собой мобилизованная студенческая молодёжь и спешит нейтрализовать её протестный потенциал, равно, как и обеспечить некоторые гарантии для наиболее прогрессивной её части. Наверное, то усердие, с которым власть стремится вовлечь активное студенчество в специально созданные для этого институты, выступает некоторым свидетельством смутного беспокойства и за собственную судьбу.

Существующий опыт студенческого сопротивления постоянно прирастает новыми практиками, иллюстрирующими возможности мобилизованного студенчества. На протяжении всего периода исторического развития студенческая молодёжь постоянно демонстрировала высокий креативный потенциал в диалоге с властью, с помощью которого ей удавалось призвать власть к диалогу и получить определённые гарантии для себя. В одном из параграфов нашего исследования мы подробно останавливались на методах сопротивления, периодически используемых студенчеством, равно, как и на формах, в которые облекается политический протест.

В полной мере это является актуальным и для современных политических процессов, а в контексте нашего диссертационного исследования – политических процессов на постсоветском пространстве.

Принимая во внимание пространственно-временной континуум Российской империи и СССР, мы смогли провести параллели с современным состоянием студенческого протеста, его способности выступать как делегитимационным, так и легитимационным ферментом на постсоветском пространстве. Подобная ретроспектива дала возможность рассмотреть студенчество в условиях различных политических систем, остановившись на предпосылках и специфике реализации политического потенциала.

Следует заметить, что изучение студенческой молодёжи как политического актора сопровождалось с определенными трудностями, поскольку её политическая деятельность чаще всего носит латентный характер. Учитывая данную специфику, возникла необходимость провести анализ концепта «студенческая молодёжь» и выявить его коннотации в рамках этимологического, экономического, социологического, юридического и политологического дискурсов. Акцент нами был сделан именно на политических смыслах, влияющих на расширение концепта, на его активное развитие. Это позволило сформулировать рабочее определение студенчества для политологических дисциплин.

Изучение студенческой молодёжи как политического актора вряд ли было возможным без теоретического обоснования. Предложенные теоретические модели зарубежных и отечественных исследователей дали возможность использовать их применительно к студенчеству. Таким образом, данные схемы позволили анализировать и просчитывать возможные варианты реализации субъектного потенциала студенчества в различных политических практиках.

Проведенный исторический экскурс позволил обратиться к мировой политической практике студенческой активности, выделить его особенности.

Следует отметить, что политическая активность студенческой молодёжи находится в прямой зависимости от состояния политического режима, от уровня его восприятия и рефлексий на происходящие события. Мировой опыт демонстрирует общие для студенчества формы активности и характер предъявляемых требований.

Обращение к практикам студенческой активности в пространственно-временном континууме Российской империи и СССР не позволяет говорить об уникальности его политического участия, не лишая его специфических черт в рамках данных политических режимов. Низкий уровень политических и экономических свобод студенчества в Российской империи создавали предпосылки делегитимации существующего политического строя, а само студенчество становилось оптимальной социальной базой для революционных сил.

В СССР уровень политических свобод студенческой молодёжи также не был значительным. При этом власть стремилась полностью контролировать студенческую молодёжь через созданные ей институты. Некоторые предпосылки для реализации политического творчества оппозиционно настроенного студенчества начинают формироваться непосредственно перед распадом СССР, что актуализирует проблему зависимости возрастания субъектного потенциала студенчества в периоды либерализации политических систем.

Это подтверждает и проведенный нами исторический экскурс, демонстрирующий неравномерность развития политической активности студенческой молодёжи. Как уже отмечалось, она могла зависеть от состояния конкретной политической системы с её готовностью модернизироваться с учётом требований времени. Спад студенческой активности в старых демократиях (Англия, США, Франция) сменился ростом студенческого движения в авторитарных политических режимах (Испания, Греция), что следует связывать с третьей волной демократизации. Новый

всплеск политической активности студенчества происходит в новых демократиях (Грузия, Украина, Кыргызстан), где «цветные» революции изменили существующий политический баланс сил. В данных политических системах студенчество выступило едва ли не ключевым субъектом изменений, артикулировав на непопулярных элитах значительный креативный политический потенциал.

Смещение политической активности студенчества в постсоветский регион актуализирует интерес к выбранной теме диссертационного исследования. Студенческая молодёжь уже доказала свои субъектные возможности по делегитимации правящей элиты и демонтажу непопулярных режимов. Однако не следует и преувеличивать её возможности, поскольку смены политических элит происходили в результате целой совокупности факторов (состояние политического режима, внешний фактор, характер протеста).

Следует отметить повышенный интерес к студенческой молодёжи в электоральные периоды, когда она способна выступать как фактор давления на власть. При этом, учитывая опыт ненасильственных смен политических элит в ряде постсоветских государств, не стоит забывать о том, что по завершению трансформации студенческая молодёжь зачастую оказывается в состоянии, когда её высокие романтические ожидания оказываются несбывшимися.

Политический потенциал студенчества был раскрыт не во всех государствах постсоветского пространства. На это были свои причины. В ряде случаев власть была предупреждена успешным опытом мобилизованного студенчества в случае «цветных» революций, то и предопределило её жёсткую позицию в отношении студенческой активности на стороне оппозиции. Опыт ряда постсоветских политических режимов подтверждает это (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан). В некоторых системах активность студенчества не отмечалась вообще, что в определённом смысле также

выступает свидетельством стабильности политических режимов (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

В едином коммуникативном пространстве постсоветских государств возможность развития «цветного» сценария была актуальна и для России, что вызвало незамедлительную реакцию власти. Политическая элита России прекрасно осознала, какую опасность может представлять для неё студенчество, поэтому ею были задействованы большие ресурсы для вовлечения лояльной студенческой молодёжи в собственную политическую периферию. Именно под студенческую молодёжь происходит активное строительство новых институтов – молодёжных парламентов, молодёжных правительств, молодёжных советов при региональных и муниципальных legislatures. Власть пытается использовать деятельностный потенциал студенческой молодёжи, делая ставку на наиболее активных и исполнительных её представителей. В свою очередь, некоторая часть студенческой молодёжи вполне осознанно делает этот выбор – сотрудничество в рамках организованных властью институтов, прекрасно понимая преимущества постепенной инкорпорации в правящий класс.

Именно в этот момент отмечается некоторое изменение в отношении власти к студенческой молодёжи от сугубо конъюнктурного и «технического», вызывающего интерес только в электоральные периоды, к более функциональному. Казалось бы, проблема политического абсентизма, отмечаемая у определённой части российской студенческой молодёжи, должна была бы волновать российский правящий класс. Но, на самом деле, власть пока не демонстрирует попыток вовлечения аполитичного студенчества в политические процессы, предпочитая вести диалог с активной и лояльной частью студенческой молодёжи.

Избирательные кампании 2011-2012 гг. продемонстрировали во многом несостоятельность лояльных молодёжных организаций противостоять возможному развитию «цветного» сценария в России, поскольку митинговая

активность включила в себя не только молодёжь и студенчество, но и представителей старшего поколения. Это дает возможность предполагать пересмотр стратегии молодёжной политики в России.

Предложенный фактологический материал, исследовательские оценки, снабженные комментариями и выводами автора, могут представлять интерес для студенчества, побужденного желанием к собственной идентификации, а также для власти, нуждающейся в оптимальной стратегии молодёжной политики и заинтересованной в снижении протестного потенциала студенчества.

На основе проведенного исследования нам представлялось бы необходимым:

- обеспечить студенческой молодёжи возможность участия в разработке государственной и региональной молодёжной политики;
- стимулировать активное политическое участие студенческой молодёжи (электоральное участие) за счет создания не только лояльных, но и независимых молодёжных организаций, возможности проведения дискуссий с участием различных политических сил;
- предоставить реальные рычаги влияния для молодёжных структур, функционирующих в системе органов власти;
- создать условия для широкого доступа студенческой молодёжи в законодательные органы власти для обеспечения кадровой ротации.

Диссертант видит значительные перспективы для дальнейшего научного исследования выбранной темы, учитывая уровень студенческой активности в новых демократиях. Таким образом, работа с новым фактологическим материалом, привлечение широкого спектра авторских оценок и мнений, даст возможность существенно расширить дальнейшее поле для авторских исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры (I) // Полития. – 2010. – № 2 (57). – С. 122-144.
2. Альтернативная культура. Энциклопедия / сост. Д. Десятерик. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 240 с.
3. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / сокр. пер. с англ. В. В. Воронина, Е. В. Зиньковского; ред. и вступ. ст. Г. В. Осипова. – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.
4. Баннов Б. Г. Мятеж возмущенного разума. Студенчество Запада против империализма. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 112 с.
5. Бараш Р. Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 3 (109). – С. 100-109.
6. Бараш Р. Э. Протестное движение: в поисках нового политического субъекта // Власть. – 2014. – № 10. – С. 52-61.
7. Барковский А. В. Молодежь как субъект политического участия: предпочтения, мотивация, перспективы // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2015. – № 1 (25). – С. 93-102.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – изд. 2-е, испр. и. доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
9. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. – М.: Издательство «Ветеран МП», 1995. – 382 с.
10. Большаков В. В. Бунт в тупике? Очерки с идеологического фронта. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 368 с.

11. Большая Советская Энциклопедия: в 51-м т. / гл. ред. Б. А. Введенский. – 2-е. изд. – М.: Государственное научное изд-во «Большая Советская Энциклопедия», 1956. – Т. 41. – 660 с.
12. Борзова И. С. Белорусская демократическая оппозиция 90-х гг. XX – начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Т. 1. – С. 72-76.
13. Брычков А. Р. Молодая Америка. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 256 с.
14. Брычков А. Р. Молодежь США: от нигилизма к политике. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 144 с.
15. Бушуев А. С. «Голосуй или проиграешь!»: предвыборная кампания 1996 г. и российская молодежь // Власть. – 2011. – № 6. – С. 46-50.
16. Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений. – М.: Гилея, 2005. – 288 с.
17. Весенский В. П. В темноте дня и свете ночи: заметки журналиста о Латинской Америке. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 158 с.
18. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
19. Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – 356 с.
20. Вишневский Ю. Р., Рубина Л. Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 56-69.
21. Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 190 с.
22. Вощенко К. П. Молодые борцы за мир. – М.: Просвещение, 1974. – 175 с.
23. Ганелин Р. Ш. Тартуское студенчество на пороге XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 80 с.

24. Гапич А. Э., Лушников Д. А. Технологии цветных революций. – М.: РИОР, 2010. – 132 с.
25. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
26. Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // Политические исследования. – 1995. – № 6. – С. 129-137.
27. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
28. Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899-1907. – М.: Мысль, 1971. – 264 с.
29. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – СПб.: Диамант, 2002. – Т. 4. – 688 с.
30. Данилин П. Новая молодежная политика 2003-2005. – М.: Европа, 2006. – 292 с.
31. Дмитриев Г. Д. Анатомия американского университета. – М.: Народное образование, 2005. – 223 с.
32. Желнина А. А. Свобода от политики: «обычная» молодежь на фоне политических протестов // Социология власти. – 2013. – № 4. – С. 139-149.
33. Жильцов С. С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий. – М.: Международные отношения, 2005. – 264 с.
34. Жирмунский В. М. Фольклор Востока и Запада. Сравнительно-исторические очерки. – М.: ОГИ, 2004. – 464 с.
35. Захаров С. М. Студенчество как политический актер: теоретические модели // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 2. – С. 272-279.
36. Захаров С. М. Студенческая молодежь в СССР: между протестной активностью и конформизмом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

- искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11 (49). – Ч. 1. – С. 90-93.
37. Захаров С. М. Студенчество: юридический дискурс // Юрист вуза. – 2015. – № 7. – С. 23-28.
38. Захаров С. М. Формы студенческой активности: исторический экскурс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14). – Ч. 1. – С. 94-97.
39. Зернов Д. В., Луконина Е. С. Содержание и тенденции политической активности студенчества (на примере выборов 2011-2012 гг.) // Социологические исследования. – 2013. – № 11. – С. 30-38.
40. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 414 с.
41. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – 408 с.
42. Иванов В. Антиреволюционер. Почему России не нужна «оранжевая революция». – М.: Европа, 2006. – 280 с.
43. Иванов В. Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть I // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия. Политология. – 2011. – № 4. – С. 5-28.
44. Ильинский И. М. ВЛКСМ в политической системе советского общества. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 239 с.
45. Инютин В. В. Политическое участие российской молодежи во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг.: формы, тенденции, противоречия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Воронеж, 1999. – 260 с.

46. Исламгулова С. К. О молодежной политике в Казахстане и формировании ценностных приоритетов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 56-64.
47. Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – 528 с.
48. Карпачёв М. Д. Воронежский университет. Вехи истории: 1918-2003. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 472 с.
49. Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. – М.: Изд-во СГУ, 2006. – 560 с.
50. Киргизский переворот. Март-апрель 2005. Сборник / сост. Г. О. Павловский. – М.: Европа, 2005. – 220 с.
51. Ключенко Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 46-72.
52. Ковалева Т. В. Российское студенчество в условиях переходного периода // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 142-145.
53. Коваль Б. И., Ильин М. В. Власть versus политика // Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 152-163.
54. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.) / изд. 3-е, испр. и доп. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 463 с.
55. Комаровский В. С. Демократия и выборы в России: теории и история вопроса // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 18-31.
56. Константиновский Д. Л., Чередниченко Г. А., Вознесенская Е. Д. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. – М.: Изд-во ЦСП, 2002. – 128 с.
57. Кынев А. В. Синдром технолога // Независимая газета. – 2005. – 27 мая. – С. 11.

58. Левое студенческое движение в странах капитала / отв. ред. С. С. Салычев. – М.: Наука, 1976. – 311 с.
59. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / пер. с фр. А. М. Руткевича. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 160 с.
60. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 37. – 748 с.
61. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – Т. 44. – 725 с.
62. Ли Сюй. Эволюция принципа справедливости и его реализация в государственной образовательной политике Китая: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Москва, 2015. – 188 с.
63. Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 183 с.
64. Лисовский В. Т. Советское студенчество. Социологические очерки. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.
65. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
66. Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
67. Манойло А. В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны // Власть. – 2014. – № 4. – С. 24-28.
68. Марков А. Р. Что значит быть студентом. Работы 1995-2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 264 с.
69. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 526 с.

70. «Марш миллионов» 12 июня: социальный портрет протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 3 (109). – С. 47-72.
71. Медик В. А., Осипов А. М. Университетское студенчество: образ жизни и здоровья. – М.: Логос, 2003. – 200 с.
72. Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д. В. Громов, отв. ред. М. Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 544 с.
73. Морозова Г. В. Уровень жизни студенческой молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 (32). – Ч. 1. – С. 119-124.
74. Мяло К. Г. Под знаменем бунта. Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950-1970-х годов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 287 с.
75. Нечаев Д. Н. Молодежные организации в политической системе ФРГ (80-е – начала 90-х годов XX века). – Воронеж: ВГУ, 2002. – 174 с.
76. Образ жизни студентов воронежских вузов в конце 90-х годов: особенности тенденции изменения (по материалам социологических исследований) / под. руковод. В. С. Рахманина. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 90 с.
77. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.
78. Олейник А. Н. Массовые протесты в контексте русской власти // Общественные науки и современность. – 2012. – № 4. – С. 74-80.
79. Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 208 с.
80. «Оранжевая революция». Украинская версия / сост. М. Б. Погребинский. – М.: Европа, 2005. – 464 с.

81. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н. А. Нарочницкая; ред. и сост. Е. А. Бондарева. – СПб.: Алетейя, 2008. – 208 с.
82. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / сб.: пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 509 с.
83. Парсонс Т. О структуре социального действия / изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.
84. Пахоменко С. А. трансформация политического поведения российской молодежи в условиях кризиса социокультурной идентичности: автореф. ... дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов н/Д, 2007. – 26 с.
85. Петрова Т. Э. Социология студенчества в России. Этапы и закономерности становления. – СПб.: Бельведер, 2000. – 244 с.
86. Петрушина А. В. Протестное участие молодежи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 337-346.
87. Погосян Г. А. Социальные трансформации в Армении // Социологические исследования. – 2005. – № 12. – С. 77-86.
88. Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 гг.). Справочник / сост. И. А. Мазус. – М.: Возвращение: Гос. музей ГУЛАГа, 2014. – 368 с.
89. Политическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд / руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. 1. – 701 с.
90. Политическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд / руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. 2. – 750 с.

91. Полянников Т., Прокопов Г. Синдром «цветных революций» // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 6. – С. 148-160.
92. Посохов И. С. Студенческие обструкции в университетах Российской империи (XIX – нач. XX вв.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць. – Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2008. – Вип. 11. – С. 101-108.
93. Почепцов Г. Гражданское самбо: как противостоят «цветным» революциям. – М.: Европа, 2005. – 88 с.
94. Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – 532 с.
95. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. – Т. 1. – Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко. – М.: РОССПЭН, 2003. – 1344 с.
96. Пустошинская О. С. Студенческий политический протест в Уральском федеральном округе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Пермь, 2012. – 26 с.
97. Пфетцер С. А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3 (55). – Т. 1. – С. 103-110.
98. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / пер. с англ.; под ред. проф. В. А. Божанова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 320 с.
99. Разуваев В. В. Политический смех в современной России. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – 264 с.
100. Рамбо П. 1968: Исторический роман в эпизодах / пер. с фр. Н. Морозовой. – М.: Ультра. Культура, 2004. – 256 с.

101. Рожков А. Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. – № 7. – С. 107-114.
102. Розанов В. В. Метафизика христианства. – М.: АСТ, 2000. – 864 с.
103. Рубин Д. Действуй! Сценарии Революции / пер. с англ. О. Озерова. – М.: Гилея, 2008. – 233 с.
104. Рубина Л. Я. Советское студенчество. Социологический очерк. – М.: Мысль, 1981. – 207 с.
105. Русакова О. Ф., Бочаров А. В., Грибовод Е. Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теория soft power, управляемого хауса и медиатизации политики // Социум и власть. – 2014. – № 4 (48). – С. 42-47.
106. Сартори Д. Изложение концептов в сравнительной политологии (II) // Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 152-160.
107. Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956-1968 гг.). – М.: Наука, 1975. – 232 с.
108. Скиперских А. В. Интеллектуал в провинциальном университете // Улитка. – 2011. – № 6. – С. 11-13.
109. Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – 142 с.
110. Скиперских А. В. Молодёжь и гражданское общество в российской провинции (на примере города Ельца Липецкой области) // Молодёжь и общество: перспективы развития. Сборник материалов научно-практической конференции: в 2 ч. – Мурманск: МГТУ, 2010. – Ч. 2. – С. 74-80.
111. Скиперских А. В. Ожидание медленной смерти. Провинциальный университет в современной России // Свободная мысль. – 2013. – № 5 (1641). – С. 40-48.

112. Скиперских А. В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк, Изд-во «Гравис», 2013. – 204 с.
113. Скиперских А. В., Гарбуз А. А. Концепт «перформанс»: появление субъекта // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 173-182.
114. Скулов А. И. История формирования политической активности молодежи СССР и Российской Федерации (1985-1996 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2000. – 23 с.
115. Слатинов В. Б. Карьерные перспективы молодежи на государственной службе в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 3. – С. 128-132.
116. Современный философский словарь / под. общ. ред. В. Е. Кемерова. – 2-е изд. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.
117. Соколов А. В. Особенности реализации политического участия в Интернете в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – Т. 2. – С. 152-157.
118. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / вступительная статья, составление, комментарии, подготовка к печати В. В. Сапова и В. С. Сычевой. – М.: Academia & LVS, 2003. XII. – 684 с.
119. Сорокин П. А. Социология революции. – М.: Территория будущего, РОССПЭН, 2005. – 702 с.
120. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ.; общ. ред., сост., предисл. А. Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
121. Стегний В. Н., Курбатова Л. Н. Социальный портрет современного студенчества // Высшее образование в России. – 2010. – № 2. – С. 57-63.

122. Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. – М.: Мысль, 1964. – 407 с.
123. Суций С. Я. Политическая активность студенческой молодежи юга России (на материалах вузов Ростовской области и Ставропольского края) // Вестник Южного научного центра. – 2014. – № 3. – Т. 10. – С. 94-105.
124. Тарасов А. Н. Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 528 с.
125. Телешова И. Г., Чудиновских О. С., Донец Е. В. Факторы доступности завершеного высшего образования в элитном вузе (на примере Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова) // Доступность высшего образования в России / отв. ред. С. В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. – М.: Изд-во «Поматур», 2004. – С. 287-327.
126. Усов П. Неавторитарный политический режим в Республике Беларусь // Обозрение литовской внешней политики. – 2008. – № 21. – С. 92-117.
127. Фасмер М. Энциклопедический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
128. Филоненко В. И. Современное российское студенчество: парадоксы и проблемы социализации. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2006. – 200 с.
129. Филоненко В. И., Абросимов Д. В., Магранов А. С. Социально-политический портрет современного студенчества // Философия права. – 2013. – № 1 (56). – С. 48-55.
130. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

131. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. И. Окуневой; под общей ред. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – Ч. 2. – 320 с.
132. Худавердян В. Ц. Бунт или политическая активность? – М.: Молодая гвардия, 1978. – 159 с.
133. Чекмарев Э. В. Политическое участие молодежи в постсоветский период (на материалах Саратовской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2003. – 22 с.
134. Челпанова Д. Д. Протестный потенциал студенческой молодежи юга России // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1 (77). – С. 55-62.
135. Чирун С. Н. Молодёжная политика в ситуации постмодерна: государство, общество, политические организации: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. – Казань, 2015. – 430 с.
136. Что такое молодежная политика? // Свободная мысль – XXI. – 2006. – № 1/2. – С. 67-79.
137. Шмелев А. А. Молодежные культурные и социальные движения в России // Социологические исследования. – 1998. – № 8. – С. 103-109.
138. Юртаев В. И. Иран: студенты в исламской революции. – М.: Наука, 1993. – 218 с.
139. Яковлев М. В. Студенческая молодёжь в регионах как актор современной российской демократизации (на материалах исследования в Башкортостане) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1. – С. 223-227.
140. 1960-е годы. Молодежная политика и студенческие протесты в России / материал подготовлен Е. Н. Пенской // Вопросы образования. – 2009. – № 1. – С. 238-265.
141. Barnes S. H., Kaase M. [et al.]. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. – Beverly Hills, CA: Sage, 1979. – 607 p.

142. Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. – SAGE Publications London – Thousand Oaks – New Delhi, 2002. – 221 p.
143. Beissinger M. R. Mechanisms of Maidan: The Structure of Contingency in the Making of the Orange Revolution // Mobilization: An International Quarterly. – 2011. – Vol. 16. – No. 1. – P. 25-43.
144. Bennett W. L. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2012. – Vol. 644. – November. P. 20-39.
145. Bentley A. F. The Process of Government: A Study of Social Pressures. – Chicago: The University of Chicago Press, 1908. – 501 p.
146. Blackwell Encyclopedia of Sociology / edited by G. Ritzer. – Blackwell Publishing, 2007. – 5658 p.
147. Fossato F., Lloyd L., Verkhovsky A. The Web that Failed. How opposition politics and independent initiatives are failing on the internet in Russia. – Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalists of University of Oxford, 2008. – 61 p.
148. Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. – 7th printing. – New Haven, London: Yale University Press, 1973. – 488 p.
149. Isaacs H. R. The Tragedy of the Chinese Revolution. – Chicago: Haymarket Books, 2009. – 384 p.
150. Keck M. E., Sikkink K. Activists beyond Borders. Advocacy Networks in International Politics. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. – 228 p.
151. Lipset S. M. Political Man. The Social Bases of Politics. – Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1960. – 432 p.

152. Marcuse H. Five Lectures. Psychoanalysis, Politics, and Utopia / Translations by J. J. Shapiro, S. M. Weber. – London: Allen Lane The Penguin Press, 1970. – 109 p.
153. Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. – New York: Oxford University Press, 1998. – 288 p.
154. Norman A-M. Mobilization of Students in Connection with the Orange Revolution in Ukraine 2004. – Stockholm: University of Stockholm, 2005. – 50 p.
155. Reclaiming Democracy. Civil Society and Electoral Change in Central and Eastern Europe / eds.: J. Forbrig, P. Demeš. – Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2007. – 253 p.

Электронные источники

156. Александрикова Н. Студент – лицо Евромайдана // Пять углов. – 2013. – 12 декабря. – URL: http://stena.5uglov.ru/s/studencheskoe_litso_evromaydana/ (дата обращения: 15.03.2015)
157. Барабанова С. В. Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации. Административно-правовые вопросы. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2004. – 340 с. – URL: <http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/barabanova/barabanova.pdf> (дата обращения: 12.03.2015)
158. Барабанова С. В., Бахрах Д. Н. Правовой статус студента в Российской Федерации // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – № 3 (26). – С. 95-99. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/univman/msg/152417.html> (дата обращения: 12.03.2015)

159. Башкатова А. Карьера чиновника привлекает все меньше студентов // Независимая газета. – 2014. – 15 августа. – URL: http://www.ng.ru/economics/2014-08-15/4_vuzy.html (дата обращения: 12.03.2015)
160. Делягин М. Г. Михаил Делягин: Янукович организовывал Евромайдан, чтобы попросить у Путина денег. Но в итоге перехитрил сам себя // Комсомольская правда / стенограмма радиозэфира КП. – 2014. – 24 ноября. – URL: <http://www.kp.ru/radio/stenography/120507/> (дата обращения: 12.03.2015)
161. Добрынина Е. Петр Великий и Ваня-беспартийный // Российская газета. – 2007. – 3 июля. – № 4403. – URL: <http://www.rg.ru/2007/07/03/molodezh.html> (дата обращения: 12.03.2015)
162. Долин Д. Из поста возгорелось / «Expert Online». – 2012. – 10 октября. – URL: <http://expert.ru/2012/10/10/iz-posta-vozgorelos/> (дата обращения: 12.03.2015)
163. Гельмгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах // Отечественные записки. – 2003. – № 6. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/ob-akademicheskoy-svobode-v-nemeckih-universitetah> (дата обращения: 12.03.2015)
164. Гришин А. 12+1 задержанных: таковы итоги съезда «Социалистического сопротивления» в Алма-Ате // Информационное агентство «Фергана» – 2006. – 29 мая. – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=4421> (дата обращения: 12.03.2015)
165. Грозин А. Международные неправительственные организации в Казахстане: «крестоносцы демократии» // ЦентрАзия. – 2005. – 16 апреля. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1113595200> (дата обращения: 12.03.2015)

166. Каназаров С. Только что созданное в Киргизии молодежное движение «Бирге» провело акцию в Бишкеке // Информационное агентство «Фергана». – 2005. – 10 марта. – URL: <http://www.fergananews.com/articles/3529> (дата обращения: 12.03.2015)
167. Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии / изд. 3-е, испр. и доп. – Бишкек, 2007. – 272 с. – URL: http://www.knyazev.org/books/Gov_over_3.pdf (дата обращения: 29.01.2016)
168. Коктейли Молотова и гранды / И. Дунаевский // Российская газета. – № 6355 (83). – 2014. – 11 апреля. – URL: <http://www.rg.ru/2014/04/07/politolog-site.html> (дата обращения: 12.03.2015)
169. Колодин К. Они сражались за Сталина // Известия. – 2011. – 9 марта. – URL: <http://izvestia.ru/news/372187> (дата обращения: 12.03.2015)
170. Кон-Бендит Д. Кон-Бендит о событиях 1968 года: «Это был антиавторитарный протест» // Радио Свобода – 2008. – 6 мая. – URL: <http://www.svoboda.org/content/article/446554.html> (дата обращения: 12.03.2015)
171. Малишевский Н. Западные НПО в Белоруссии: как действуют идеологические вирусы // REGNUM – Беларусь. – 2011. – 18 мая. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/1405975.html> (дата обращения: 29.01.2016)
172. Малые города Елец. – URL: <http://malgorel.livejournal.com/> (дата обращения: 12.03.2015)
173. Мамедов С., Шахиноглу Э. В Баку ждут весеннего наступления оппозиции // Независимая газета. – 2005. – 14 марта. – URL: http://www.ng.ru/courier/2005-03-14/12_baku.html (дата обращения: 12.03.2015)

174. Мартова М. Сколько стоит революция (на примере Грузии). Сорос и «Кмара» принимают заказы // ЦентрАзия. – 2004. – 24 марта. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1080106500> (дата обращения: 12.03.2015)
175. Рзаев С., Рамизоглу Н. «Американские» деньги для движения «Йох» // Эхо. – 2005. – 27 августа. – № 164 (1153). – URL: http://www.echo-az.com/archive/2005_08/1153/politica08.shtml (дата обращения: 12.03.2015)
176. Савченко Д. С. Протестная гражданская активность российского студенчества: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 12. – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/savchenko.pdf> (дата обращения: 12.03.2015)
177. СМИ: Глава Росмолодежи объявит о создании партии «Умная Россия» // РБК. – 2012. – 21 мая. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/21/05/2012/651202.shtml> (дата обращения: 03.02.2016)
178. Становая Т. Молодежные организации в современной России // Политком.ру. – 2005. – 5 декабря. – URL: <http://www.politcom.ru/320.html> (дата обращения: 12.03.2015)
179. Сулейманов М. Западные фонды будут создавать в Азербайджане новую оппозицию: Азербайджан за неделю // REGNUM. – 2005. – 11 января. – URL: <http://regnum.ru/news/387292.html> (дата обращения: 29.01.2016)
180. Тарасов А. Тщательно скрывааемые бунты // Скепсис. – 2003. – № 2. – URL: http://sceptsis.ru/library/id_316.html (дата обращения: 12.03.2015)
181. Хомяков В. Валерий Хомяков: молодежной политики в России нет // Новая политика. – 2010. – 22 декабря. – URL: <http://www.novopol.ru/-valeriy-homyakov-molodejnoj-politiki-v-rossii-net-text94256.html> (дата обращения: 12.03.2015)

182. Хроника студенческого Евромайдаана // LB.ua. – 2013. – 26 ноября. – URL:
http://lb.ua/news/2013/11/26/242839_hronika_studencheskogo_evromaydana.html (дата обращения: 12.03.2015)
183. Шиков Р. Фантомная политика // Интернет для молодежи – это просто выпуск пара // Дело. – 2008. – 26 мая. – URL:
<http://www.idelo.ru/511/19.html> (дата обращения: 12.03.2015)
184. Якеменко В. Мне сорок лет. У меня очень мало времени / беседу вела Д. Хачатрян // Новая газета. – 2012. – 25 мая. – № 57. – URL:
<http://www.novayagazeta.ru/politics/52756.html> (дата обращения: 12.03.2015)
185. Breuer A. The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution // Discussion Paper. – 2012/10. – Bonn: German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE). – 31 p. – URL: http://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (дата обращения: 27.12.2015)
186. Duda A. M. When “It’s time” to say “Enough!”. Youth Activism before and during the Rose and Orange Revolution in Georgia and Ukraine: a Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. – The University of Birmingham: Centre for Russian and East European Studies, 2010. – 298 p. – URL: <http://etheses.bham.ac.uk/1108/1/Duda10PhD.pdf> (дата обращения: 1.01.2016)
187. Kandelaki G. Georgia’s Rose Revolution. A Participant’s Perspective // Special Report. – 2006. – July. – № 167. – Washington: United States Institute of Peace. – 12 p. – URL:
<http://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения: 30.12.2015)
188. Marshall A. G. Colour-Coded Revolutions and the Origins of World War III // Global Research. – 2009. – 3 November. – URL:

- <http://www.globalresearch.ca/colour-coded-revolutions-and-the-origins-of-world-war-iii/15767> (дата обращения: 12.03.2015)
189. Nikolayenko O. Youth Movements in Post-Communist Societies: A Model of Nonviolent Resistance // CDDRL. Working Papers. – 2009. – Number 114. – Stanford: Center on Democracy, Development, and Rule of Law. – 48 p. – URL: http://cddrl.fsi.stanford.edu/sites/default/files/No_114_Nikolayenko_Youth_movements.pdf (дата обращения: 28.12.2015)
190. Smith P. H. J. Student revolution in 1960s Britain: Myth or reality? – 2007. – URL: <http://www.patricksmith.org.uk/> (дата обращения: 12.03.2015)
191. Transparency International. – URL: <http://www.transparency.org/research/cpi> (дата обращения: 5.01.2016)